Цитаты номера

В течение последних пяти лет государства-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива демонстрируют растущий интерес к развитию атомного компонента своего энергетического сектора. На данный момент две из шести стран-членов ССАГПЗ активно занимаются развитием атомной энергетики. Вполне вероятно, что угроза приобретения Ираном ядерного оружия сыграла свою роль в формировании определенных взглядов по вопросу развития атомной энергии в странах ССАГПЗ. Однако в этой статье я постараюсь доказать, что желание данных стран развивать атомную энергетику может объясняться абсолютно резонными экономическими причинами, и что этих экономических причин вполне достаточно для объяснения такой политики.

В ситуации с глобальной системой ПРО США наиболее вероятно, что Китай воздержится от резкого наращивания стратегических ядерных сил в качестве ответа на ее развертывание в АТР, особенно принимая во внимание все возможные негативные последствия такого шага для ситуации безопасности в АТР и для самого Китая. Умеренный количественный рост стратегических ядерных сил при их одновременной модернизации будет одновременно отвечать и выполнению обязательства о неприменении ядерного оружия первым. Одновременно, если американская система ПРО в АТР не будет свернута или не будут найдены пути китайско-американского сотрудничества в сфере ПРО, подключение Китая к процессу ядерного разоружения будет заморожено на неопределенную перспективу.

Проблема Южно-Китайского моря используется нынешней администрацией США — и используется эффективно — для целей, для которых раньше не удалось использовать ни Тяньаньмэнь, ни Тибет, ни Тайвань, ни Синьцзян, ни секту Фалунгунь, ни Нобелевскую премию мира. Ведь соответствующие вопросы муссировались американцами с целью вбить клин между Китаем и остальной Азией. Ухватившись за проблему Южно-Китайского моря, они наконец-то добились своего. Китай же, в свою очередь, за последние три года не высказывал применительно к островам Южно-Китайского моря никаких претензий, которых он не высказывал бы в прошлом.

Сотрудничество России и Украины в области атомной энергетики базируется на сферах общего интереса, к которым относятся разработка урановых месторождений и добыча урана, решение проблемы с обращением с ОЯТ и развитие производственных мощностей. Взаимовыгодным направлением сотрудничества также является совместное производство ядерного топлива и совместное обогащение урана. Кроме того, Россия заинтересована в освоении технологии по производству тихоходных турбин, а Украина все еще нуждается в поставках российского ядерного топлива и заинтересована в строительстве новых атомных энергоблоков на своей территории. Такая широкая зона взаимного интереса России и Украины является хорошей основой для интеграции атомных активов стран.

За последние 10 лет Турция добилась общего увеличения своего ВВП более чем на 50%, превратилась из *текстильно-кожаного рая* во вполне приличный машиностроительный *сборочный цех*, создала финансовую сферу, которая вполне конкурентоспособна на европейском уровне и уже существенно более устойчива с точки зрения последствий мирового финансового кризиса, создала и поддерживает боеспособные вооруженные силы. Этот колоссальный потенциал развития остановился перед бутылочным горлышком под названием *вступление в Европейский союз...*

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 2 (101), Том 18

Джакомо Лучиани

Александр Колбин

Виктор Сумский

ЛЕТО 2012

Маргарита Клочкова

Журнал ПИР-Центра

Дмитрий Евстафьев

Российский журнал о международной безопасности

SECURITY INDEX

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2 (101) 2012

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Вадим Луков — БРИКС МЕЖДУ 8 И 20

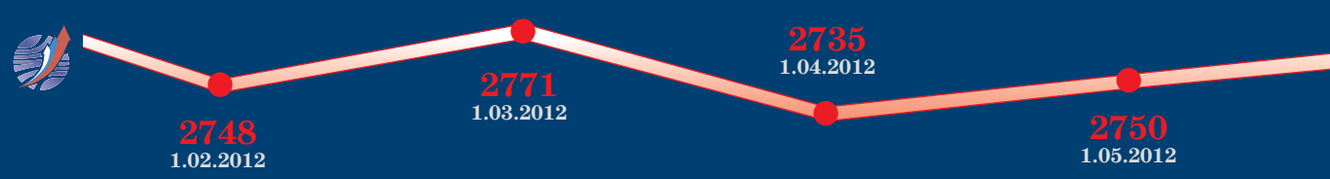
Тибор Тот — НЕ ВСТУПИВШИЙ В СИЛУ ДОГОВОР УЖЕ МЕНЯЕТ МИР

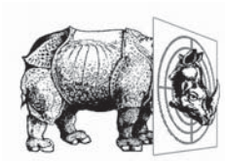
Михаил Ульянов — КТО ОТВЕТИТ ЗА БЛИЖНИЙ ВОСТОК?

Джакомо Лучиани — ГОТОВ ЛИ ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ К АТОМНОЙ ЭРЕ

Александр Колбин — КИТАЙ И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Татьяна Аничкина — ОТ ЧЕГО (НЕ) ЗАЩИТИТ АЗИАТСКИЙ *ЗОНТИК*





Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы, как Эреб:
Не верь тому.

Уильям Шекспир
«Венецианский Купец»

The man that hath no music in himself,
Nor is not mov'd with concord of sweet sounds,
Is fit for treasons, stratagems, and spoils;
The motions of his spirit are dull as night,
And his affections dark as Erebus:
Let no such man be trusted.

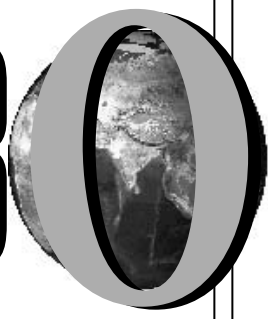
William Shakespeare
«The Merchant of Venice»

Научно-практический журнал ПИР-Центра (Центра политических исследований России)

Выходит четыре раза в год на русском и английском языках

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ



№ 2 (101), Том 18
Лето 2012

Российский журнал о международной безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г. (с 1994 по 2006 г. выходил под названием «Ядерный Контроль»)

ISSN 1992-9242

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Рогозин
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*.
Выходит четыре раза в год на русском и английском языках.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Ник Албанез, стажер
Андрей А. Баклицкий, руководитель интернет-проекта
Евгений П. Бужинский, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Олег В. Демидов, младший научный сотрудник
Шахноза Джаббарова, стажер
Ксения А. Дмитриева, специалист по работе с интернет-представительством
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульхарнеев, директор образовательной программы
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Светлана Ю. Ильина, стажер
Наталия И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор проекта по обычным вооружениям
Александр С. Колбин, помощник президента
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Ирина Ю. Миронова, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Елена В. Пономарева, стажер
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Максим Д. Симоненко, стажер
Екатерина А. Степанова, д.п.н., член Совета
Иван В. Трушкин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Александра В. Чепелева, координатор образовательной программы
Юрий А. Юдин, консультант Европейского отделения ПИР-Центра (Женева)
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 2 (101), Том 18
Лето 2012

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Ирина Ю. Миронова, заместитель главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Екатерина А. Трухтанова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Никита В. Перфильев, Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Ташкент: Галия Р. Ибрагимова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: http://si.pircenter.org

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать (см. с. 22)
- по всему миру: ООО *Триалог*, http://pircenter.org/club, tralogue@pircenter.org
- по всему миру: East View Information Services, http://www.eastview.com/
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), http://www.tandf.co.uk/journals

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Выпуск осуществлен благодаря поддержке Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы».

Тираж (российское и международное издания) 2000 экз. **Подписано в печать** 30 июня 2012 г.
Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2012

PIRPRESS

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

7 **Восточный экспресс** — *Ирина Миронова*

Азиатско-Тихоокеанский регион во главе с Китаем обретает все большее значение в международной безопасности, и от стратегии стран именно этого региона во все большей степени начинают зависеть показатели безопасности во всем мире. Станет ли XXI век *Азиатским веком* в той же степени, как век XX был веком *Запада*? Возрастет ли реально роль Азии настолько, чтобы быть определяющей в системе международных отношений? О том, каков будет следующий пункт на новом маршруте следования *Восточного экспресса*, читайте в этом номере.

***Ключевые слова**: Транстихоокеанское партнерство, Восточноазиатская тройка, экономическая интеграция, АТР.*

В ДЕСЯТКУ

10 **За границу**

ИНТЕРВЬЮ

11 **Экономики БРИКС взаимодополняют друг друга, и это дает хорошую базу для развития многостороннего экономического сотрудничества** — *Вадим Луков*

В условиях борьбы с последствиями международного экономического кризиса 2008–2009 гг. все большее значение приобретают как традиционные, так и новые форматы, позволяющие координировать экономическую политику и совместно вырабатывать подходы к реформированию международной системы. Мы побеседовали с Вадимом Луковым, заместителем представителя Президента России в *Группе восьми*, координатором в МИД РФ по вопросам *Группы двадцати* и Группы БРИКС.

***Ключевые слова:** Группа восьми, Группа двадцати, реформа мировой финансово-экономической системы, экономическое сотрудничество.*

17 **ДВЗЯИ: не вступивший в силу договор уже меняет мир** — *Тибор Тот*

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний был открыт для подписания 24 сентября 1996 г. С тех пор его подписали и ратифицировали 157 государств, создана международная мониторинговая система. Каковы перспективы вступления в силу договора? Что уже достигнуто в деле обеспечения ядерной безопасности? Исполнительный секретарь Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ — о настоящем и будущем Договора.

***Ключевые слова:** ДВЗЯИ, международная мониторинговая система, ядерные испытания, ядерная безопасность.*

23 **Ответственность за проведение конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке лежит на странах региона** — *Михаил Ульянов*

Состоится ли в 2012 г. Конференция по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ? В чем суть предложения России по созданию группы друзей спецкоординатора? Какие дальнейшие шаги готова предпринять Россия, если односторонняя система ПРО не будет остановлена? Как завершилась первая сессия Подготовительного комитета Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2015 г.? Директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ ответил на вопросы нашего корреспондента.

Ключевые слова: *Обзорная конференция действия ДНЯО, ПРО в Европе, ЗСОМУ на Ближнем Востоке.*

А Н А Л И З

27 **Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива: в чем целесообразность?** — *Джакомо Лучиани*

В течение последних пяти лет государства — члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива демонстрируют растущий интерес к развитию атомного компонента своего энергетического сектора. Автор статьи доказывает, что желание данных стран развивать атомную энергетику может объясняться абсолютно резонными экономическими причинами и что этих экономических причин вполне достаточно для объяснения политики развития атомной энергетики.

Ключевые слова: *атомная энергетика, Ближний Восток, Персидский залив, энергетическая безопасность.*

37 **Китай и ядерное разоружение: возможно ли сокращение стратегических ядерных сил КНР?** — *Александр Колбин*

Добившись значительных успехов во всех сферах жизни общества, Китай дал многим исследователям повод говорить о себе как о единственном государстве, способном в ближайшее десятилетие бросить вызов Соединенным Штатам. Но очевидно, что в этом впечатляющем росте заложено немало вызовов и для самого Китая. В статье сотрудника *ПИР-Центра* рассмотрены проблемы, с которыми может столкнуться ядерная стратегия Пекина в 2012–2020 гг., и дан ответ на вопрос, появятся ли в указанный период предпосылки для сокращения китайских стратегических ядерных сил.

Ключевые слова: *оборонная политика Китая, ядерная политика Китая, концепция неприменения ядерного оружия первым, стратегия ядерного сдерживания.*

53 ***Восточноазиатская тройка*** **в АТЭС: перспективы для Владивостока–2012** — *Юлия Крячкина*

Действия России через саммит АТЭС — это часть общей стратегии включения в политические и экономические процессы в АТР. Насколько подходы России в рамках АТЭС соотносятся с интересами и стратегиями ближайших соседей по региону — *Восточноазиатской тройки*? Какие темы занимают центральное положение в АТЭС и какие проблемы может решить Россия посредством участия в этом форуме?

Ключевые слова: *АТЭС, Китай, Япония, Республика Корея, политика России в АТР.*

63 **Восточная Азия и *ядерный зонтик* США** — *Татьяна Аничкина*

Американское расширенное ядерное сдерживание, или *ядерный зонтик*, — это гарантии, предоставленные Соединенными Штатами своим союзникам и партнерам в Европе и Азии, о защите последних от атаки с использованием ядерных или обычных вооружений с применением Вашингтоном национальных средств ядерного сдерживания. Младший научный сотрудник ИСК РАН анализирует особенности *ядерного зонтика* США в Восточной Азии.

Ключевые слова: *расширенное ядерное сдерживание, Восточная Азия.*

73 **Перспективы сотрудничества России и Украины в атомной сфере** — *Маргарита Клочкова*

Сотрудничество России и Украины в области атомной энергетики, несомненно, основывается на стремлении стран наилучшим образом реализовать свои интересы. К сферам общих интересов относятся разработка урановых месторождений и добыча урана, решение проблемы с обращением с ОЯТ и развитие производственных мощностей. Взаимовыгодными направлениями сотрудничества также являются совместное производство ядерного топлива и совместное обогащение урана. Насколько эффективно сейчас взаимодействие между Россией и Украиной в атомной энергетике, реализуются ли предпосылки и каковы перспективы такого взаимодействия?

Ключевые слова: *Россия–Украина, ЯТЦ, структура энергопотребления, производство ядерного топлива.*

К О М М Е Н Т А Р И Й

91 **От Фукусимы и Парчина — к Хельсинки и ПРО** — *Владимир Орлов*

«В своем выступлении за несколько минут до завершения Препкома глава российской делегации, по сути, поставил под вопрос возможность реализации Статьи VI ДНЯО в том виде, как это ожидается, так как Соединенные Штаты и НАТО взяли курс на торпедирование взаимосвязи между наступательными и оборонительными вооружениями через формирование глобальной системы ПРО. Не знаю, многие ли услышали в зале этот сигнал. Но, как минимум, одна делегация не просто услышала, но и выступила со своим заявлением, где так же жестко критиковала планы США в области ПРО, развивая мысль российских коллег. Это была делегация Китая».

Ключевые слова: *статья VI ДНЯО, Препком–2012, ядерный ренессанс, ядерная проблема Ирана, ЗСОМУ на Ближнем Востоке.*

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

95 **Противоборство США и Китая в Азии: выводы для России**

В американо-китайских отношениях в Азии переплетаются взаимозависимость и соперничество. Насколько долгосрочна эта тенденция? Может ли соперничество двух держав спровоцировать в регионе опасную поляризацию сил? Какова реакция региональных игроков на различные перипетии отношений США и Китая? Какой должна быть в данной ситуации позиция России? Об этом размышляют участники расширенного заседания Экспертно-консультативного совета *ПИР-Центра*, проведенного совместно с Центром АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ.

Ключевые слова: *США, Китай, Россия, АСЕАН, АТР, Южно-Китайское море.*

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

118 **Индекс *iSi* за февраль-май 2012 г.: Устойчивая нестабильность** — *Галия Ибрагимова, Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Мехди Санаи, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Константин фон Эггерт*

Изменчивость показателей *iSi* связана с сохраняющейся напряженностью на Ближнем Востоке и в государствах Африки, неопределенностью политики КНДР, возросшей террористической угрозой в мире, продолжающимся экономическим кризисом в зоне евро.

Ключевые слова: *Африка, Ближний Восток, Афганистан, КНДР, стратегическая стабильность, ядерная безопасность.*

125 **Глазами либерала: Избитые стереотипы и новые тренды мировой политики** — *Юрий Федоров*

Считается, что в обозримой перспективе Китай выйдет примерно на один уровень с США по экономической, а затем и по военной мощи. Однако диагноз достаточно

ясен: Китай столкнулся в проблемами, типичными для стран, находящихся в *ловушке дохода среднего уровня*. Это маловразумительное словосочетание означает, что факторы, обусловливавшие быстрое экономическое развитие страны, либо уже исчерпаны, либо близки к этому.

Ключевые слова: *Китай, Ближний Восток, Россия, мировая энергетика, войны за ресурсы, нетрадиционные источники нефти и газа.*

142 **Глазами консерватора: Зубы дракона, или всходы демократии** — *Дмитрий Евстафьев*

За последние 10 лет Турция добилась общего увеличения своего ВВП более чем на 50%, превратилась из *текстильно-кожаного рая* во вполне приличный машиностроительный *сборочный цех*, создала финансовую сферу, которая вполне конкурентоспособна на европейском уровне и уже существенно более устойчива с точки зрения последствий мирового финансового кризиса, создала и поддерживает боеспособные вооруженные силы. Этот колоссальный потенциал развития остановился перед *бутылочным горлышком* под названием *вступление в Европейский союз…*

Ключевые слова: *Россия–ЕС, Россия–США, ПРО, арабская весна, Турция.*

Б И Б Л И О Т Е К А

159 **Письма из тупика** — *Вадим Козюлин*

«Довольно гладко на бумаге выглядит структурная реформа оборонной промышленности: слияниями и поглощениями формируется новый облик будущей российской военной индустрии. Руководство страны планирует перевооружение за счет резкого увеличения расходов на закупку военной техники. При внимательном рассмотрении предстает иная, значительно более сложная и в целом безрадостная картина, которую скорее можно охарактеризовать как *упадок*», — говорится в рецензии на монографию *Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы. Под ред. Н.И. Калининой. М.: ИМЭМО РАН, 2010.*

Ключевые слова: *обычные вооружения, торговля оружием, реформа сферы ВТС.*

167 **Ядерное оружие — переломный момент?!** — *Александр Чебан, Андрей Баклицкий*

ПИР-Центр провел конкурс на лучшую рецензию на фильм «Ядерное оружие — переломный момент». Студенты и молодые специалисты в своих работах обратились к вопросам, которые вызывает идея безъядерного мира, и представили свое видение будущего мира без ядерного оружия. Предлагаем вниманию читателей работы победителей конкурса.

Ключевые слова: *ядерное оружие, ядерное разоружение, ядерный ноль.*

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

175 *Андрей Баклицкий, Александр Колодько, Иван Трушкин, Юлия Фетисова, Александр Чебан* — сотрудники, стажеры и выпускники образовательной программы ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

183 SUMMARY

187 ОБ АВТОРАХ

191 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

195 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

196 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

Обл. III **О музыке**

Азиатско-Тихоокеанский регион во главе с Китаем обретает все большее значение в международной безопасности, и от стратегии стран именно этого региона во все большей степени начинают зависеть показатели безопасности во всем мире, будь то безопасность в традиционном понимании, экономическая безопасность либо новые вызовы. Станет ли XXI век *Азиатским веком* в той же степени, как век XX был веком *Запада*? Возрастет ли реально роль Азии настолько, чтобы быть определяющей в системе международных отношений?

Налицо присутствие факторов, которые явно свидетельствуют о смещении центра тяжести мировой политики из Атлантического океана в Тихий. *Во-первых*, с мировым экономическим кризисом азиатские государства справились намного лучше, чем Европа и США (рост ВВП не уходил на *отрицательную территорию* и в среднем для АТР составил 0,5% в 2009 г., в то время как в Европе этот показатель составлял примерно –4%). Военные расходы стран АТР неуклонно росли даже в период экономического кризиса. *Во-вторых*, экономический рост сопровождается ростом энергопотребления, таким образом, Атлантический бассейн торговли углеводородами (учитывая также частичный отказ Японии от использования атомной энергии) также приобретает все большую значимость. В своем новом обзоре мировой энергетики специалисты *BP* отмечают, что «центр гравитации мирового потребления энергоресурсов смещается от стран ОЭСР в сторону развивающихся экономик, прежде всего в Азии», при этом ископаемые виды топлива (нефть, газ, уголь) остаются основными источниками энергии, обеспечивая порядка 87% потребностей. Потребление энергии в 2011 г. выросло, и 71% этого роста обеспечил Китай.

Эти два фактора наглядно демонстрируют, что происходит изменение баланса. Естественно, это отражается и на политических отношениях как на мировом уровне, так и на региональном. Это очевидно на одном достаточно интересном примере, который зазвучал по-новому в конце 2011 г. Речь идет об идее создания зоны свободной торговли.

Создание зоны свободной торговли подразумевает отмену таможенных пошлин и количественных ограничений в торговых отношениях, что влечет за собой такие последствия, как рост конкуренции и укрупнение рынков. Как правило, эти факторы считаются *позитивными*, однако не всегда интеграция в форме зоны свободной торговли оказывается полезной для развития национальной экономики — проблема здесь возникает в связи с тем, что интеграция между экономиками различного уровня — более развитыми и развивающимися; с разными уровнями зарплат в одних и тех же отрас-

лях, которые являются *специальными* сразу для нескольких стран — может повлечь за собой ухудшение положения в менее конкурентоспособной на региональном уровне отрасли в одной из стран.

Тема региональных зон свободной торговли в АТР, в общем, стала одной из многих арен стратегического противостояния США и Китая. Вот уже 10 лет как идея создания трехсторонней зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей витает в воздухе, и 13 мая было все-таки анонсировано создание зоны на базе трехстороннего соглашения о защите инвестиций. Три страны вместе производят почти пятую часть мирового ВВП и дают около 18% мирового экспорта, поэтому их объединение в зону свободной торговли станет значительным событием. Однако добиться эффективного функционирования такой зоны будет достаточно сложно. Во всех трех странах есть группы, для которых открытость к свободной конкуренции будет нежелательна. В их числе — японские фермеры, китайские национальные компании, южнокорейские компании, нацеленные на активизацию экспорта за счет подписания двухстороннего соглашения с Китаем, обходящего Японию, поэтому соглашение в любом случае будет содержать много исключений.

При всех сдерживающих факторах у трехсторонней зоны все же могут быть перспективы. Китай является крупнейшим торговым партнером и для Японии, и для Республики Корея. Все три страны осознают, что их будущее тесно связано и что необходимо преодолеть враждебность, связанную с историческим прошлым, а также снять барьеры, затрудняющие собственный экспорт. Наконец, трехстороннее соглашение о защите инвестиций, которое должно лечь в основу зоны свободной торговли, уже заключено.

По словам некоторых экспертов, проект трехсторонней зоны в дальнейшем должен слиться с Транстихоокеанским партнерством (ТТП), которое активно продвигают США, и образовать грандиозную Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли. Однако на деле ТТП не является комплементарным по отношению к зонам свободной торговли, продвигаемым Китаем (трехсторонняя зона свободной торговли и уже действующая зона КНР-АСЕАН). Транстихоокеанское партнерство — самый обширный по охвату сфер экономики проект зоны свободной торговли из всех существующих и никак не состыкуется с теми ограничениями, которые могут возникнуть на этапе трехсторонней интеграции Китая, Японии и Республики Корея.

Для стран, рассматривающих возможность вступления в ТТП, встает вопрос о совершении осознанного шага в сторону более конкурентной экономики. К примеру, японские компании без участия в ТТП (как докладывают специалисты британского *Экономиста*) будут вынуждены конкурировать с южнокорейскими, имеющими некоторые преимущества в результате многочисленных договоров о свободной торговле, которые в последнее время были заключены южнокорейским правительством. Поэтому вопрос конкуренции с Южной Кореей теоретически может повлиять на позитивное, несмотря на необходимость определенных уступок, решение по проекту ТТП. Как уже было отмечено выше, такие дилеммы возникают в любом проекте торговой интеграции, будь то трехстороннее объединение или же соглашение с участием десяти и более стран. Если в ТТП вступит Япония, это станет чем-то большим, чем еще одна инициатива в АТР, которая остается только на бумаге. Поэтому отсутствие на сегодняшний день какого-либо продвижения в японской позиции в отношения ТТП является главным камнем преткновения для проекта.

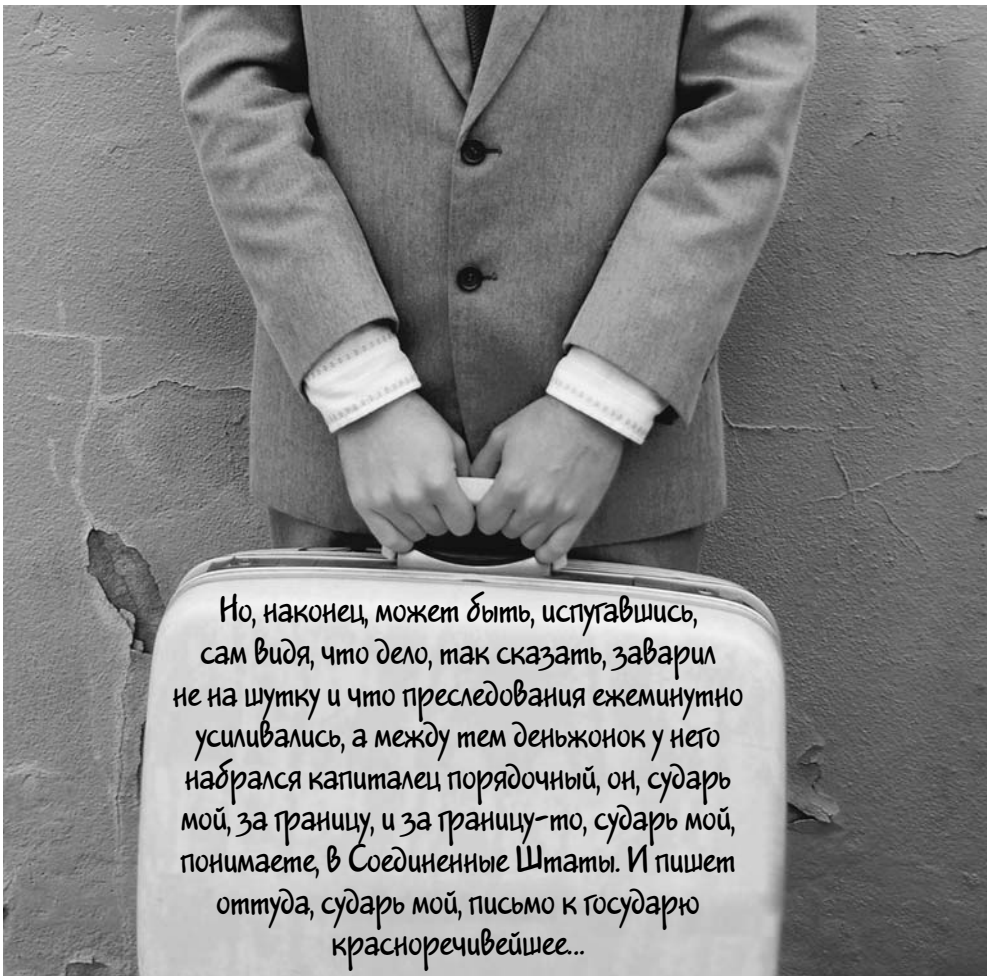
Мотивации любой из стран Восточной Азии и для присоединения к проекту ТТП, и для образования трехсторонней зоны свободной торговли в корне одинаковы. Потребуется модернизация внутренней экономической системы, что одними странами воспринимается как позитивный момент (как,

например, в случае с Китаем и вступлением в ВТО), другими — как дополнительная сложность (как в случае с Японией, опасающейся экономической интеграции). Так или иначе, в центре останутся отношения внутри *Восточноазиатской тройки*, которые и определят будущее интеграционных механизмов в АТР.

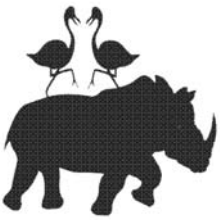
Возможно, со мной не согласятся **участники расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра**, круглый стол по результатам которого мы публикуем в этом номере. В частности, торгово-экономические инициативы, судя по всему, не являются приоритетными для России. Приглашаем читателей к дискуссии по данному вопросу! Интересы *Восточноазиатской тройки* и возможности России по взаимодействию с этими странами в рамках Саммита АТЭС и на дальнейшую преспективу, включая не только политические инициативы, но и торговые, рассмотрены в статье Юлии **Крячкиной**.

Номер, который Вы держите в руках, конечно, не обошел вниманием наши традиционные темы — ядерное нераспространение и подходы к обеспечению ядерной безопасности (здесь надо отметить и интервью с исполнительными секретарем Подготовительного комитета ОДВЗЯИ Тибором **Тотом**), развитие атомной энергетики (перспективы развития данной отрасли на Ближнем Востоке анализирует Джакомо **Лучиани**, перспективы сотрудничества России и Украины — Маргарита **Клочкова**). И все же традиционные темы приобретают новое звучание в новом региональном срезе: Татьяна **Аничкина** пишет о ядерном зонтике США в Восточной Азии; Александр **Колбин** — о будущем ядерной стратегии КНР. Насколько устойчиво это направление — покажет время и очередной пункт на новом маршруте Восточного экспресса.

Ирина Миронова
Заместитель главного редактора



Николай Гоголь
«Мертвые Души»
Повесть о Капитане Копейкине
(одна из первоначальных редакций)



Вадим Луков:

«ЭКОНОМИКИ БРИКС ВЗАИМОДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА, И ЭТО ДАЕТ ХОРОШУЮ БАЗУ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МНОГОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

В условиях борьбы с последствиями международного экономического кризиса 2008–2009 гг. все большее значение приобретают как традиционные, так и новые форматы, позволяющие координировать экономическую политику и совместно вырабатывать подходы к реформированию международной системе. Какое место среди этих механизмов занимают Большая восьмерка, Большая двадцатка и БРИКС? Каковы интересы России в каждом из этих форматов? На какой из них стоит возлагать более серьезные надежды?

***Мы побеседовали с Вадимом Луковым, заместителем представителя Президента России в Группе восьми, координатором в МИД РФ по вопросам Группы двадцати и Группы БРИКС*[1].**

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как вы оцениваете деятельность и перспективы *Большой двадцатки*?

ЛУКОВ: *Большая двадцатка*, *Группа двадцати* или *G-20* — это около 85% глобального ВВП, 75% населения мира и около 85% мировой экономики. Уже только эти цифры делают группу объектом повышенного внимания и дипломатических служб, и правительств, и широкой общественности. При этом никаких точных критериев членства в группе никогда не было. Когда она спешно создавалась в 1998–1999 гг. после азиатского кризиса, было не до тщательного взвешивания экономической роли каждого из государств на мировой арене или в регионе. Отсюда возникающие время от времени сомнения — а что делает та или иная страна в этом клубе. С другой стороны, ряд государств и сейчас рассчитывает вступить в этот клуб, есть даже своего рода очередь.

В январе 2010 г. было принято решение наложить мораторий на рассмотрение каких бы то ни было кандидатур. Связано это с тем, что в *двадцатке* отсутствует консенсус относительно потенциальных кандидатур. Первые 10 лет своего существования группа действовала в режиме диалогового клуба министров финансов этих стран. Увы, в результате очень здравые и компетентные мысли этих людей не были востребованы государствами. Если взять, к примеру, заявление министров финансов *Группы двадцати*, сделанное в декабре 1999 г., то будет казаться, что эта цитата взята из каннского заявления лидеров *двадцатки*, из вчерашней рядовой статьи *Moscow Journal*. Увы, финансово-экономическое высокомерие тех, кто в то время определял будущее финансовой архитектуры мира, привело к тому, что эти разумные призывы были проигнорированы. Механизмов прогнозирования кризисов в МВФ не было создано, и достаточных ресурсов для противодействия кризисам глобальных масштабов у МВФ не накоплено. Системы кризисного урегулирования создано не было. Результат — трагический провал глобальной экономики 2008–2009 гг.

Двадцатка, надо отдать ей должное, постаралась извлечь уроки из этой истории. В сжатые сроки была создана структура, во главе которой встали лидеры государств,

а не министры финансов. Структура обладает разветвленной системой оперативных действий в виде рабочих групп по реформам валютно-финансовой системы, энергетике, стабилизации поставок сырья, по борьбе с коррупцией, по развитию. Штаб *двадцатки* — это встречи шерп. *Двадцатка* действует на основе общего плана, предложенного МВФ. Этот план предусматривает следующее: в случае скоординированных действий *Группы двадцати* по выводу мировой экономики на траекторию развития в ближайшие 5 лет удастся создать 30 млн рабочих мест, ускорить развитие на 2,5% и уменьшить число людей, живущих за чертой бедности, на 33 млн.

Конечно, эти цифры нужно рассматривать с элементами недоверия. Темпы экономического восстановления после 2010 г. заметно замедлились, а степень координации действий *Группы двадцати* ослабла. Главная причина в следующем: развитые экономики оказались зажаты в *стратегические клещи*. С одной стороны, необходимо проводить консолидацию, но она приводит к сокращению государственных расходов, а с другой — нужно ускорить экономическое развитие, а оно невозможно без расширения рынка. Классический пример этой опасной ситуации — положение в еврозоне. Да, мы очень рады, что Европейский центральный банк и Европейский фонд финансовой стабильности смогли выделить более 150 млрд евро для спасения Греции от дефолта. Но, с другой стороны, в этом году темпы развития еврозоны составят 0,5%, а этого явно недостаточно для того, чтобы начать решение стратегической проблемы — сокращения государственного долга.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли у России и стран БРИКС повестка дня для решения этих проблем через *двадцатку?*

ЛУКОВ: Первая функция группы заключается в том, что *двадцатка* — это инструмент взаимного экономического обучения, гармонизации школ экономики. Естественно, первые шаги *двадцатки* по выработке общей экономической стратегии были отмечены серьезными разногласиями и дискуссией. Однако обстановка кризиса помогла сравнительно быстро преодолеть первоначальный *культурный шок*. Результатом стало Питтсбургское соглашение об уверенном, устойчивом и сбалансированном росте. Сейчас эта функция весьма важна, потому что в *двадцатке* существуют и временами обостряются дискуссии о путях сокращения глобального дисбаланса, приведшего к кризису 2008–2009 гг. и не устраненного до сих пор.

Вторая функция *двадцатки* еще более фундаментальна, на мой взгляд. В условиях, когда западное общество стоит перед перспективой очень глубокой трансформации своей экономики и основ социальной политики, требуется *подушка безопасности*, средство для менее болезненного перехода из одного состояния в другое. В этих условиях солидарность государств *двадцатки,* как политическая, так и финансовая, выражающаяся в коллективных действиях, заключается в предотвращении новых кризисов, которые в первую очередь ударят по еврозоне, откуда бы они не пришли. Увы, еврозона сейчас — самый слабый узел мировой экономики. В этих условиях *двадцатка* представляет собой очень важный сегмент, поэтому Россия настаивает на том, чтобы *двадцатка* в первую очередь фокусировалась на своем основном бизнесе — решении финансово-экономических вопросов. Мы скептически относимся к идеям непрерывного расширения функций *двадцатки* на все новые сферы: туризм, вопросы внешней политики, экологию. Для всего этого есть другие форумы, которые уполномочены правительствами практически решать эти вопросы.

Россия и другие страны БРИКС через *двадцатку* предлагают принять следующие меры:

- выполнение плана действий или рамочной стратегии для обеспечения стабильного устойчивого роста;
- строгое выполнение всеми членами *двадцатки* Каннского плана;
- наращивание ресурсов Международного валютного фонда для противодействия возможным новым шокам в глобальной экономике.

Надо учитывать, что природа экономических циклов в мире сейчас изменилась и в основе этого лежит глубокое изменение инвестиционного цикла в развитых

странах. Кризис серьезно мешает глубокой трансформации экономической и социальной модели развитых стран. Между тем такая трансформация назрела.

Возвращаясь к оперативным задачам *двадцатки*, Россия и страны БРИКС готовы к пополнению значительных ресурсов МВФ, но при ряде условий. *Во-первых*, наш добровольный вклад в пополнение ресурсов должен быть связан с пересмотром квот в уставном капитале фонда. Должен быть соблюден принцип: больший вклад — большее право голоса. *Во-вторых*, МВФ и государства БРИКС должны получить от ЕЦБ, ЕФ наглядные доказательства, что они приняли все меры в рамках собственных ресурсов для устранения причин суверенных долгов. Эту позицию в целом воспринимают и руководства МВФ, и наши партнеры в Европейском союзе. Правда мы несколько насторожены, что на переговорах МВФ по пересмотру квот наши европейские партнеры не проявляют должной гибкости и не учитывают в должной степени изменившиеся экономические реалии.

В своей позиции Россия отталкивается от задач, которые решает *двадцатка*. Та задача, которую я только что описал, может быть определена как *кризисное реагирование*. Вторая функция *двадцатки* — продвигать *долгосрочную реформу международной финансово-экономической системы*. Группа уже много сделала на этом пути: проведена реформа квот во Всемирном банке; ведется реформа квот и пересмотр их в МВФ; создан новый режим действия банков под названием *Базель-3* для установления стандартов резервных капиталов банков.

Но называть это все завершением финансовой реформы мы не можем. Россия и партнеры по БРИКС выступают за продолжение данной реформы. Увы, пока не все в *двадцатке* с нами согласны. Я думаю, с помощью терпеливого диалога мы сможем убедить наших партнеров, что продолжение реформы — в наших интересах. Тема продолжения реформы будет одной из основных в течение будущего российского председательства в *двадцатке* в 2012 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте обратимся к вопросу *восьмерки* и взаимосвязи деятельности *восьмерки* и *двадцатки*. В каких сферах происходит пересечение деятельности? Какие перспективы ждут *восьмерку* в контексте роста авторитета *двадцатки*?

ЛУКОВ: *Восьмерка*, родившаяся из своей предшественницы — *Группы семи*, — хотя и действует сейчас во многом в тени *Группы двадцати*, тем не менее не потеряла своего серьезного значения как элемент глобального управления. За время своего существования *Группа восьми* обзавелась чрезвычайно разветвленной системой рабочих органов — от вопросов международной безопасности до таких тем, как сокращение детской и материнской смертности.

Некоторые политики и ученые предрекают *восьмерке* закат или исчезновение. Не думаю, что это предопределено. Если *восьмерка* сможет найти оптимальную нишу в формирующейся новой системой органов глобального управления (*двадцатка*, БРИКС, ряд региональных структур), она сможет выполнять свою полезную и незаменимую роль.

Другие специалисты, я бы назвал их *сверхоптимистами*, пророчат *восьмерке* роль этакого ядра *Группы двадцати*. Не думаю, что этот оптимизм обоснован, поскольку подобная структура в несколько сглаженном виде воспроизводила бы старую моноцентричную систему экономики. Попытки создания такой системы породили бы раскол и конфронтацию в *Группе двадцати*, чего нужно обязательно избежать по многим указанным мною причинам.

О нынешней и будущей роли *восьмерки* в рамках самого форума ведутся интенсивные дискуссии, идет поиск оптимальной модели. Как я уже сказал, есть предложения сделать *восьмерку* штабом *Группы двадцати*. Но это нереально ни по экономическим соображениям, ни по политическим. Остальная часть *двадцатки* не примет такого положения.

Есть предложение организовать разделение труда между *двадцаткой* и *восьмеркой*. *Двадцатка* в первую очередь будет заниматься финансово-экономическими вопросами: предотвращением или урегулированием кризисов, а также продвиже-

нием вперед реформы финансовой архитектуры, — а *восьмерка* — обсуждением политических проблем и вопросов безопасности и служить катализатором действий *Группы двадцати* и более широкого международного сообщества в социально-гуманитарной сфере. Например, в сфере содействия международному развитию.

Есть и третья модель, подразумевающая взаимодействие между финансовой *семеркой* и БРИКС в рамках *двадцатки*. Прецедент такого взаимодействия, причем конструктивный, уже был. Благодаря прямым переговорам министров финансов *семерки* и БРИКС в октябре 2010 г. удалось договориться о первом этапе реформы МВФ. Но думаю, что подобные эксперименты, при которых *семерка* и БРИКС будут договариваться между собой, а остальные выступать в роли зрителей, не должны повторяться, поскольку в таком случае мы рискуем оттолкнуть от *двадцатки* большое число государств, которые в ней сейчас участвуют, в первую очередь развивающихся стран. И второе, мы рискуем ослабить легитимность *двадцатки* в глазах внешнего мира. А это сейчас, между прочим, серьезная проблема. Некоторые критикуют *двадцатку* за то, что это эксклюзивный клуб, который никто не избирал и который пытается навязывать свои решения внешнему миру, поэтому подобные раунды взаимодействия могут быть обоснованы только в одном случае: когда среди членов *двадцатки* существует всеобщее признание того, что на пленарном заседании с участием всех представленных государств какой-либо острый неотложный вопрос решить невозможно. Нужна инициативная группа, которая выработает решение и предложит его остальным. Только в таких случаях нужно прибегать к подобным ситуациям. Иначе мы рискуем развалить *двадцатку*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как развивается динамика БРИКС? Появляются ли новые темы в повестке дня?

ЛУКОВ: БРИКС — это 25% ВВП мира, если мерить его по паритету покупательной способности. Это 44,5% населения земного шара. Это 30% земной суши. БРИКС — это 50% прироста ВВП мира за последние 10 лет. БРИКС обеспечил рост собственного ВВП на 420% за последние 10 лет. Для сравнения: страны финансовой семерки достигли 67% за последние 10 лет по аналогичному показателю. В этом году по прогнозам МВФ БРИКС обеспечит 56% прироста глобального ВВП. Вот что делает БРИКС силой будущего.

Мне могут возразить: страны БРИКС слишком разбросаны географически и имеют большое число противоречий между собой. Однако в эпоху глобализации мировой экономики вопрос о расстоянии вторичен, первичны экономическая и финансовая мощь. Давайте посмотрим на ситуацию в более широком контексте: страны БРИКС имеют гораздо больше общих интересов, чем конфликтов. Я бы выделил четыре большие группы таких интересов.

Первое. Существует общая заинтересованность стран БРИКС в глубокой реформе финансово-экономической архитектуры мира. Собственно на этой базе БРИКС и родился.

Второе. Все мы выступаем за укрепление международного права против политик односторонних силовых действий в международных отношениях, за укрепление центральной роли ООН.

Третье. Наши общества стоят перед вызовом модернизации во всех сферах: экономической, социальной, в сфере политики в области окружающей среды.

Четвертое. Наши экономики и наши комплексы народного хозяйства взаимодополняют друг друга, и это дает хорошую базу для развития многостороннего экономического сотрудничества.

В ноябре 2010 г. я выступал в Европейском парламенте по тематике БРИКС, на семинаре, а не на пленарном заседании. После моего выступления один британский парламентарий саркастически спросил меня: «БРИКС — это скорее состояние умов?» Пришлось ответить уважаемому парламентарию: «Знаете, в состояние умов очередь не выстраивается». Через месяц Южная Африка вступила в БРИКС.

БРИКС сегодня — это уже 14 форматов взаимодействия, которые охватывают уровни начиная со встреч лидеров, советников по национальной безопасности, министров иностранных дел, финансов, торговли и экономики. Этот механизм становится особо важным в свете вступления России в ВТО. Теперь вся пятерка может координировать свои позиции в ходе Дохийского раунда переговоров.

Встречи министров сельского хозяйства — очень важное направление для сотрудничества. Принята 6-летняя программа сотрудничества по таким направлениям, как разработка новых технологий для сельского хозяйства с учетом изменения климата, улучшения наших позиций на международной рынке, содействие притоку инвестиций в аграрный сектор, встречи министров здравоохранения. Одна из целей работы на этом направлении — расширение доступов, причем их большая часть в данный момент ввозится из западных государств. Они стоят очень дорого и далеко не все заменимы. Сотрудничество по БРИКС отчасти позволит уменьшить эту проблему.

Есть также механизмы встреч по вопросам энергобезопаности и энергоэффективности. Начнет свою работу форум по проблемам урбанизации, поскольку БРИКС — это государства, где расположены наиболее густонаселенные города мира.

Несколько слов об итогах саммита БРИКС в Дели, состоявшегося в марте 2012 г.

Первое. Лидеры стран БРИКС зафиксировали общую позицию в отношении реформы международной валютно-финансовой системы: реформа должна продолжаться, причем на первом плане должна быть реформа МВФ.

Второе. Страны БРИКС скоординировали свои подходы к принципиальным вопросам развития международной торговой системы. Теперь такая координация облегчается фактом одновременного участия всех государств в ВТО.

Третье. В практическом плане мы скоординировали подходы к саммиту *двадцатки* в Лос-Кабосе[2]. Суть нашего подхода следующая: не стоит плодить новых планов действий *Группы двадцати* по выводу мировой экономики из околокризисного состояния. Сейчас нужно сосредоточиться на выполнении предыдущих планов, на Каннском плане действий, чтобы его не постигла судьба решений, принятых в Торонто в 2010 г. (я имею в виду решение о фискальной консолидации, которое не было осуществлено).

В политической сфере страны БРИКС скоординировали свой подход по отношению к сирийскому кризису. Это очень важно, это всем известно, мы не делаем из этого драмы и секрета. Всем известны расхождения, которые обнаружились между нами в ноябре прошлого — феврале этого года по сирийскому сюжету. Мы также скоординировали подходы вокруг ситуации вокруг Ирана. Мы договорились совместно действовать в вопросах деэскалации напряженности и искусственного нагнетания напряженности вокруг этой страны.

Саммит принял план действий. Он шире, чем все предыдущие, что логично в растущей организации. Выделю следующие моменты:

- по предложению России начата разработка стратегии развития;
- по предложению Индии и России был начат диалог по энергетическим проблемам;
- по предложению Индии будет запущена работа форума по проблемам урбанизации;
- по предложению Южной Африки БРИКС займется изучением вопросов народонаселения наших стран. Детали этого плана, а их очень много, вы можете изучить, если зайдете на сайт Министерства иностранных дел.

БРИКС открыт как для новых членов, так и для сотрудничества на основе стратегического партнерства. Это не закрытая сфера. В июне месяце, когда в Греции бушевали демонстрации по поводу перемен в бюджетной и социальной политике правительства и действий Брюсселя в этой сфере, наше телевидение показывало эти сцены. Я обратил внимание на небольшую, но многоговорящую сцену. Телеканал Russia

Today показал, как один из демонстрантов кричал: «Греция должна выйти из Евросоюза и вступить в БРИКС». БРИКС начали замечать, БРИКС — это волна будущего.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Согласны ли Вы с утверждением, что страны — члены БРИКС сегодня создают новые условия для мирового рынка финансов? В частности речь идет о замене доллара в качестве мировой резервной валюты, о чем Россия и Китай сделали предложении еще в 2009 г. Каковы позитивные и негативные тенденции, связанные с этим?

ЛУКОВ: *Во-первых*, БРИКС — это не штаб валютно-финансовых революционеров. Наша цель — не в ликвидации нынешней Бреттон-Вудской системы и сворачивании нынешней роли евро, доллара, иены и других валют. Наша задача — привести Бреттон-Вудскую систему и корзину валют, которые сейчас используются в качестве основных международных резервных валют, в гораздо большее соответствие с экономическими и финансовыми реалиями мира. В частности мы считаем, что роль доллара в международно-валютной финансовой системе необходимо серьезно пересмотреть. От преувеличенной роли данной валюты страдают и сами Соединенные Штаты, и остальной мир. Наш ответ — ни в коем случае не объявление войны доллару. Наш ответ — это постепенное, обоснованное экономическими факторами увеличение роли наших собственных валют, для начала взаимоотношений, нашей взаимной торговли, кредитовании наших экономик. Вот почему на саммите в Дели было подписано соглашение между банками развития стран БРИКС о введении системы открытых линий в национальной валюте и взаимном гарантировании рынка кредитования в национальной валюте. Что касается расширения роли наших валют в валютной корзине МВФ, корзине специальных прав заимствования, здесь ситуация сложнее. Надо признать, что на данный момент ни одна из национальных валют стран БРИКС пока не может использоваться в этой корзине, по разным причинам. Но я уверен, что постепенно мы придем к ситуации, когда юань, рубль, рупия, крузейро, руэнд — все войдут в эту корзину. Девиз БРИКС в глобальной экономической системе — мир, дружба, плюрализм.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Накануне следующего саммита БРИКС, который состоится в ЮАР в 2013 г., ПИР-Центр планирует выпустить тематический номер журнала, посвященный БРИКС и его перспективам, с точки зрения российских интересов. В качестве ведущих в этом номере просматриваются, по крайней мере, три основных элемента.

Первый — это ядерная энергетика, которую мы уже обсудили.

Второй — это космос, где интересы России переплетаются с интересами других государств БРИКС, причем не только в мирном использовании космического пространства, но и в формировании общей позиции по противодействию военному использованию космоса. У России и Китая есть платформа для сотрудничества. Наверно, и другие государства БРИКС могут быть подключены к этому двустороннему процессу.

Третий элемент — это информационные технологии, вопросы управления интернетом и информационная безопасность. Достаточно сказать, что все участники БРИКС страдают от такого *ужаса* XXI в., как вирусные атаки. Защита пока предоставляется только американскими компаниями, которые владеют монополией в этом вопросе, что не может устраивать наши страны.

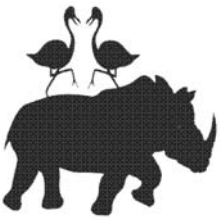
Насколько, на Ваш взгляд, эти темы перспективны в рамках группы БРИКС?

ЛУКОВ: У меня мнение простое. Делайте номер, и ваши предложения мы учтем при разработке российских предложений для стратегии развития БРИКС.

Примечания

[1] Текст интервью подготовлен на основе выступления В. Б. Лукова на заседании клуба *Триалог*, состоявшегося 11 апреля 2012 г. в Москве.

[2] Саммит Группы двадцати в Лос-Кабосе (Мексика) состоялся 18–19 июня 2012 г.



Тибор Тот:

«ДВЗЯИ: НЕ ВСТУПИВШИЙ В СИЛУ ДОГОВОР УЖЕ МЕНЯЕТ МИР»

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний был принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1996 г. и открыт для подписания 24 сентября того же года. С тех пор его подписали 183 и ратифицировали 157 государств, создана международная мониторинговая система. Каковы перспективы вступления в силу этого важного договора? Чего уже удалось достичь Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ — международной организации, созданной для поддержания беспрецедентного верификационного режима, включающего сеть мониторинговых станций, создание международного центра данных, а также развитие режима для проведения инспекций на местах?

Исполнительный секретарь Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ Тибор Тот — о прошлом и будущем ДВЗЯИ[1].

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Осенью 2011 г. мы отметили 15-ю годовщину открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Как Вы оцениваете изменения, произошедшие за эти годы? Станет ли ДВЗЯИ глобальным юридически обязывающим документом?

ТОТ: Для вступления ДВЗЯИ в силу не хватает его ратификации еще восемью странами, но, несмотря на это, за последние 15 лет нам удалось добиться огромного прогресса.

Дорога к каждой ратификации лежит через столицу соответствующей страны. Коротких путей здесь быть не может — каждой стране на принятие соответствующего решения необходимо время. Каждой стране нужно переосмыслить суть безопасности, отойти от представления, базирующегося на узком национальном подходе к обеспечению безопасности с основой на военную мощь, в сторону понимания важности многостороннего ядерного разоружения и нераспространения и совместных усилий в борьбе с ядерным терроризмом. Еще несколько стран — Египет, Израиль, Индия, Иран, Китай, КНДР, Пакистан и США — не ратифицировали договор. На первый взгляд ситуация может показаться довольно мрачной. Сложности существовали с момента подписания ДВЗЯИ, но поддержка со стороны международного сообщества только возрастала. В 1998 г. Индия и Пакистан провели по серии ядерных испытаний. Годом позже сорвалась ратификация договора в США. Мы, то есть секретариат ОДВЗЯИ, вполне могли бы повесить на двери вывеску «закрыто» и ждать лучших времен. Но мы этого не сделали. В то время количество стран, которые ратифицировали договор, составляло менее 50. У нас не было ни одной сертифицированной станции.

Какие изменения произошли с тех пор? *Во-первых*, данный период явно не стал *золотым веком* для ядерного разоружения, нераспространения и контроля над вооружениями. Последние десять лет прошли нелегко, за исключением изменений к лучшему в последние два-три года. Тем не менее, именно за это десятилетие более 100 стран ратифицировали ДВЗЯИ, так что общее их количество выросло с 50 до 157.

Во-вторых, в 1999 г. у нас не было ни одной прошедшей сертификацию станции. Несмотря на непростую международную ситуацию, несмотря на сложности и проблемы, государства все-таки решили запустить такую систему. Первая станция получила сертификат летом 2000 г. К середине марта 2012 г. сертифицированы уже более 85% всех объектов системы.

Оценочная цифра наших расходов составляет 1 млрд долл. Это значительная политическая, техническая, научная и интеллектуальная инвестиция, сопоставимая с вложениями в огромные системы типа ЦЕРНа или Большого адронного коллайдера. При этом на США, которые еще не ратифицировали Договор, приходится 22% нашего бюджета, и в последнее время появилась позитивная информация по наверстыванию ими прошлых неплатежей. Мы получили от США 34,5 млн долл. сверхбюджетного финансирования, что позволит нам *засекать* ядерные испытания еще лучше.

Даже в 2011 г., не самом лучшем с точки зрения мировой экономики и финансов, ситуация с платежами улучшилась. В 2011 г. мы получили на 10% больше финансирования, чем в 2010 г. Это не только вопрос финансирования, это еще и показатель приверженности стран нашему общему делу. Министерства иностранных дел, министерства финансов — они не слепые, и лишних денег, чтобы ими разбрасываться, у них нет. Но они верят в наше дело.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Расскажите, пожалуйста, о мониторинговой системе, принципах ее работы и достигнутых результатах.

ТОТ: Международная система мониторинга после завершения будет состоять из 337 объектов по всему миру, отслеживающих любые признаки ядерных испытаний. На сегодняшний момент более 270 объектов сертифицированы. Международная мониторинговая система использует четыре технологии — сейсмическую, гидроакустическую, инфразвуковую и радионуклидную.

Сейсмический компонент используется для отслеживания подземных ядерных взрывов. Сейсмические станции оборудованы сенсорами, или сейсмометрами, которые измеряют взрывные волны, распространяющиеся по поверхности земли. Измерения позволяют отследить масштаб, местоположение и природу сейсмических *событий*. Большинство из 45 000 ежегодно фиксируемых событий — это землетрясения. Тем не менее, рукотворные взрывы (взрывные работы или ядерные испытания) также фиксируются.

Гидроакустический компонент используется для измерения звуковых волн под водой на глубине 1000 м и позволяет отслеживать подводные взрывы. Поскольку звуковые волны под водой могут распространяться на большие расстояния, система включает в себя только 11 гидроакустических станций.

Инфразвуковой компонент позволяет отслеживать низкочастотные звуковые волны на поверхности земли, создаваемые атмосферными взрывами.

Наконец, радионуклидный компонент выявляет радиоактивные частицы в атмосфере; это ключевой компонент, позволяющий определить, был ли сигнал, зафиксированный остальными тремя компонентами, результатом ядерного испытания. Работа этих станций поддерживается радионуклидными лабораториями.

Вся информация с мониторинговых станций — а это порядка 10 гигабайт ежедневно — направляется в Международный центр данных в Вене, где данные обраба-

тываются, анализируются и направляются далее в институты стран-участниц как в первоначальном, так и в обработанном формате.

На первом этапе обработки в автоматическом режиме создаются списки событий (Standard Events List, SEL, наиболее полным из них является SEL3 — *третье приближение*) на основе данных, поступающих с сейсмических, гидроакустических и инфразвуковых мониторинговых станций. Затем SEL3 анализируется специалистами, в результате чего выявляются события, пропущенные или записанные системой дважды. Формируется бюллетень с проанализированными событиями (Reviewed Events Bulletin, REB). События бюллетеня REB классифицируются на природные и техногенные, в результате чего формируется список техногенных событий (Standard Screened Events Bulletin, SSEB). *На втором этапе* обработки список техногенных событий SSEB сверяется с данными радионуклидных станций, на основе чего делается вывод о том, оставило ли то или иное событие радиоактивный след, то есть могло ли оно быть ядерным испытанием.

9 октября 2006 г. КНДР провела свое первое ядерное испытание. К тому времени функционировало лишь 60% международной системы мониторинга. Система сбора данных и система обработки данных на тот момент уже были запущены. В течение полутора часов информация была передана в 1200 организаций в 120 странах. Поэтому никто не мог усомниться в полученных данных и в правильности их обработки; никто не сомневался в правильности сделанных нами выводов. Наша система прошла это испытание — хотя, конечно, лучше бы повода для такого испытания не было вовсе. В условиях такого стресс-теста система продемонстрировала свою эффективность, хоть и была завершена лишь наполовину. Испытанию подверглись все ее компоненты.

В мае 2009 г. система была *протестирована* вновь. 61 станция зафиксировала сейсмические сигналы. Мы сообщили параметры испытания — точное расположение, силу, время и глубину. Этот случай показал, что даже до вступления в силу верификационный режим ДВЗЯИ эффективно работает.

Одним из последних испытаний системы стало тройное бедствие в Японии 11 марта 2011 г., которое унесло так много жизней — землетрясение в районе Тохоку, цунами и авария на АЭС *Фукусима-1*. Международная система мониторинга помогла сначала вовремя предупредить о цунами, а затем адекватно оценить радиоактивные выбросы с аварийной АЭС. Теперь мы можем сделать вывод — система абсолютно готова к использованию и будет эффективна в условиях комплексных природных и техногенных бедствий.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как развивается сеть мониторинговых станций на территории России и других ядерных государств, а также в *проблемных* регионах, где особенно высоки риски в ядерной сфере?

ТОТ: Когда я приехал в Россию в мае 2006 г., ни одна наша станция там не была сертифицирована. Однако я благодарен министру иностранных дел С.В. Лаврову, заместителю министра обороны А.И. Антонову, заместителю министра иностранных дел С.А. Рябкову и госкорпорации *Росатом* за то, что за последние пять лет около 70% российского сегмента системы было введено в строй. Как видите, к моему приезду в Россию в сентябре 2011 г. ситуация изменилась кардинально. Теперь перед нами стоит цель: к концу 2012 г. ввести в строй оставшиеся 30%.

Что немаловажно — помимо России к верификационному режиму ДВЗЯИ присоединились и США. С 2000 по 2008 г., во время работы администрации Джорджа Буша, более 30 из 42 запланированных станций были введены в строй на территории США. Поэтому можно говорить о позитивном восприятии ситуации, когда даже без ратификации есть понимание пользы от данных Международной системы мониторинга. При этом администрация Барака Обамы поставила целью ратификацию ДВЗЯИ.

Страны-участницы (не только США!) проводят мониторинг и своей территории, и территории остальных 183 стран. Именно это я называю всеобъемлющей верификацией, которая не зависит от какой-то небольшой группы бюрократов вроде меня и моих коллег. Знать, произошло ли ядерное испытание, и когда его осуществили — это не привилегия отдельных стран.

США получают 10–30% дополнительной информации благодаря Международной системе мониторинга в дополнение к данным от собственных национальных технических средств. Однако необходимо понимать, что впервые не только США, но и все пять постоянных членов Совбеза ООН приподнимают завесу и открывают себя остальному миру, принимая юридически обязательные условия международного документа по многостороннему ядерному разоружению и нераспространению. В отсутствие этой системы, за исключением, возможно, 5–10 стран, ни у кого не было бы совершенно никакой информации. В целом на территории ядерных России, Китая, Франции, Великобритании и США сосредоточено более 50% мониторинговых станций верификационной системы ДВЗЯИ. Это воодушевляет и дает позитивный пример. Мониторинговые станции на территории США, Франции и Великобритании готовы на 80–90%.

Ядерные испытания или их отсутствие являются критерием оценки того, насколько благополучны дела во всем мире. Между ядерными испытаниями и уровнем напряженности есть взаимосвязь. И, к сожалению, испытания являются не только критерием для отслеживания этой взаимосвязи, но и — временами — фактором, подталкивающим кривую напряженности в нежелательном направлении. Поэтому так важно, чтобы в Азии и на Большом Ближнем Востоке мы делали больше для решения вопроса о запрете ядерных испытаний.

Если говорить о числовом выражении ядерного распространения, то рост количества объектов по производству делящихся материалов в различных странах региона негативно влияет на общую безопасность. ДВЗЯИ, наряду с будущим Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), способствует снижению опасности использования таких материалов в военных целях.

Будущее ДВЗЯИ сейчас многими ставится в зависимость от ратификации договора Соединенными Штатами, но важно, чтобы другие страны не занимали выжидательную позицию. Такая позиция неубедительна, так как до тех пор, пока оставшиеся 8 стран не ратифицируют Договор, он не вступит в силу. Так что это — ответственность каждого государства.

На заключительной стадии переговоров в Женеве в 1996 г. Индия вышла из переговорного процесса. Таким образом, для станций на территории Индии местоположение должно быть определено позднее. В то же время у нас есть понимание, какие конкретно станции здесь нужны. Как показывает история переговоров по ДВЗЯИ, придет время — и мы справимся с этими трудностями.

Мне хотелось бы отметить отдельно, что наши пакистанские коллеги уже участвуют в технических дискуссиях. Они принимают участие в работе вспомогательного органа, где отслеживают обсуждение различных технологий, что представляется мне весьма многообещающим.

Потенциальный источник проблем — это возможные злоупотребления при использовании ядерной энергии в Азии и на Ближнем Востоке. До аварии в Фукусиме ежегодный рост производства электроэнергии на АЭС в этих регионах прогнозировался на уровне 10%. Указывать на недостатки и упущения должны не только и не столько сторонние государства, сколько сами страны соответствующего региона. Это им стоит все тщательно продумать, причем не только благоприятные сценарии развития событий, но и неблагоприятные тоже. Система безопасности, состоящая из механизмов прозрачности и контроля, в Азии и на Ближнем Востоке фактически отсутствует, отсутствуют и средства мониторинга — и это в регионах,

где прогнозируется рост атомной энергетики. Поэтому нам надо засучить наши политические и интеллектуальные *рукава* и приступить к непростой работе.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова Ваша оценка места ДВЗЯИ в режиме ядерного нераспространения?

ТОТ: В 1958–1961 гг. действовал мораторий на ядерные испытания. В конце августа 1961 г. этот мораторий был нарушен. И США, и СССР возобновили проведение ядерных испытаний. В течение последующих 16 месяцев было проведено 275 испытаний, то есть больше, чем за предшествовавшие 16 лет. Это напоминание о том, что одного лишь моратория недостаточно. Нам нельзя расслабляться только потому, что принята какая-то норма или работает система мониторинга. Нужна дальнейшая консолидация усилий.

Сейчас трудно определить, что являлось причиной, а что следствием. Возможно, политическая напряженность подстегнула череду ядерных испытаний, а может быть, наоборот, резко участившиеся испытания привели к дальнейшему ухудшению политического климата. Берлинский кризис разразился в 1961 г., а Карибский кризис — в 1962 г. Ситуация начала выходить из-под контроля. Это был полный провал всей системы по поддержанию безопасности.

Эти события привели к подписанию в 1963 г. Договора об ограничении ядерных испытаний в трех средах. Видимо, нужно было в какой-то момент оказаться на краю пропасти, чтобы ответственные политики с обеих сторон пришли в чувство, чтобы начали отдавать предпочтение дипломатии, мерам прозрачности и контролю над вооружениями, чтобы к жестким инструментам военного соперничества добавились и мягкие инструменты.

Нам все еще предстоит сделать выбор. Мне кажется, мы сейчас столкнулись с очень похожей дилеммой. Нам нужно решить, какая нам нужна комбинация мягких инструментов вдобавок к военным инструментам соперничества. Я считаю — и мои взгляды, очевидно, разделяют 157 государств — что за последнее десятилетие нам удалось на 99,5% *загнать джинна обратно в бутылку*. За эти 10 лет на планете было проведено всего два ядерных испытания, по сравнению с четырьмя или пятью сотнями испытаний, которые проводились каждое десятилетие до подписания Договора.

Примечания

[1] Текст публикуется на основе выступления Тибора Тота на заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра 30 сентября 2011 г. с последующей правкой автора, завершенной в мае 2012 г.

АБОНЕМЕНТ на газету **журнал** 80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания) | количество комплектов: |

на 2013 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету **журнал** 80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

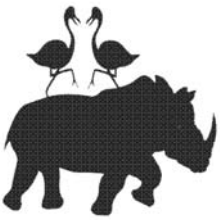
Стои-мость	подписки переадресовки	руб. коп. руб. коп.	количество комплектов:	

на 2013 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)



Михаил Ульянов:

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СОЗДАНИЮ ЗСОМУ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ЛЕЖИТ НА СТРАНАХ РЕГИОНА»

Состоится ли в 2012 г. Конференция по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ? В чем суть предложения России по созданию* группы друзей спецкоординатора*? Какие дальнейшие шаги готова предпринять Россия, если односторонняя система ПРО не будет остановлена? Как завершилась первая сессия Подготовительного комитета Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2015 г.?

На вопросы корреспондента* Индекса Безопасности *Ивана Трушкина отвечает руководитель делегации России на первой сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2015 г., директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ Михаил Ульянов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Михаил Иванович, Вы уже успели ознакомиться с подготовленным председателем первой сессии послом Уолкоттом итоговым документом. Как Вы оцениваете сам документ и результаты работы Подготовительного комитета?

УЛЬЯНОВ: Подготовленный по итогам работы первой сессии документ является обзорным и отражает мнение председателя. В нем он попытался отразить свое видение состоявшейся дискуссии. Этот документ никого ни к чему не обязывает, он не является консенсусным, каждая страна наверняка может предъявить к нему определенные претензии. В то же время необходимо отметить, что задача председателя в данном случае не состояла в том, чтобы представить текст, который удовлетворил бы всех.

Что касается завершившей работу первой сессии Подготовительного комитета, то она представляется вполне удовлетворительной. Начало обзорного цикла прошло неплохо, на этот раз не спорили по поводу процедур, обсуждали вопросы по существу, не было каких-то ожесточенных *пропагандистских* драк, хотя, естественно, споры возникали. Впечатление произвела дискуссия по созданию зоны, свободной от ОМУ (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке. Было очевидно, для многих стран это являлось одним из ключевых моментов, и от того, как будут развиваться события на этом треке, во многом будет зависеть ход нового обзорного цикла ДНЯО. Российская позиция была позитивно воспринята большинством. В свою очередь мы будем активно работать над тем, чтобы Конференция по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке состоялась в 2012 г., как это было намечено итоговым документом Обзорной конференции по рассмотрению ДНЯО 2010 г. Считаем, что, несмотря на все трудности, возможности для успешного проведения Конференции есть.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ближневосточный вопрос на Препкоме обещал быть одним из самых острых. Как Вы оцениваете деятельность спецкоординатора Лааявы? До окончания 2012 г., когда должна быть проведена Конференция по ЗСОМУ на Ближнем Востоке, остается не так много времени. Что еще нужно предпринять, чтобы Конференция состоялась?

УЛЬЯНОВ: Вы правильно отметили, что времени до конца 2012 г., когда Конференция должна состояться, остается немного. Назначенный довольно давно, уже семь месяцев назад, посол Лааява провел большую работу — у него и у членов его команды состоялось около ста встреч с участниками процесса. На наш взгляд, сейчас дело нужно переводить в область конкретики, в проект итогового документа, потому что нечто, положенное на бумагу, дисциплинирует ум и переводит разговор в более конкретную плоскость. Сейчас важно обеспечить диалог между странами региона — не между отдельными странами и спецкоординатором Лааявой, не между Россией и Соединенными Штатами, а выводить на какой-то совместный мозговой штурм, совместную работу. Приветствовался бы индивидуальный вклад каждого государства, включая Иран, Израиль и любое другое. Как нам кажется, после завершения Препкома работу нужно переводить в многостороннюю плоскость настолько, насколько это возможно.

В этой связи часто вспоминают Израиль и его позицию. Считаем, что если израильские партнеры объективно взвесят ситуацию, ее плюсы и минусы, то они могут прийти к выводу, что участие в Конференции в гораздо большей степени отвечает интересам Израиля, чем отказ от нее. Издержки будут большими, а выигрыша никакого. Если Израиль выражает обеспокоенность положением дел в сфере ядерного нераспространения, его долг внести свой, пусть и очень скромный, вклад в усилия по укреплению режима ядерного нераспространения путем участия в Конференции. Израиль должен быть заинтересован в том, чтобы поддерживался диалог по проблематике ОМУ, тем более что он неоднократно выражал определенную обеспокоенность по поводу возможного наличия биологических и химических арсеналов в регионе. В этой связи Конференция 2012 г. могла бы стать той площадкой, где были бы подняты эти вопросы. А отказ от диалога — это почти всегда проигрышный подход. Мы надеемся, что, в конечном счете, в Тель-Авиве примут правильное решение.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете заявление представителей Соединенных Штатов и тот доклад по поводу ближневосточной конференции, который они распространили?

УЛЬЯНОВ: Наши американские коллеги сделали упор на препятствиях и условиях для созыва конференции, хотя упор лучше было бы сделать на другом — на том, что нужно предпринять для того, чтобы эти трудности преодолеть. Перечисление препятствий прозвучало развернуто, а вот позитивная часть как бы отошла на второй план. Мы предпочитаем фокусироваться на позитивной программе дальнейших шагов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем суть предложения России по созданию *группы друзей* спецкоординатора?

УЛЬЯНОВ: Я бы назвал это даже не предложением, а размышлением вслух. Это то, о чем мы говорили, что нужно переводить разговор в многостороннюю плоскость. Есть страны, которые придают особое значение успешному проведению конференции. Это, прежде всего, арабский мир. Естественно, нужно самым тесным образом сотрудничать, чтобы позитивно использовать этот потенциал. И кстати, это поможет учесть и их мнение, которое может не всегда совпадать с мнением России или с мнением спецкоординатора.

Идея создания *группы друзей* заслуживает внимания потому, что в одиночку ни спецкоординатору, ни депозитариям ничего сделать не удастся. Поэтому в совместном заявлении трех депозитариев было особо подчеркнуто, что ответственность за результаты лежит на странах региона, и они должны быть вовлечены

активно, а не быть сторонними наблюдателями, отслеживающими, как работает спецкоординатор или депозитарии. Иначе ничего не получится.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Кто конкретно мог бы войти в эту группу и какой она может быть по числу участников?

УЛЬЯНОВ: Нам кажется, что это дело стран региона — решать вопрос о составе ее участников. Теоретически, в нее могут войти все страны Ближнего Востока, если у них есть на то желание. Арабские страны могут выбрать между собой несколько стран, которым будет доверено это дело. Я повторяю, это не какое-то развернутое предложение, это рекомендация, которую мы хотели бы среди прочего донести до заинтересованных сторон. Если они воспримут эту рекомендацию, я думаю, что это будет полезно для всех.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Кто может выступить инициатором создания подобной группы?

УЛЬЯНОВ: Здесь возможны разные варианты. Это может сделать спецкоординатор, может и Россия, конечно, могут и сами страны региона. Считаю, что об этом рано пока говорить. Идея в целом воспринята неплохо. Будем работать над ее реализацией.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В ходе последнего дня Препкома Вы сделали довольно жесткое заявление о том, что в условиях дальнейшего одностороннего развития системы ПРО о продолжении ядерного разоружения речи не идет. Не противоречит ли это обязательствам России по статье VI ДНЯО?

УЛЬЯНОВ: Необходимо отметить, что приверженность миру, свободному от ядерного оружия, неоднократно подтверждалась в России на высшем уровне в качестве долгосрочной цели. Между тем, как зафиксировано в документах ООН, ядерное разоружение должно осуществляться таким образом, чтобы сохранялась и стратегическая стабильность, и равная безопасность. В ситуации, когда устоявшиеся рамки подвергаются ломке, причем достаточно радикальной, естественно, приходится переоценивать реальную политику в рамках сдерживания и разоружения. Развитие ситуации пока идет в негативном направлении, и Россия предупреждает о возможных пагубных последствиях. В то же время мы не закрываем дверь для диалога по проблематике ПРО в надежде, что все-таки будет найдено правильное решение.

Для России сейчас это ключевой вопрос, потому что стратегическая стабильность проверяется на прочность, и если это продолжится, то нам придется пересмотреть очень многие вещи, в том числе в сфере ядерного разоружения. Об этом говорил бывший президент, а ныне председатель правительства России Д. А. Медведев в своем заявлении от 23 ноября 2011 г. В заявлении, в частности, упоминалось о возможности возникновения обстоятельств, которые потребуют от нас со временем выхода из Договора о СНВ и пересмотра позиции по отношению ко всему контролю над вооружениями. Это не угроза, но серьезное предупреждение и это отражение нашей оценки ситуации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Россия традиционно сильна своими выступлениями по статье IV ДНЯО. Представитель России, советник генерального директора *Росатома* В.П. Кучинов делал отдельный брифинг в ходе Препкома. С какими предложениями или инициативами Россия выступила на этот раз?

УЛЬЯНОВ: Наши инициативы нашли отражение в официальном выступлении делегации России, которое, как мне кажется, получилось неплохим, довольно развернутым и отражающим основные направления и нашей деятельности в сфере сотрудничества в мирной ядерной энергетике.

Последняя инициатива касается укрепления многосторонних правовых инструментов в области ядерной безопасности, а именно Конвенции по ядерной безопасности и Конвенции о раннем оповещении о ядерных авариях. Они как раз были

презентованы в ходе брифинга представителем *Росатома* на полях Препкома. Речь идет о том, чтобы немножко *докрутить* положения обеих конвенций с учетом уроков аварии на АЭС *Фукусима-1*. Их обсуждение в международном сообществе идет в благоприятном ключе. Во всяком случае, в августе 2012 г. в Вене пройдет встреча, на которой будут обсуждаться поправки к Конвенции о ядерной безопасности.

Довольно большое количество стран высказывает позитивное мнение по отношению к российским инициативам. Я не знаю, будут ли они приняты в полном объеме, все это решается в соответствии с процедурами, установленными самой конвенцией в том, что касается поправок. Но работа идет, и я думаю, что она будет продолжена. Что касается раннего оповещения о ядерных авариях, то здесь ситуация немножко сложнее, потому что сама конвенция предусматривает более сложный путь к внесению поправок. Здесь, видимо, прогресс будет не таким быстрым. Но работа продолжается, и уже более десяти стран выразили официальную поддержку, что можно рассматривать как неплохой результат.

Джакомо Лучиани

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В АРАБСКИХ СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: В ЧЕМ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ?

В течение последних пяти лет государства — члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) демонстрируют растущий интерес к развитию атомного компонента своего энергетического сектора. Первоначально велись обсуждения относительно совместного регионального проекта с участием всех государств ССАГПЗ. Однако вскоре некоторые страны начали предпринимать собственные шаги к ускоренному развитию атомной энергетики на национальном уровне.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Абу-Даби начал стремительно создавать необходимую юридическую и регуляторную инфраструктуру, а также выбрал корейскую компанию *KEPCO* в качестве поставщика первой партии из четырех атомных реакторов. *KEPCO* будет также заниматься эксплуатацией и обслуживанием этих реакторов. Ввод в строй первого реактора намечен на 2017 г.[1] Необходимо отметить, что хотя официально данная атомная программа является федеральной и внедряется всеми Объединенными Арабскими Эмиратами, на практике основные усилия предпринимаются эмиратом Абу-Даби. При этом эмират Дубаи, перед которым тоже стоит проблема наращивания генерирующих мощностей, рассматривает возможность строительства крупной ТЭС, работающей на угле и имеющей мощность до 3000 МВт[2].

Саудовская Аравия тоже ведет развитие энергетической ядерной программы. В стране создана организация под названием *Город атомной и возобновляемой энергетики короля Абдуллы* (King Abdullah City for Atomic and Renewable Energy, K.A. CARE). Перед этой организацией поставлен целый комплекс задач, в том числе проведение исследований, внедрение проектов в области атомной и возобновляемой энергетики и инвестирование в соответствующие проекты и компании по всему миру. В рамках разработанной организацией стратегии в период с 2020 по 2030 г. в стране может быть введено в строй от 40 до 60 атомных реакторов общей мощностью 60 ГВт для покрытия базовой нагрузки. В соответствии с этой стратегией еще 50 ГВт будет вырабатываться неядерными электростанциями для покрытия пиковой нагрузки на уровне 110 ГВт[3].

Кувейт тоже рассматривал возможность развития национальной программы атомной энергетики, однако на сегодняшний день, похоже, принятие соответствующего решения отложено на неопределенный срок[4]. Катар является единственной страной ССАГПЗ, имеющей богатые запасы природного газа, поэтому это государство намного менее заинтересовано в развитии атомной энергетики. Бахрейн — маленькая страна с ограниченным потреблением электроэнергии; кроме того, у Бахрейна были бы серьезные проблемы с выбором площадки для строительства

АЭС и с утилизацией ядерных отходов. Для Омана развитие ядерной программы было бы затруднительным в финансовом плане; эта страна более заинтересована в возобновляемых источниках, особенно в солнечной энергетике.

Таким образом, на данный момент лишь две из шести стран — членов ССАГПЗ активно занимаются развитием атомной энергетики. ОАЭ уже подписали несколько соглашений о сотрудничестве со странами, которые обладают ядерными технологиями. Саудовская Аравия находится в процессе подписания таких соглашений. Стоит отметить, что ОАЭ подписали соглашение с США, содержащее обязательство отказаться от самостоятельного обогащения урана и производства ядерного топлива[5]. Целью ОАЭ было продемонстрировать, что начать производство атомной электроэнергии можно относительно легко и быстро, и для этого не обязательно связываться с обогащением и производством топлива. Такой подход прямо противоположен стратегии, избранной Ираном[6]. Саудовская Аравия соглашение с США пока не подписала. Если такое соглашение будет подписано, оно вряд ли будет содержать какие-либо ограничения на обогащение и, возможно, на переработку ядерного топлива. Для Саудовской Аравии это скорее дело принципа, чем каких-то конкретных планов в данном направлении.

Комментаторы (особенно специалисты в области безопасности) часто высказывают мнение, что такая позиция Саудовской Аравии может объясняться стремлением создать условия для потенциального развития военной ядерной программы на тот случай, если Иран все-таки создаст ядерное оружие[7]. При этом угроза распространения в регионе описывается в самых мрачных тонах. Однако не стоит забывать, что ядерное оружие в данном регионе уже присутствует. Оно имеется у Израиля и у Пакистана. С регионом граничит еще одна ядерная держава, Россия, а в Персидском заливе сохраняет присутствие вооруженный ядерным оружием Пятый флот США.

Обсуждать чужие мотивы — занятие неблагодарное. Мы можем наблюдать лишь реализацию уже принятых решений и анализировать официальные комментарии. Невозможно доказать наличие или отсутствие у любой из сторон каких-то скрытых или двойственных намерений. Неблаговидные намерения очень легко заподозрить, но такие подозрения нечасто оправдываются. Сложные решения почти всегда являются результатом совпадения мнений и интересов самых разных персон, институтов, корпораций и лоббистских групп. Представляется вполне вероятным, что угроза приобретения Ираном ядерного оружия сыграла свою роль в формировании определенных взглядов по вопросу развития атомной энергии в странах ССАГПЗ. Однако в этой статье я постараюсь доказать, что желание данных стран развивать атомную энергетику может объясняться абсолютно резонными экономическими причинами, и что этих экономических причин вполне достаточно для объяснения такой политики.

НАГРУЗКА НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Чтобы понять причины заинтересованности нефтедобывающих стран в развитии атомной энергетики, необходимо принять во внимание их стремление к экономическому развитию и диверсификации, которые обеспечат этим странам процветание после окончания нефтяной эры (даже если это окончание — дело далекого будущего). Нефтедобывающие страны не хотят мириться с перспективой, согласно которой им предстоит просто распродать все свои полезные ископаемые, а затем жить за счет средств, вырученных от этой распродажи.

Последние три десятилетия страны Персидского залива проводят стратегию экономической диверсификации, интегрируясь в мировую экономику и в процессы глобализации. Они смогли добиться определенных успехов, используя имеющиеся у них конкурентные преимущества (как те немногие преимущества, что у них были изначально, так и те, которые они сами создали за счет проведения смелой и рассчитанной на перспективу инвестиционной политики).

Большинство отраслей промышленности, в которых страны Персидского залива добились значительного присутствия, являются очень энергозатратными. Нефтепереработка и особенно нефтехимическая промышленность являются передовыми высокотехнологичными отраслями, в которых страны залива стремительно занимают позиции мирового лидерства[8] — как через собственные компании, так и путем привлечения в регион крупнейших мировых нефтехимических корпораций. Еще одной подобной отраслью является производство алюминия, которое требует огромного количества электроэнергии[9]. Наконец, в регионе развивается производство цемента, стали и других строительных материалов, которое тоже требует значительных тепловых и/или электрических мощностей.

Помимо специализации региона на энергоинтенсивных отраслях промышленности, необходимо также учитывать быстрый процесс урбанизации. Он является еще одним ключевым элементом политики диверсификации, направленной на развитие, помимо промышленности, отраслей услуг с высокой добавленной стоимостью. В рамках этой политики стимулируется создание городских центров торговли и обслуживания, которые глубоко интегрированы в мировую экономику и тесно связаны друг с другом. Знаменитая *дубайская модель* заключается в создании крупного международного мегаполиса на том самом месте, где всего 50 лет назад находилась лишь ничем не примечательная деревня.

То же самое относится и ко всем остальным крупным городам региона, таким как Абу-Даби, Доха и Манама, которые уже сейчас конкурируют друг с другом. В будущем транспортные связи между этими городами станут еще теснее, как за счет воздушного сообщения, так и благодаря запуску скоростных поездов. Дорога из одного города или аэропорта в другой будет занимать всего около часа. В результате отдельные крупные города превратятся в единый интегрированный мегаполис, не знающий государственных границ. Это позволит еще больше повысить привлекательность и международную конкурентоспособность стран Персидского залива.

Однако современные мегаполисы и высокотехнологичные услуги тоже являются крупными потребителями энергии, особенно электрической. От наличия надежных источников дешевой электроэнергии в достаточных количествах будет зависеть успех любого крупного города и любой передовой отрасли в сфере услуг, в том числе в области информационных технологий и глобальных телекоммуникаций.

Наконец, еще одним важным фактором является вода. Практически вся пресная вода, которую потребляют миллионы жителей этих городов, производится путем опреснения морской воды. Этот процесс тоже тесно связан с производством электроэнергии. Некоторые технологии опреснения являются чистыми потребителями электроэнергии. Другие позволяют производить электричество и пресную воду в ходе сопряженных и параллельных процессов. Но, так или иначе, вода и электричество тесно связаны, поэтому производство энергии является важным условием наличия относительно дешевых и надежных источников пресной воды.

РАБОТА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ НА НЕФТИ И ГАЗЕ

В настоящее время электростанции арабских стран Персидского залива работают исключительно на нефти и газе. До начала 2000-х гг. экспорт нефти из этих стран был ограничен квотами ОПЕК, а цена этих энергоресурсов была относительно низкой. Наличие невостребованного остатка нефти и газа из уже разработанных месторождений означало, что их прямая и косвенная цена была очень низка; условно их можно было считать едва ли не бесплатными. Кроме того, в регионе работало несколько нефтеперерабатывающих заводов, использующих устаревшие технологии и поэтому производящих большое количество остаточного мазута. Применяться этот мазут мог лишь в качестве топлива для судовых двигателей и тепловых электростанций.

К настоящему моменту ситуация полностью изменилась. Мировые цены на нефть и газ сильно выросли, а сохранение производства этих ресурсов даже на преж-

нем уровне требует миллиардных инвестиций. Поэтому альтернативная стоимость (в виде упущенной прибыли) сжигаемой тепловыми электростанциями нефти весьма высока[10]. Более того, при сохранении текущих тенденций роста внутреннего потребления электричества через 20 лет даже у Саудовской Аравии может не остаться возможностей для экспорта нефти, если все электричество в этой стране будет производиться только за счет сжигания нефти и газа[11].

Ситуация с наличием природного газа также ухудшилась во всех странах ССАГПЗ, не считая Катара. Большая часть газа, производимого в регионе, является попутным, то есть добываемым в качестве побочного продукта добычи нефти. Поэтому производство газа связано с производством нефти, и увеличить добычу газа без увеличения добычи нефти невозможно. Кроме того, часть добываемого попутного газа приходится закачивать обратно в скважины, чтобы поддержать давление в скважине и таким образом увеличить процент извлекаемой нефти. Таким образом, далеко не весь добываемый попутный газ можно использовать за пределами самого нефтяного месторождения.

В прошлом *свободного* газа было достаточно много. Некоторые страны (Абу-Даби и Оман) даже построили заводы по производству сжиженного газа для экспорта. Поэтому в настоящее время газа для удовлетворения внутренних потребностей оказывается не достаточно. Более того, собственного производства уже не хватает для покрытия внутреннего спроса. ОАЭ и Оман начали импорт газа из Катара через трубопровод *Dolphin*. Однако объемов импорта недостаточно, а Катар не заинтересован в наращивании экспорта газа в соседние страны Персидского залива, поскольку клиенты в Европе или на Дальнем Востоке готовы платить за этот газ намного дороже. Поэтому и Дубаи, и Кувейт вкладывают средства в строительство терминалов по регазификации для импорта сжиженного газа, что является довольно парадоксальной ситуацией. Абу-Даби недавно заявил о намерении построить плавучий терминал регазификации возле Фуджейры (на побережье Индийского океана). Такая ситуация вдвойне парадоксальна; она означает, что Абу-Даби будет одновременно сжижать и экспортировать собственный газ, импортируя при этом сжиженный газ из других источников[12]. С прицелом на более отдаленную перспективу Абу-Даби, совместно с компанией *Occidental*, начал разработку глубокого газового месторождения Шах. Ожидается, что стоимость производства этого высокосернистого газа высокого давления будет значительно выше, чем на уже существующих месторождениях. Таким образом, продолжать использование газа для производства электроэнергии становится все менее выгодным.

При этом промышленное потребление природного газа (особенно в нефтехимической отрасли) значительно выросло во всех странах ССАГПЗ. Дефицит гарантированных источников газа тормозит процесс диверсификации, которая является основным элементом экономической стратегии всех этих стран. В Саудовской Аравии метан добывается в основном на востоке страны (вдоль побережья Персидского залива), а также в некоторых центральных регионах. В западном регионе (вдоль побережья Красного моря) практически все электростанции работают на нефти. Очередным парадоксом является недавнее решение правительства страны о том, что все новые тепловые электростанции будут работать на нефти, а не на газе. Такое решение было принято несмотря на то, что нефть является намного более ценным ресурсом, и что со временем, если не будет начато развитие альтернативных источников энергии, стране придется сжигать практически всю добываемую нефть для удовлетворения внутреннего спроса на электричество.

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ

Стратегия по сокращению потребления углеводородов для производства электроэнергии должна включать в себя все возможные инструменты, а не только какой-то один. Для достижения успеха необходимы систематические усилия по повышению энергоэффективности[13], особенно в жилищном хозяйстве и коммерческом секторе; более широкое использование возобновляемых источников (по крайней

мере тех, которые подходят для использования в данном регионе); и, наконец, развитие ядерного компонента энергетического сектора. Было бы ошибкой задаваться вопросом о том, какой из этих элементов является приоритетным. Все они одинаково важны и необходимы.

Нередко утверждается, что высокий уровень энергопотребления на душу населения и на единицу ВВП в регионе является результатом расточительства и неэффективности, которые, в свою очередь, объясняются низкими тарифами на электричество для населения и коммерческих потребителей. Несомненно, фактор расточительства присутствует, а низкие тарифы не способствуют бережливому отношению к электроэнергии. Однако следует признать и объективные обстоятельства, которые приводят к высокому потреблению электроэнергии населением региона. Одно из основных таких обстоятельств — это очень жаркая летняя погода в регионе. В результате на кондиционирование воздуха тратится больше энергии, чем на освещение. Именно этот фактор лежит в основе резкого роста энергопотребления в летний период. С другой стороны, такая ситуация мало чем отличается от зимнего пика энергопотребления в странах с холодным климатом.

Значительного прогресса можно добиться, улучшая энергоэффективность зданий и оборудования, а также пропагандируя необходимость экономно расходовать электроэнергию. Необходимым элементом общего подхода является повышение тарифов, однако общие показатели энергоэффективности зависят от миллионов отдельных потребителей. Изменить отношение этих потребителей к расходованию электроэнергии — нелегкая задача. Даже если тарифы на электричество поднимутся до международного уровня (которого, к слову, на самом деле не существует, так как в разных странах себестоимость электроэнергии для конечного потребителя варьирует в очень широких пределах), этого не будет достаточно для резкого изменения поведения потребителей и для замедления роста спроса на электроэнергию.

ПОТЕНЦИАЛ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Растущую потребность в электроэнергии можно в какой-то степени удовлетворить за счет возобновляемых источников. В регионе Персидского залива основным таким источником является солнечная энергия (которую можно превращать в электричество с помощью фотоэлементов или термальных солнечных электростанций). Ветряные электростанции в регионе имеют менее ясные перспективы, поскольку кроме слабых дневных бризов ветров здесь практически не бывает. Однако производство электричества из возобновляемых источников очень неравномерно и зависит от времени суток и погоды, поэтому для базовой генерации они не подходят.

Спрос на электроэнергию также варьирует в зависимости от времени суток и сезона. Сезонный цикл, который особенно выражен в условиях жаркого климата Персидского залива, достигает своего пика летом в связи с массовым включением кондиционеров.

Фотоэлектрические панели способны производить электроэнергию только в светлое время суток, при этом запасать произведенное днем электричество на ночь сегодняшние технологии не позволяют. Однако в жаркое время года потребление электричества остается высоким до глубокой ночи. Термальные солнечные электростанции могут продолжать выработку электричества в течение нескольких часов после захода солнца и даже круглосуточно. Однако отражатели таких электростанций, которые фокусируют солнечные лучи, быстро выходят из строя в специфических погодно-климатические условиях Персидского залива (высокая влажность, пыль и частые песчаные бури).

Экспериментальные солнечные электростанции, построенные на основе как фотоэлементов, так и гелиотермальной технологии, в настоящее время строятся в Абу-Даби, Омане и Саудовской Аравии. Время покажет, как зарекомендуют себя такие электростанции на практике. Еще одним вариантом использования

солнечной энергии является кондиционирование воздуха с помощью абсорбционных холодильных установок, которые не требуют электроэнергии. Это будет способствовать снижению потребления электричества в периоды пиковых нагрузок, что является одним из видов энергосбережения. Однако, как и любой другой вид энергосбережения, применение установок абсорбционного охлаждения потребует активного участия со стороны самих потребителей. Фактически потребителей понадобится убедить в целесообразности покупки таких установок, учитывая, что дальнейшая экономия на электричестве будет не слишком значительной по сравнению со стоимостью самой установки.

Поскольку выработка электроэнергии из возобновляемых источников сильно зависит от погоды и времени суток, понадобится вводить в строй запасные генерирующие мощности для работы в периоды, когда генерация из возобновляющих источников снижается. Это означает необходимость вкладывать деньги в мощности, которые большую часть времени будут простаивать. Для такой роли (то есть для работы только в периоды пиковых нагрузок) особенно хорошо подходят электростанции, работающие на природном газе. Хотя сам газ является дорогим топливом, оборудование для таких электростанций относительно дешевое, при этом газовые электростанции обладают необходимой гибкостью для быстрого наращивания или снижения выработки электроэнергии. Более того, себестоимость электричества для таких электростанций ниже по сравнению с другими технологиями производства энергии. Однако в том случае, если газовая электростанция одновременно используются в качестве опреснительной станции (что особенно часто происходит в странах Персидского залива), использование такой станции лишь для работы в период пиковых нагрузок становится невозможным, поскольку выработка пресной воды должна оставаться на постоянном уровне.

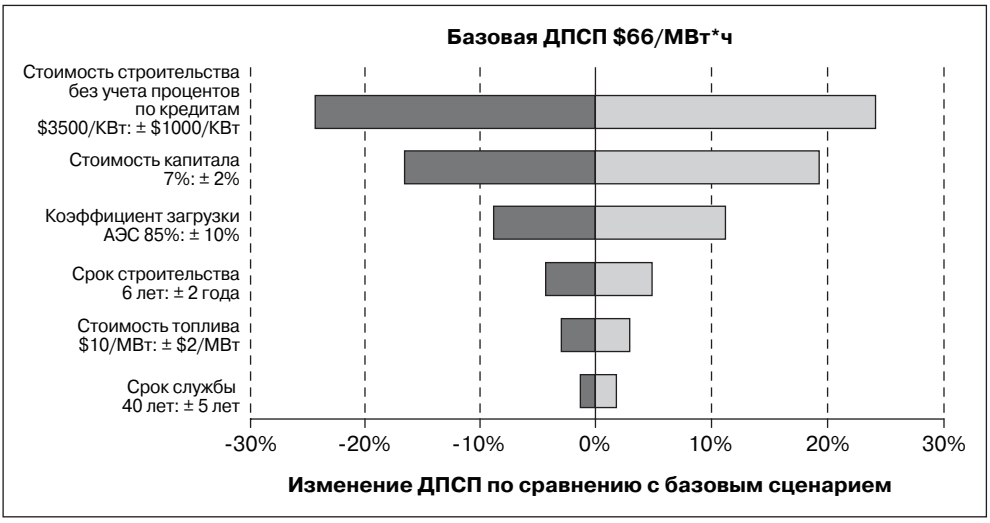
РОЛЬ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Таким образом, становится очевидной потребность региона в надежном источнике электроэнергии, не работающем на нефти и газе, для покрытия базовой нагрузки. На роль такого источника подходят два типа электростанций: угольные (которые производят большое количество парниковых газов) и атомные.

С экономической точки зрения атомная энергетика является наиболее эффективным решением. Она требует больших первоначальных инвестиций, однако этот недостаток с лихвой компенсируется отличными показателями доступности (то есть количеством часов в год, когда станция может работать на полную мощность) и низкой стоимостью топлива. В стоимости каждого произведенного атомной электростанцией киловатт-часа электроэнергии основную долю составляет стоимость строительства самой АЭС, которая, в свою очередь, зависит от конкретного типа электростанции и от затрат времени на ее строительство и ввод в эксплуатацию. Еще одним важным фактором является соотношение собственного и заемного капитала при строительстве АЭС, а также процентная ставка по кредитам (оба этих показателя определяют стоимость капитала)[14]. Более подробно зависимость стоимости элэктроэнергии от разных факторов показана на рис. 1.

В государствах Персидского залива условия для быстрого строительства АЭС более благоприятны, чем в других регионах. Отчасти это, несомненно, объясняется авторитарным характером правительств этих стран, который сводит к минимуму потенциальный риск протестов среди местного населения и межведомственных конфликтов (то есть, фактор противодействия строительству АЭС). Однако было бы неправильно утверждать, что это единственный фактор. Важную роль играет наличие подходящих площадок в обширных пустынных регионах, а также накопленный совместно с ведущими мировыми корпорациями опыт в области огромных промышленных и инфраструктурных проектов в регионе. Как уже говорилось, Абу-Даби, заявивший о намерении рассмотреть возможность строительства АЭС в 2007 г., собирается ввести в строй свою первую АЭС уже в 2017 г. Если эти сроки будут выдержаны, они станут рекордом в области скорости строительства

Рис. 1. **Зависимость долгосрочной предельной себестоимости производства (ДПСП) атомной электроэнергии от различных факторов[15]**



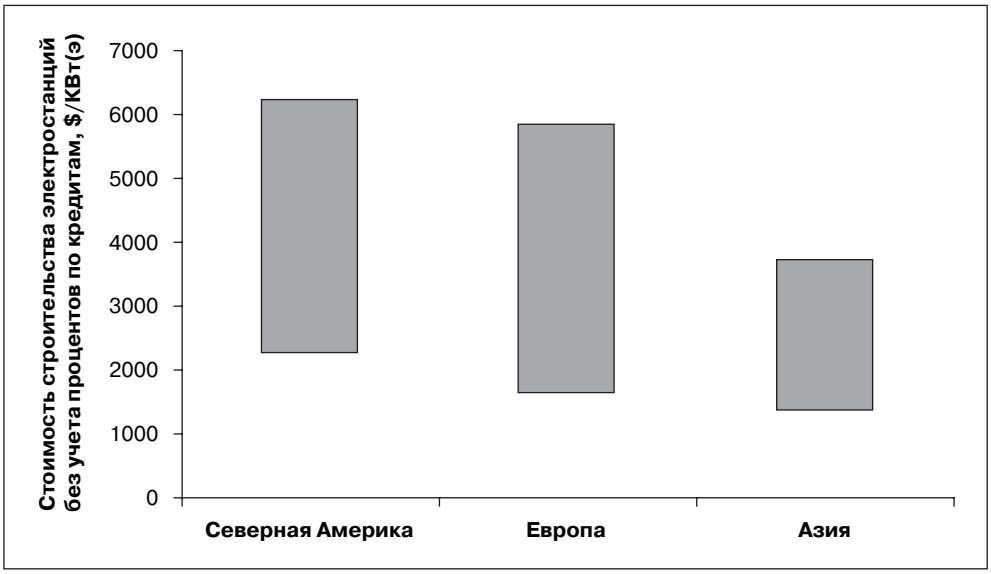
АЭС. Результатом более благоприятных условий для подобных проектов в странах Персидского залива является также более низкая стоимость таких проектов по сравнению с другими регионами.

Кроме того, ключевые государства Персидского залива имеют более чем достаточно финансовых ресурсов для инвестиций в подобные проекты. Суверенный фонд Абу-Даби управляет капиталом (в виде инвестиций в акции и облигации на международных рынках), который оценивается почти в 500 млрд долл. Проценты, которые фонд получает по этим инвестициям, скорее всего не намного выше среднего рыночного показателя, который в последние годы находится на весьма низком уровне (даже без учета влияния кризиса 2008 г.). Поэтому для Абу-Даби стоимость необходимого для строительства АЭС капитала будет очень низка. Она будет гораздо ниже стандартной цифры в 5%, которую обычно используют при расчетах сравнительной стоимости производства электроэнергии из различных источников. Если процентная ставка по привлеченным для строительства АЭС кредитам будет ниже 2%, то атомная энергетика вне всякого сомнения будет самым дешевым вариантом производства электричества.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И БУДУЩЕЕ УГЛЕВОДОРОДОВ

Одним из наиболее интересных аспектов использования атомной энергии в нефтедобывающих странах является возможность повышения коэффициента нефтеотдачи месторождений и сокращения вредных выбросов в процессе нефтедобычи. При использовании стандартных технологий из нефтяного месторождения можно извлечь в среднем около 35% содержащейся в нем нефти; 65% остается под землей. Существует множество технологий для улучшения этого показателя, основанных на поддержании давления в скважине или повышении текучести нефти, которое способствует ее подъему на поверхность через пористые горные породы. К таким технологиям относится закачка в скважину высокотемпературного пара (гравитационное дренирование при закачке пара). При этом производство пара, естественно, требует источника энергии. Использование в качестве такого источника самой добываемой нефти или попутного газа является дорогим и приводит к выбросам углекислого газа в атмосферу. Альтернативным источником тепла для производства пара может стать атомная энергия, выработка которой не сопровождается такими выбросами.

Рис. 2. **Диапазоны оценок стоимости строительства электростанций по регионам, в период с 2007 по 2009 г. (в долларовых ценах 2008 г.)[16]**



Переработка нефти и производство нефтехимических продуктов тоже являются очень энергоинтенсивными процессами, сопровождающимися загрязнением атмосферы. Атомная энергия может позволить отказаться от применения в этих производствах нефти и газа в качестве источников энергии. Это приведет к сокращению вредных выбросов и высвободит дополнительный объем углеводородов для применения в других целях. Кроме того, переработка нефти требует наличия постоянного источника водорода, который в настоящее время в основном производится из метана в ходе процесса *реформинга*. Атомная энергия позволит производить водород путем электролиза воды, что тоже позволит высвободить дополнительный объем углеводородов.

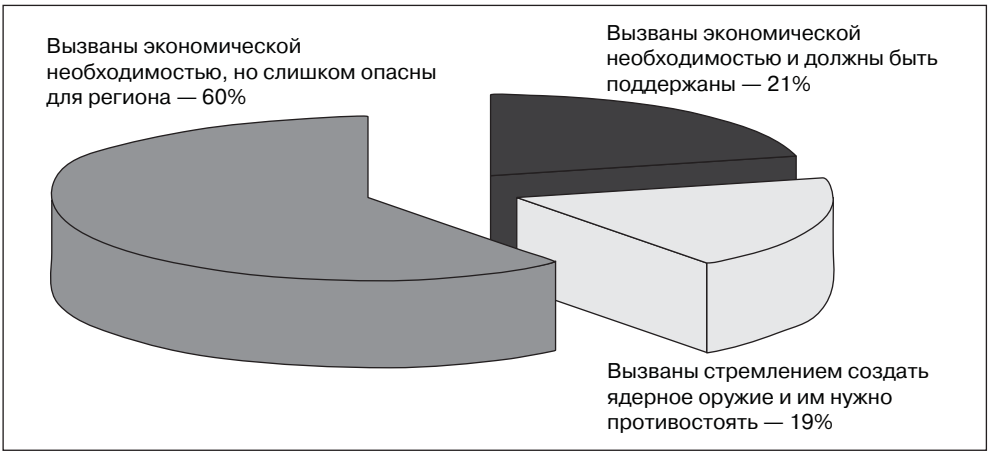
Углеводороды являются наиболее компактным и удобным в использовании носителем энергии. Спрос на углеводороды будет всегда, причем ценность их будет расти по мере сокращения имеющихся запасов. Поэтому сокращение нерационального использования углеводородов с параллельным сокращением вредных выбросов является крайне важной задачей.

Наконец, в настоящее время обсуждаются технологии, при использовании которых углекислый газ, вырабатываемый тепловыми (например, угольными) электростанциями, не выбрасывается в атмосферу и не закачивается под землю, а используется для производства синтетических углеводородов. В ходе такого процесса атом углерода в молекуле углекислого газа отделяется от атомов кислорода и соединяется с атомами водорода[17]. Такая технология уже существует, и она требует электроэнергии как для отделения углерода от кислорода, так и для производства водорода (из воды, поскольку производить водород из углеводородов, а затем использовать его для синтеза все тех же углеводородов не имело бы смысла). В качестве источника электроэнергии для таких технологий логично использовать атомные электростанции.

ОГРАНИЧЕННОЕ ВЛИЯНИЕ ФУКУСИМЫ

Таким образом, стремление нефтедобывающих стран развивать атомную энергетику имеет под собой реальные и хорошо обоснованные экономические причины.

Рис. 3. **Опрос: Планы развития атомной энергетики на Ближнем Востоке**



Источник: опрос на сайте ПИР-Центра http://www.pircenter.org

Более подробная информация о роли России в подготовке Ближневосточной конференции 2012 г. и развитии мирной атомной энергетики на Ближнем Востоке доступна на сайте ПИР-Центра по адресу http://middle-east.pircenter.org

В долгосрочной перспективе можно предположить, что страны Персидского залива постараются довести долю атомных электростанций в общем производстве электроэнергии до 30%. (Это намного менее амбициозная цель, чем предложенная саудовской организацией K.A. CARE стратегия, согласно которой вся базовая нагрузка на энергосети должна покрываться атомными электростанциями.) Оставшиеся 70% электроэнергии будут вырабатываться из газа и возобновляемых источников. Другими словами, при таком сценарии в странах Персидского залива на атомную энергетику будет приходиться меньшая доля производства электричества, чем во Франции и даже в таких странах, как Бельгия, Швеция или Швейцария.

Авария на японской АЭС в Фукусиме не внесла существенных корректив в эти планы. Естественно, после этой аварии все государства Персидского залива будут уделять безопасности своих будущих АЭС еще большее внимание. Но нельзя забывать, что станция в Фукусиме была старой постройки (первый ее реактор был введен в строй еще в 1971 г.) и располагалась в зоне, подверженной землетрясениям и цунами. При строительстве АЭС в Абу-Даби будет использоваться весь накопленный с тех пор передовой опыт и новейшие технологии. Кроме того, государства Персидского залива не подвержены риску цунами. Сейсмический риск в арабской части региона (в отличие от иранской) тоже невелик.

Авария на АЭС в Фукусиме не привела к какому-либо серьезному пересмотру планов в области атомной энергии за пределами Европы. Даже если внедрение атомных программ замедлится в других регионах мира, страны Персидского залива окажутся в более выгодном положении на переговорах с потенциальными поставщиками атомного оборудования и технологий, и смогут подписать контракты на еще более выгодных условиях.

Примечания

[1] Внедрением программы ядерной энергетики в ОАЭ занимается корпорация ENEC — Emirates Nuclear Energy Corporation. Наилучшим официальным источником информации

по данному вопросу является вебсайт компании www.enec.gov.ae/index/(последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

[2] Dubai to double size of coal power plant. *Reuters.* 2011, June 23; Coal comes cheap but production does not. *The National*. 2012, January 29.

[3] Данные цифры прозвучали во время презентации K. A. CARE «Nuclear Energy: Can It Be the Choice for Sustainable Future», проведенной на второй ежегодной конференции по ядерному строительству MENA (26–27 сентября 2011 г.), Слайд 10 «Theoretical technical ceiling for nuclear deployment by 2030» (теоретический технический предел внедрения ядерной программы до 2030 г.). Естественно, реальные цифры будут ниже, чем теоретический максимум, однако официальные плановые показатели пока не озвучены. http://www.nuclearenergyinsider.com/mena-new-build-report/sustainable-future-thanks.shtml (последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

[4] Kuwait abandons nuclear power option. *UPI.* 2012, February 23.

[5] Office of the U. S. State Department Spokesman. U. S.-UAE Agreement for Peaceful Nuclear Cooperation (123 Agreement). 2009, January 15, http://www.usuaebusiness.org/view/images/uploaded/State%20Department%20Press%20Release%20On%20US-UAE%20123%20Agreement.pdf (последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

[6] Luomi Mari. The Economic and Prestige Aspects of Abu Dhabi's Nuclear Program. In Kamrava Mehran, ed. The Nuclear Question in the Middle East. Columbia/Hurst, 2012.

[7] В ходе дебатов по данному вопросу было высказано множество мнений; см. в частности источник: Kamrava Mehran. The Nuclear Question in the Middle East: Context, Complexities, and Paradoxes. In Kamrava Mehran, ed. Op. cit.; Banks John P., Ebinger Charles K., Massy Kevin, and Avasarala Govinda. Models for Aspirant Civil Nuclear Energy Nations in the Middle East. Brookings Institution, 2011, http://www.brookings.edu/~/media/Files/rc/papers/2011/0927_middle_east_nuclear_ebinger_banks/0927_middle_east_nuclear_ebinger_banks.pdf (последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

[8] По информации, содержащейся в Ежегодном отчете за 2010 год Нефтехимической и химической ассоциации стран Персидского залива, «общая доля региона Персидского залива в мировой нефтехимической индустрии вырастет с нынешних 15% до 20% к 2015 г. », www.gpca.org.ae/(последнее посещение — 1 марта 2012 г.); Luciani Giacomo. Refining and Petrochemicals. In Luciani Giacomo, ed. Resource Blessed: Diversification and the Gulf Development Model. Berlin, Gerlach, 2012.

[9] Kvande Halvor. The GCC Aluminium Industry — The Development of Aluminium Production Capacity in the Middle East. In Luciani Giacomo, ed. Op. cit.

[10] По оценке старшего аналитика банка *HSBC* по Саудовской Аравии Джона Тотти, страна потеряла около 17 млрд долл. потенциальных доходов от экспорта нефти, сжигая нефть на своих электростанциях в 2010 г. В 2005 г. эта цифра составляла 3 млрд долл. (*Reuters*, 2011, 6 июля). Эта оценка основана на довольно сомнительном предположении о том, что всю сожженную нефть можно было бы экспортировать без снижения мировых цен на нефть. Тем не менее, вполне очевидно, что использование нефти в качестве топлива для электростанций имеет высокую альтернативную стоимость.

[11] «По нашим оценкам, для удовлетворения растущего спроса на электроэнергию исключительно за счет новых электростанций, работающих на нефти, в этом десятилетии понадобится сжечь около 4 млрд баррелей нефти, что будет стоить более 300 млрд долл. и предполагает потребление на уровне 1,6 млн б/д к 2020 г.» — исследование энергетической ситуации на Ближнем Востоке, опубликованное *HSBC* в конце июня 2011 г.

[12] Middle East Economic Survey. Vol. 55. Issue 13. 2012, March 26. Pp. 3–5.

[13] Doukas H., Patlitzianas K. D., Kagiannas A. G., Psarras J. Renewable energy sources and rationale use of energy development in the countries of GCC: Myth or reality? *Renewable Energy.* 31 (6), 755–770 (2006); исчерпывающий список литературы по теме: http://www.eugcc-cleanergy.net/Home.aspx (последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

[14] International Energy Agency. World Energy Outlook 2011. Paris, IEA/OECD, 2011. Pp. 455–457.

[15] International Energy Agency. Op. cit.

[16] МАГАТЭ. Обзор ядерных технологий 2010. С. 11.

[17] См. к примеру: CO2 Recyclingю http://www.americanenergyindependence.com/recycleco2.aspx (последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

Александр Колбин[1]

КИТАЙ И ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ: ВОЗМОЖНО ЛИ СОКРАЩЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ КНР?

За время, прошедшее с момента выхода в свет статьи четырех авторитетных американских деятелей, в 2008 г. призвавших мир вернуться к идее о необходимости всеобщего ядерного разоружения[2], мы стали свидетелями возрождения многих аспектов разоруженческой проблематики, которые в начале XXI в. по разным причинам находились в упадке. Весной 2009 г. Барак Обама стал первым президентом США, сделавшим цель достижения мира без ядерного оружия частью официального направления американской внешней политики. В апреле 2010 г. в США состоялся первый Саммит по ядерной безопасности, а в Чехии между Россией и США был подписан Договор СНВ-3, вступивший в силу в феврале 2011 г. В мае 2010 г. в Нью-Йорке прошла Обзорная конференция по рассмотрению действия ДНЯО, основным результатом которой стал План действий в сфере ядерного разоружения и нераспространения.

Период с 2012 по 2020 г. может оказать еще большее влияние на развитие процессов ядерного разоружения. Состоятся две обзорные конференции по рассмотрению ДНЯО. На 2012 г. намечено проведение Саммита по ядерной безопасности в Южной Корее и Конференции по вопросу создания зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки, на Ближнем Востоке. К 2020 г., как планируется, будут реализованы все три фазы развертывания европейского сегмента глобальной ПРО США[3], а еще раньше — в 2018 г. начнется полномасштабное развертывание перехватчиков *Стандарт* (*SM-3) Block IIA* в ее азиатско-тихоокеанском сегменте[4]. Наконец, вероятно, что к концу текущего десятилетия будет выполнен договор СНВ-3 и, как заявил министр иностранных дел России С.В. Лавров, наступит время «для дальнейших переговоров об укреплении международной стабильности и стратегического паритета»[5].

В контексте этих событий наиболее сложным может оказаться положение Китая с его ядерной стратегией, не менявшейся уже на протяжении более 40 лет. Добившись значительных успехов во всех сферах жизни общества, продемонстрировав устойчивый экономический рост, сопровождавшийся развитием науки и технологии, реформированием и модернизацией армии, Китай дал многим исследователям повод говорить о себе как о единственном государстве, способном в ближайшее десятилетие бросить вызов Соединенным Штатам. Но очевидно, что в этом впечатляющем росте заложено немало вызовов для самого Китая[6]. В большой степени это относится и к проблеме адаптации ядерной стратегии КНР к этому росту и к новому стратегическому окружению, с которым неизбежно столкнется Китай к концу нынешнего десятилетия.

После того, как в последние годы повестка дня ядерного разоружения была значительно обновлена, все громче раздаются призывы в отношении Китая в будущем взять на себя более активную и конструктивную роль на пути движения

к миру, свободному от ядерного оружия. Готов ли Китай взять на себя эту роль сегодня и в ближайшие годы? В данной работе будут рассмотрены наиболее опасные вызовы, с которыми может столкнуться ядерная стратегия Пекина в период с 2012 по 2020 г., и будет дан ответ на вопрос, появятся ли в указанный период предпосылки для сокращения китайских стратегических ядерных сил (СЯС).

БЕЛАЯ КНИГА ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ КИТАЯ 2010 г.

В марте 2011 г. в свет вышла очередная Белая книга по вопросам национальной обороны Китая (Белая книга 2010 г.), призванная дать мировой общественности представление о современной оборонной политике КНР. Первый такой документ был опубликован в 1995 г., а, начиная с 1998 г., Белые книги в КНР публикуются каждые два года. При этом исследователям, занимающимся изучением ядерной политики Китая, приходится обращать внимание на малейшие изменения в форме и порядке подачи информации в этих документах. Так, на основе анализа текстов нескольких Белых книг, с 1998 г. прослеживается довольно значительное изменение места и роли в ядерной стратегии КНР терминов «сдерживание» и «политика сдерживания»[7]. Если в Белой книге 1998 г. слова «политика ядерного сдерживания» имели исключительно негативный окрас и характеризовали ядерные стратегии других государств, обладающих ядерным оружием, за исключением Китая, то в Белой книге 2000 г. термин «сдерживание» вообще не употреблялся, а в 2006 г., когда КНР впервые опубликовала основные положения своей ядерной стратегии, «стратегическое сдерживание» было названо основной задачей сил Второй артиллерии Народно-освободительной армии КНР. Дополнительные трудности доставляет сопоставление перевода указанных терминов с китайского на английский язык[8]. При этом общим местом в работах, посвященных ядерной политике Китая, давно стало указание на ее нетранспарентность и отсутствие достаточного объема информации на китайском языке, что делает трудновыполнимой задачу объективного анализа китайской ядерной стратегии[9].

В Белой книге 2010 г., в разделе, посвященном ядерному разоружению, говорится о том, что Китай всегда выступал за полное запрещение и уничтожение ядерного оружия, при этом страны, обладающие самыми большими ядерными арсеналами, несут особую ответственность за ядерное разоружение. Эти государства должны значительно сократить свои ядерные арсеналы, чтобы создать необходимые условия для полного уничтожения ядерного оружия. Когда условия будут созданы, другие государства, обладающие ядерным оружием, также должны присоединиться к многосторонним переговорам о ядерном разоружении. Кроме того, чтобы достичь цели всеобщего ядерного разоружения, «международное сообщество должно разработать в соответствующее время жизнеспособный, долгосрочный план с различными фазами, включающий заключение конвенции о полном запрещении ядерного оружия»[10].

Пожалуй, сложно изобрести более трудновыполнимую формулу, которая бы позволяла государству неопределенно долгое время воздерживаться от участия в процессах ядерного разоружения. Между тем условия этим не ограничиваются, поскольку в Китае считают, что, прежде чем станет возможным полное запрещение и уничтожение ядерного оружия, все государства, которые им обладают, должны отказаться от политики ядерного сдерживания, основанной на возможности применения ядерного оружия первым. Иными словами, взять на себя обязательство «ни при каких обстоятельствах не применять или угрожать применением ядерного оружия против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия, а также заключить договор о неприменении ядерного оружия друг против друга»[11].

Что касается ядерной политики самого Китая, то, по утверждению авторов Белой книги 2010 г., КНР никогда не уклонялась от выполнения своих обязательств в сфере ядерного разоружения и придерживается открытой, транспарентной и ответ-

ственной ядерной политики. Кроме того, Китай соблюдает обязательство о неприменения ядерного оружия первым в любое время и при любых обстоятельствах, никогда не размещал ядерного оружия на иностранной территории, всегда проявлял предельную сдержанность в развитии ядерных вооружений, никогда не участвовал и не будет участвовать в любой форме гонки ядерных вооружений, будет и впредь поддерживать свой ядерный арсенал на минимальном уровне, рекомендованном для национальной безопасности, и поощрять усилия государств, не обладающих ядерным оружием, по созданию зон, свободных от ядерного оружия.

Отдельный абзац раздела посвящен проблеме противоракетной обороны (ПРО). Китай считает, что система глобальной ПРО нанесет ущерб международному стратегическому балансу и стабильности, подорвет международную и региональную безопасность и окажет негативное воздействие на процесс ядерного разоружения. «Ни одно государство не должно развертывать системы ПРО, которые обладают возможностями или потенциалом стратегической ПРО, за пределами национальной территории, или участвовать в любой форме международного сотрудничества в данной сфере»[12].

Данные положения практически дословно повторяются и в официальном заявлении, распространенном КНР в ходе Обзорной конференции по рассмотрению ДНЯО в 2010 г.[13], а большинство из них, исключая протесты против развертывания средств глобальной ПРО, озвучивается Китаем с момента появления у него ядерного оружия в 1964 г.[14] Таким образом, согласно официальной китайской позиции, в числе главных препятствий на пути подключения Китая к процессу ядерного разоружения названы:

- государства, обладающие ядерным оружием, до сих пор не взяли на себя обязательство о неприменении ядерного оружие первым и не заключили соответствующего многостороннего соглашения[15];
- США и их союзники продолжают развитие системы глобальной ПРО;
- США и Россия в рамках двустороннего процесса ядерного разоружения еще не достигли некоторого необходимого уровня, после достижения которого станет возможным участие Китая в многостороннем процессе ядерного разоружения.

Это наиболее очевидные препятствия, о которых в Китае говорят уже несколько десятилетий. Есть и менее очевидные, но от того не менее важные проблемы, наличие которых мешает участию Китая в процессе ядерного разоружения и которые могут обостряться в зависимости от того или иного политического курса США (прежде всего, проблема милитаризации космоса[16], признания независимости Тайваня), состояния отношений в треугольнике Китай–Пакистан–Индия, развития ситуации вокруг Северной Кореи. С недавних пор в числе возможных факторов, способных оказать позитивное воздействие на подключение Китая к процессу ядерного разоружения, стали называть возможные совместные российско-американские усилия в этом направлении[17].

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО О НЕПРИМЕНЕНИИ ПЕРВЫМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: МЕСТО И РОЛЬ В ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ

Обязательство «в любое время и при любых обстоятельствах не применять ядерное оружие первым»[18] Китай взял на себя в день испытания первой атомной бомбы — 16 октября 1964 г. и выступил с предложением провести конференцию глав правительств всех стран для обсуждения возможности всеобъемлющего запрещения и полного уничтожения ядерного оружия.

Считается, что государство, взявшее на себя обязательство о неприменении ЯО первым (ОНП), в развитии своих ядерных сил должно опираться на концепцию

и средства второго (ответного) удара[19] или, как это сформулировано в Белой книге 2010 г., стратегию «атаковать только будучи атакованным»[20]. Основной целью ядерной политики такого государства становится обеспечение способности к нанесению ответного ядерного удара, что в случае Китая, с учетом его обязательства о неприменении первым ядерного оружия, до сих пор предполагало постоянное повышение выживаемости средств сдерживания.

За счет чего можно повысить выживаемость ядерных сил? *Во-первых*, сохраняя максимально возможную *непрозрачность* в отношении их количественных и качественных характеристик, а также планов по их развитию. Во-*вторых*, повышая *мобильность* средств доставки ядерного оружия. *В-третьих*, повышая их *скрытность*. *В-четвертых*, за счет размещения части ЯО в высокозащищенных *подземных хранилищах*, недоступных даже для современных средств преодоления подобной защиты[21]. *В-пятых*, осуществляя постепенное увеличение *числа носителей* ядерного оружия. *В-шестых*, создавая надежную *систему управления* и *командования* ядерным арсеналом, большая часть элементов которой должна находиться либо в космосе, либо на территории хорошо защищенных объектов. Наконец, *в-седьмых*, необходимо быть готовым к максимально большему числу *неожиданностей в стратегической сфере*. Сегодня это, прежде всего, возможность резкого роста потенциала систем ПРО вероятного противника, размещения оружия в космическом пространстве, резкого роста потенциала средств высокоточного оружия в неядерном оснащении.

Если в период *формирования* ядерной доктрины КНР обязательство о неприменении ядерного оружия первым можно было трактовать как преимущественно политико-пропагандистский инструмент, поскольку структура китайских сил сдерживания на начальном этапе не позволяла реализовывать это обязательство на практике, то в дальнейшем это обязательство постепенно наполнялось реальным содержанием, хотя этот процесс до сих пор не завершен.

Ряд исследователей выделяет три этапа, которые прошла в своем развитии китайская стратегия ядерного сдерживания[22].

На первом этапе Китай осуществлял так называемое ***экзистенциональное сдерживание*** [*cunzaixing weishe*]. На этом этапе Китай уже обладал ЯО, но не обладал достаточно эффективными средствами его доставки, не имел реального потенциала ответного удара и в случае кризиса реально мог использовать ядерное оружие только против приграничных целей. В таком положении Китай находился по крайней мере до 1982 г., когда на вооружение армии КНР поступили первые межконтинентальные ракеты (МБР) с жидкостным ракетным двигателем (ЖРД) шахтного базирования *Дунфэн-5 [Dongfeng-5, DF-5]*. До принятия на вооружение данной МБР основным носителем китайских ядерных боезарядов выступали стратегические бомбардировщики *Хун-6 [Hong-6, H-6*] (лицензионная копия советского бомбардировщика *Ту-16*), а также серия баллистических ракет средней дальности (БРСД) с ЖРД *Дунфэн-1*, *Дунфэн-2*, *Дунфэн-3*, *Дунфэн-4*, которые принято относить к первому поколению китайских ракетоносителей[23].

На рубеже 1970–80-х гг. можно определить начало второго этапа в развитии китайской стратегии ядерного сдерживания, когда с появлением первых МБР стало возможным осуществление ***минимального сдерживания*** [*zuidi weishe*]. На данном этапе Китай уже располагал достаточным количеством средств сдерживания, необходимых для нанесения ответного удара. Учитывая то, что к тому времени Китай обладал несколькими МБР и БРСД, вероятный противник в своих расчетах должен был принимать во внимание возможность, что хотя бы часть из них выживет в ходе первого удара, и Китай будет способен с их задействованием нанести агрессору неприемлемый ущерб.

Начало реализации данного этапа возможно проследить с 1978 г, когда китайское руководство объявляет о необходимости создания «второго поколения мобильных, скрытно развертываемых ракет с коротким временем подготовки пуска»[24].

Реализация этой цели подразумевала, прежде всего, развертывание мобильных наземных транспортно-пусковых установок, создание атомных подводных лодок, способных нести баллистические ракеты (ПЛАРБ), и модернизацию авиационных носителей ядерного оружия. Кроме того, руководство Китая принимает решение о переходе к созданию исключительно твердотопливных ракет (соответствующее решение было принято в 1983 г.), а ракетостроительная отрасль КНР берет курс на унификацию характеристик БРСД и МБР наземного и морского базирования[25].

В связи с переходом Китая на исключительно твердотопливное ракетостроение с начала 1980-х гг., следует отметить, что сравнительный анализ ракетных двигателей на жидком и твердом топливе, уже неоднократно проводившийся специалистами, показывает, что и у того, и у другого типа двигателей есть свои преимущества и недостатки. К примеру, одним из основных преимуществ жидкостных ракет являются их лучшие энергетические характеристики по сравнению с твердотопливными ракетами, что при прочих равных условиях позволяет им иметь гораздо большую массу полезной нагрузки. Кроме того, «большой забрасываемый вес жидкостных МБР позволяет нести не только много боеголовок, но и еще больше ложных целей для преодоления ПРО»[26]. К недостаткам жидкостных ракет можно отнести прежде всего необходимость содержания сложного, дорогостоящего заправочного оборудования, и «высокую агрессивность жидкого ракетного топлива» и связанную с этим повышенную опасность для обслуживающего персонала и оборудования[27].

Основным преимуществом твердотопливных ракет над жидкостными считается существенное сокращение времени подготовки к старту и значительное снижение шумности при старте (последнее крайне важно для атомных подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами). Ко всему прочему, в случае ПЛАРБ, при использовании твердотопливных ракет «исключается необходимость наличия на лодке систем газоанализа, орошения, слива компонентов топлива при потере ракетой герметичности и целого ряда других систем»[28]. Кроме того, у твердотопливных ракет гораздо более короткий (в два-четыре раза) активный участок траектории, что очень важно в плане преодоления ПРО[29].

Поэтому переход к созданию исключительно твердотопливных ракет мог означать прежде всего стремление КНР увеличить способность своих ядерных сил к нанесению ответного удара за счет увеличения мобильности наземных МБР, повышения скрытности будущей морской составляющей ядерной триады и за счет сокращения времени подготовки ракет к пуску в условиях начала гипотетического ядерного конфликта. В целом же можно сделать вывод, что такой переход должен был служить цели обеспечить реализацию Китаем обязательства о неприменении ядерного оружия первым.

В рамках второго этапа в конце 1980-х — начале 1990-х гг. начинается развертывание первого наземного мобильного ракетного комплекса с твердотопливной БРСД *Дунфэн-21*, который поступает на вооружение в 1991 г.[30] В 1988 г. китайскому флоту была передана первая китайская атомная подводная лодка с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа *Ся* [*Xia*] проекта 092, в 12 вертикальных пусковых установках которой могут быть размещены ракеты *Цзюйлан-1* [*Julang-1, JL-1*]. Однако эта первая китайская БРПЛ по ряду характеристик не была доработана и во многом уступала аналогичным западным образцам, в связи с чем осталась в опытно-экспериментальном варианте. За весь период службы в составе ВМС КНР подводная лодка *Ся* ни разу не выходила на боевое патрулирование и не покидала внутренних китайских морей[31]. Тем не менее, в результате реализации этих и ряда других разработок к началу 1990-х гг. Китай создает основу для развития трехкомпонентного ядерного арсенала, включающего наземный, морской и авиационный компоненты. При этом основное внимание на втором этапе развития ядерных сил КНР уделялось НИОКР в сфере создания твердотопливных мобильных ракетоносителей наземного и морского базирования и унификации их конструкторских решений[32].

С середины 1990-х гг. становится возможным определить начало третьего этапа в развитии стратегии ядерного сдерживания КНР, реализация которого продолжается до сих пор. Охарактеризовать сдерживание на данном этапе можно как ***гарантированное минимальное сдерживание*** [*zuidi kexin weishe*][33]. На практике это означает, что Китай сегодня пытается увеличить надежность потенциала ответного удара, увеличивая в составе своих ядерных сил долю мобильных и скрытных средств доставки, весьма умеренно увеличивая общие количественные показатели СЯС и ускоренно повышая их качественные характеристики. В рамках данного этапа на вооружение поступают образцы средств доставки ядерного оружия, НИОКР по которым велись в рамках второго этапа. Одновременно начинается разработка новых типов носителей и широко ведутся работы по модификации вооружений, уже являющихся частью ядерного арсенала КНР.

Так, на данном этапе в Китае начата разработка новой баллистической ракеты подводной лодки (БРПЛ) *Цзюйлан-2* с улучшенными летными характеристиками и увеличенной дальностью стрельбы. В 2000 г. принимается на вооружение модифицированный вариант оперативно-тактической ракеты (ОТР) *Дунфэн-11 — Дунфэн-11А* (увеличена дальность). К 2000-м гг. налаживается серийное производство модифицированного варианта баллистических ракет меньшей дальности (БРМД) *Дунфэн-15 — Дунфэн-15А* (увеличена дальность и добавлена возможность совершения головной частью маневра на конечном участке траектории). С 2002 г. на место уже развернутых ракет *Дунфэн-21* начинает поступать модификация данной ракеты *Дунфэн-21А* (увеличена дальность). В 2003 г. принимается на вооружение наземная мобильная МБР *Дунфэн-31*, что значительно уменьшает отставание Китая от России и США в области развития стратегического ракетного вооружения. А уже в 2006 г. на вооружение поступает модификация данной МБР *Дунфэн-31А*[34].

В 2000-е же годы Китай смог добиться значительных результатов в развитии морской составляющей своих СЯС, а также, по некоторым данным, предпринял усилия по модификации авиационной составляющей, оснастив несколько бомбардировщиков *Хун-6* и *Хун-6М* новыми тактическими крылатыми ракетами класса воздух–земля *Чанцзян-20* [*Changjian-20,* CJ-20], способными нести тактические ядерные боезаряды[35]. В декабре 2002 г. была спущена на воду головная АПЛ проекта 093 типа *Шан* [*Shang*], являющаяся развитием российского проекта *671РТМ* (введена в состав флота в конце 2006 г.). На базе АПЛ типа *Шан* в КНР был разработан проект перспективной ПЛАРБ типа *Цзинь* [*Jin*] проекта 094. Она отличается от проекта 093 только встроенным тридцатиметровым ракетным отсеком, рассчитанным на 12 вертикальных пусковых шахт для БРПЛ *Цзюйлан-2*. Считается, что новая ПЛАРБ во многом превосходит лодку проекта 092 типа *Ся*, в том числе по показателям надежности ядерной энергетической установки, эффективности ракетного и радиоэлектронного вооружения, а также имеет более низкий, по сравнению со своими предшественницами, уровень шумности. Твердотопливная трехступенчатая БРПЛ *Цзюйлан-2* является унифицированной по элементам с МБР *Дунфэн-31* и может оснащаться моноблочной головной частью (мощность до 1000 кт). По некоторым данным, в КНР прорабатываются также варианты оснащения данной БРПЛ разделяющейся головной частью (РГЧ) (три боеголовки, мощность каждой до 100 кт)[36]. Первые пуски БРПЛ *Цзюйлан-2* состоялись в июле 2004 г., однако испытания в целом тогда прошли неудачно и пока оперативный статус данной БРПЛ неизвестен[37].

По состоянию на начало 2011 г. ядерные силы Китая включали в себя наземный, морской и авиационный компоненты и имели в своем составе как стратегические, так и нестратегические носители (см. табл. 1). Сопоставление данных из различных открытых источников позволяет с определенной долей уверенности говорить о том, что к этому времени в составе ядерных сил КНР насчитывалось около 240 стратегических носителей и порядка 375 нестратегических носителей[38]. При этом общее число ядерных боезарядов (как активных, так и размещенных на складах), предназначенных для размещения на стратегических носителях, составляло около 260 единиц[39].

Таблица 1. **Ядерный арсенал КНР**

Тип носителя и наименование КНР (НАТО)	Количество развернутых носителей	Дальность стрельбы / полета (км)	Число боезарядов на одном носителе, мощность	Год начала развертывания	Количество развернутых боезарядов
Стратегические носители					~180
Дунфэн-4 (CSS-3) — жидкостная двухступенчатая БРСД мобильного и шахтного базирования	15–20	5.400	1 x 3.3 Мт	1980	~20
Дунфэн-5A (CSS-4 Mod 2) — жидкостная МБР шахтного базирования	~20	13.000+	1 x 4–5 Мт	1981	~20
Дунфэн-21 (CSS-5) и ее модификации[40] — твердотопливная БРСД мобильного базирования (региональное сдерживание)	85–95	1.750+	1 x 200–300 кт	1991	~95
Дунфэн-31 (CSS-9) — твердотопливная трехступенчатая МБР мобильного базирования	10+	7.200+	1 x 200–300 кт	2003	~10
Дунфэн-31A (CSS-9 Mod 2) — твердотопливная МБР мобильного базирования	10–15	11.200+	1 x 200–300 кт	2008–2010	~15
Цзюйлан-1 (CSS-N-3) — БРПЛ (1 ПЛАРБ типа *Xia* не полностью развернута)	(12)[41]	1.770+	1 x 25–50 кт	1986	(12)
Цзюйлан-2 (CSS-NX-5) — БРПЛ (до 5 ПЛАРБ типа *Jin* в стадии строительства или развертывания)	(60)	7.200+	1 x 100 кт [42]	2012?	(60)
Хун-6 (и его модификации) — бомбардировщик	~82	3.100+	До 3 бомб Б-5 x 2 Мт	1965	~20
Нестратегические носители [43]					?
Цян-5 (и его модификации) — истребитель-бомбардировщик[44]	~120	до 400	1 бомба x 5–20 кт	1972	?
Чанцзян-10 (DH-10) — крылатая ракета класса земля–земля	45–55	1.500+	1 x ?	2007	?
Дунфэн-15 (CSS-6) — БРМД	90–110	600	1 x ?	1995	?
Дунфэн-11A (CSS-7) — ОТР	120–140	300–450	1 x ?	2000	?

В будущем, вероятнее всего, будет продолжена тенденция к укреплению стратегии гарантированного минимального сдерживания за счет дальнейшего увеличения в составе китайских ядерных сил доли мобильных и скрытных средств доставки. Общие количественные показатели СЯС будут увеличиваться умеренными темпами. Продолжатся разработка новых типов носителей и модификация вооружений, уже являющихся частью ядерного арсенала КНР. В любом случае, по оценкам специалистов, в настоящее время Китай еще не располагает в своем ядерном арсенале средствами, достаточными для реализации обязательства о неприменении первым ядерного оружия в полном объеме (без ущерба для реализации Китаем его ядерной стратегии).

АМЕРИКАНСКАЯ ПРО И ПЕРСПЕКТИВЫ СОКРАЩЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯДЕРНОГО АРСЕНАЛА

В 1972 г. СССР и США подписали Договор об ограничении систем противоракетной обороны. Стороны, подписавшие Договор, исходили из признания того факта, что «системы ПРО способны подорвать стратегическую стабильность, если они защищают территорию страны от массированного ядерного удара, перехватывая значительную часть атакующих ракет и боезарядов. Если ПРО защищает только базы МБР, ПЛАРБ, стратегической авиации, пункты высших звеньев боевого управления, то она способствует поддержанию стратегической стабильности»[45]. Поэтому выход США из Договора по ПРО в 2002 г. и отказ от ограничений на развитие систем ПРО способен подорвать систему стратегической стабильности в мире, определяющуюся в настоящее время «не численным равенством стратегических вооружений, а равенством возможностей сторон к гарантированному нанесению противнику неприемлемого ущерба в ответном ударе при любом развитии ядерного конфликта»[46].

Китай, будучи государством, обладающим ограниченным числом ядерных боезарядов и средств их доставки, в непосредственной близости от границ которого происходит развертывание элементов американской ПРО, сталкивается сегодня с серьезным вызовом собственному потенциалу ядерного сдерживания. В настоящее время он располагает порядка 40 МБР, способных достичь континентальной территории США[47]. В случае гипотетического китайско-американского обмена ядерными ударами по крайней мере часть из них может быть уничтожена уже в ходе первого удара США, учитывая превосходство США в развитии ядерных вооружений и систем высокоточного оружия[48]. При наличии системы ПРО, достаточно эффективной для перехвата выживших при первом ударе китайских МБР, ядерная стратегия КНР оказывается неспособной обеспечить национальную безопасность.

За время, прошедшее с момента выхода из Договора по ПРО, «США значительно продвинулись вперед в деле совершенствования многослойной системы ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), придавая ей способность уничтожать любые виды баллистических ракет любой дальности и на любой траектории полета (на стадии ускорения, срединной и заключительной части полета)»[49]. В результате сегодня стратегическая система ПРО США в АТР «включает как разведывательно-информационные средства раннего предупреждения в виде РЛС стратегического назначения, позволяющие засекать МБР на дальности полета свыше 5,5 тыс. км, так и ударно-боевые средства в виде ракет-перехватчиков наземного и морского базирования»[50].

Одновременно США оказывают содействие своим ключевым союзникам в регионе (прежде всего Японии, Австралии и Южной Корее, а также Тайваню) в развитии средств тактической, а в перспективе — стратегической ПРО. Япония уже обладает «многослойной системой противоракетной обороны, которая включает системы слежения, перехватчики, системы раннего предупреждения и командные структуры»[51]. Кроме того, США и Япония совместно разрабатывают следующее поколение перехватчиков *Стандарт* (*SM-3) Block IIA*, полномасштабное развертывание которых начнется в 2018 г. Австралия приобрета-

ет корабли, которые в перспективе будут совместимы с американской системой *Aegis*. С Южной Кореей США в настоящее время проводят совместный анализ ракетных угроз в регионе.

Теоретически, существует как минимум два сценария, которые могут способствовать снижению уровня угрозы со стороны системы ПРО США в АТР потенциалу ядерного сдерживания Китая. Первый из них — ускоренное количественное наращивание ядерного арсенала за счет увеличения числа существующих и разработки новых ракетоносителей, обладающих средствами преодоления ПРО, в том числе разделяющимися головными частями с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН) и боеголовками, обладающими высокой маневренностью[52]. Так, в министерстве обороны США полагают, что к 2015 г. ядерные силы КНР будут включать дополнительное число МБР *Дунфэн-31А* и улучшенные *Дунфэн-5А*[53].

Тем не менее, данный путь потребует от Китая, во-первых, значительных финансовых усилий, что, учитывая задачу «скоординированного развития экономики и национальной обороны»[54], может вызвать серьезное ухудшение экономической ситуации в КНР; во-вторых, это неизбежно вызовет новую волну *алармизма* в отношении *китайской угрозы* и значительно навредит позитивному имиджу КНР в контексте режима нераспространения, сложившемуся сегодня[55]; в-третьих, для производства большего числа новых боеголовок КНР потребуется дополнительное количество расщепляющегося материала, что сделает еще более отдаленной перспективу конструктивного участия Китая в разработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия (ДЗПРМ), а также, возможно, в перспективе потребует от КНР проведения новых ядерных испытаний[56], что сделает невозможным вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)[57]. Не следует забывать и о постоянно повторяющемся в Китае тезисе о том, что он никогда не будет участвовать в гонке ядерных вооружений и будет и в дальнейшем ограничивать свой ядерный арсенал на уровне, минимально необходимом для обеспечения национальной безопасности[58].

В любом случае, резкий рост ядерного арсенала КНР вызовет негативные последствия для всей системы региональной безопасности в АТР, где прежде всего Япония и Южная Корея при желании могут попытаться обрести статус ядерных держав. Кроме того, подобные шаги Китая могут стимулировать гонку ядерных вооружений между Индией и Пакистаном[59], а также нанести существенный вред российско-китайскому стратегическому диалогу. К тому же крупное наращивание ядерных вооружений Китаем в значительной мере нарушит стратегический баланс в АТР, что побудит США и их союзников ускорить развитие и размещение средств ПРО в регионе.

Наконец, резкое наращивание ядерного арсенала в случае Китая будет означать, вероятнее всего, отказ КНР от сегодняшней оборонительной стратегии, в том числе от обязательства неприменения ядерного оружия первым или, по меньшей мере, усиление его политико-пропагандистской, в ущерб практической роли. Кроме того, на практике резкий количественный рост ядерного арсенала может означать переход к реализации стратегии ответно-встречного удара, когда Китай будет стремиться максимально сократить время между ракетно-ядерным ударом противника и пуском собственных ракет. Это, в свою очередь, потребует от Китая наличия современных и надежных систем раннего предупреждения, которые, по различным данным, в настоящее время у Китая либо отсутствуют, либо находятся в начальной стадии развертывания По некоторым данным, в настоящее время ядерные боеголовки в Китае хранятся отдельно от ракетоносителей, что, по мнению ряда исследователей, может означать «отсутствие надежных технических систем предотвращения несанкционированного применения ЯО»[60].

Другой, более вероятный, сценарий может предполагать, как было отмечено выше, продолжение тенденции к укреплению стратегии гарантированного мини-

мального сдерживания за счет дальнейшего увеличения в составе китайских СЯС *доли* мобильных средств доставки, разработки различных технологий преодоления систем ПРО, включая РГЧ ИН с маневрирующими боеголовками и средства противоспутникового оружия[61]. Продолжится умеренное увеличение общих количественных показателей СЯС с приоритетом на работы по модификации вооружений, уже являющихся частью ядерного арсенала КНР.

В случае реализации данного сценария, наибольший потенциал роста заложен в продолжении развития морской составляющей СЯС КНР как важного элемента обеспечения скрытности и мобильности средств ядерного сдерживания в условиях сохранения обязательства о неприменении первым ядерного оружия[62].

По некоторым данным, в период до 2020 г. Китай способен развернуть до 5 ПЛАРБ проекта 094 типа *Цзинь*[63]. Тем не менее, даже в случае их успешного развертывания, китайские ПЛАРБ смогут гарантировать нанесение ответного удара в отношении США только при их патрулировании на относительно небольшом расстоянии от берегов КНР[64]. Это потребует обеспечения соответствующих мер защиты от противолодочных средств вероятного противника в открытом море[65]. При этом китайскому военно-морскому флоту (ВМФ) в настоящее время трудно эффективно противодействовать американскому флоту. Китайские военные в силу отстающего развития морской составляющей ядерной триады имеют мало опыта в проведении подобных операций, в то время как американский ВМФ постоянно совершенствует возможности по противодействию ВМФ вероятного противника[66]. Более того, в том случае, если американская система ПРО в АТР получит достаточные возможности по перехвату ракет противника, угроза китайскому ВМФ со стороны ВМФ США возрастет, поскольку, сдерживая китайские субмарины в рамках одной географической области, американский флот позволит нацелить средства ПРО в направлении скопления стратегического флота КНР[67].

ДОГОВОР СНВ-3: ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ

Как известно, 5 февраля 2011 г. в силу вступил российско-американский Договор СНВ-3. Он ограничивает общее число развернутых стратегических ядерных боезарядов 1550 единицами для каждой из сторон. Число развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых стратегических бомбардировщиков-ракетоносцев для России и США не будет превышать 700 единиц.

Сразу вслед за подписанием Договора в российских и западных экспертных кругах и на государственном уровне стали говорить о том, что пришло время для мер по вовлечению в процесс ядерного разоружения и других ядерных держав, прежде всего Китая. Объясняли такую необходимость тем, что Китай остается единственной официальной ядерной державой, которая не только не сокращает, но и продолжает наращивать свой ядерный арсенал, который в течение уже ближайших 10–12 лет может стать сопоставимым с арсеналами России и США[68].

Китайские эксперты подписание Договора СНВ-3 восприняли как достижение в рамках прежде всего двусторонних российско-американских отношений, отражающее «консенсус, достигнутый между двумя крупнейшими ядерными державами»[69]. Перспективы выполнения Договора СНВ-3 в момент его вступления в силу оценивались китайскими экспертами позитивно. Среди главных недостатков Договора называлось то, что он «ограничивает только развернутые боеголовки, не касаясь тех боеголовок, которые хранятся на складах». Еще одним недостатком является то, что «Договор не касается проблемы тактических ядерных вооружений или обычных вооружений, а также не налагает ограничений на развертывание систем ПРО». В результате, принимая во внимание положения Договора СНВ-3, по мнению китайских экспертов, преждевременно ожидать значительного прогресса в реализации процесса ядерного разоружения в краткосрочной перспективе[70]. В Белой книге 2010 г., выпущенной в марте 2011 г. уже после того, как Договор СНВ-3 вступил в силу, призыв к США и России продолжить сокращения

ядерных арсеналов лишь повторяется, а Договор СНВ-3 в тексте документа вообще не упомянут[71].

Кроме того, несмотря на в целом оптимистичный взгляд китайских экспертов на перспективы имплементации Договора СНВ-3, с российской и американской стороны было сделано уже достаточно заявлений, способных развеять подобный оптимизм. Наиболее яркий пример здесь — ситуация российско-американского противостояния по вопросу размещения элементов американской глобальной ПРО в Европе.

Учитывая постоянно повторяемое в Китае на официальном уровне требование к России и США значительно сократить свои ядерные арсеналы, также возникает вопрос, до каких конкретно уровней этим двум странам необходимо сократить собственные ядерные силы, чтобы удовлетворить данное требование КНР?[72] Одни утверждают, что будет достаточно уровня примерно в 1000 боеголовок для того, чтобы Китай счел возможным присоединиться к ядерному разоружению в многостороннем формате[73]. Другие предполагают, что Россия и США должны сократить собственные ядерные арсеналы до уровня только в три раза большего, чем в настоящее время располагает Китай[74] — то есть около 800 боеголовок. Третьи доказывают, что Китай в принципе не может участвовать в поэтапном процессе ядерного разоружения, поскольку он обладает слишком ограниченным ядерным арсеналом, и было бы более приемлемо установить для КНР определенный потолок роста ядерного арсенала, который при возникновении благоприятных условий мог бы быть снижен до нуля[75]. Таким образом, даже в случае успешного выполнения Договора СНВ-3 в срок, Китай вряд ли будет готов к сокращениям собственного ядерного арсенала к 2020 г.

ТАК БУДУТ ЛИ СОКРАЩЕНИЯ?

Как представляется, в период с 2012 по 2020 г. Китай не будет иметь намерений и предпосылок для сокращения своих стратегических ядерных сил. Это связано с двумя группами факторов — внутренними и внешними.

Среди внутренних факторов определяющее влияние будет оказывать тенденция Китая к укреплению стратегии гарантированного минимального сдерживания за счет дальнейшего увеличения в составе китайских ядерных сил доли мобильных и скрытных средств доставки, разработки различных технологий преодоления систем ПРО, включая боеголовки с разделяющейся головной частью (БГ РГЧ). Продолжатся умеренное увеличение общих количественных показателей СЯС и работы по модификации вооружений, уже являющихся частью ядерного арсенала КНР. Согласно мнению большинства специалистов, в течение ближайших 10 лет Китай не будет располагать в своем арсенале средствами сдерживания, достаточными для обеспечения выполнимости ОНП, поэтому следует ожидать умеренного наращивания средств СЯС до уровня, достаточного для реализации данного обязательства.

В числе внешних факторов — перспективы развертывания систем ПРО в АТР и результаты процесса ядерного разоружения на двустороннем российско-американском уровне.

Что касается ПРО, то здесь на сегодня наиболее вероятным кажется то, что Китай воздержится от резкого наращивания СЯС в качестве ответа на ее развертывание в АТР, особенно принимая во внимание все возможные негативные последствия такого шага для ситуации безопасности в АТР и для самого Китая. Умеренный количественный рост СЯС при их одновременной модернизации будет отвечать и цели обеспечения выполнимости ОНП. При этом, если американская система ПРО в АТР не будет свернута или не будут найдены пути китайско-американского сотрудничества в сфере ПРО, подключение Китая к процессу ядерного разоружения будет заморожено на неопределенную перспективу.

Наконец, говоря о процессе ядерного разоружения на двустороннем российско-американском уровне и реакции КНР, следует учитывать, что даже в случае успешного выполнения Договора СНВ-3 в срок, Китай вряд ли будет готов к сокращениям собственных СЯС после 2020 г. Более того, трудно будет говорить о возможности участия КНР в процессах многостороннего ядерного разоружения после 2020 г. даже в случае сокращений арсеналов США и России ниже уровней, установленных Договором СНВ-3. Есть большая вероятность того, что и тогда часть государств, обладающих ЯО, будет воздерживаться от принятия ОНП, а Китай и США не смогут совместно разрешить проблему ПРО в АТР.

Примечания

[1] Первоначальная версия данной работы была представлена в ходе семинара «Будущее политики Китая в области ядерного нераспространения и ядерного разоружения» в рамках цикла семинаров «Научные Среды ПИР-Центра» 22 декабря 2010 г., а отдельные ее результаты были размещены на сайте ПИР-Центра в разделе «Ядерная пятерка» в ноябре 2010 г. Автор выражает признательность члену экспертно-консультативного совета ПИР-Центра В. И. Есину, третьему секретарю Посольства РФ в США С. В. Понамареву, сотруднику по внешним связям ОДВЗЯИ Н.В. Перфильеву за ценные комментарии по отдельным частям работы.

[2] Shultz P., Perry W., Kissinger G., Nunn S. Toward a Nuclear Free World, Wall Street Journal, January 15, 2008, http://online.wsj.com/article/SB120036422673589947.html?mod=opinion_main_commentaries (последнее посещение — 12 июня 2011 г.).

[3] Подробное описание этапов реализации фазового адаптивного подхода к развертыванию элементов евроатлантического сегмента глобальной ПРО США см.: O'Reilly Patrick. Trans-Atlantic Missile Defense: Looking to Lisbon, Welcome and First Keynote: 10/12/10 — Transcript, US Atlantic Counsil, http://www.acus.org/event/transatlantic-missile-defense-looking-lisbon/welcome-first-keynote-transcript (последнее посещение — 30 июня 2011 г.).

[4] Statement of Dr. James N. Miller, Principal Deputy Under Secretary of Defense for Policy before the House Committee, on Armed Services Subcommittee on Strategic Forces. 2011, March 2, http://armedservices.house.gov/index.cfm/files/serve?File_id=10a50d6 f-ece1-475f-bb5e-00ab478aefdb (последнее посещение — 14 мая 2011 г.).

[5] Лавров: обсуждение стабильности в мире возможно после выполнения СНВ-3. *РИА-Новости*. 2011, 14 января, http://ria.ru/politics/20110114/321524293.html (последнее посещение — 10 августа 2011 г.).

[6] См. например: Domestic Trends in the United States, China and Iran. *RAND*, 2008, http://www.rand.org/pubs/monographs/2009/RAND_MG729.pdf (последнее посещение — 14 июля 2011 г.).

[7] См. например: Liu Huaping. The Evolution of China's Nuclear Strategy and Multilateral Nuclear Disarmament. Program on Strategic Stability Evaluation (POSSE). http://www.posse.gatech.edu/sites/default/files/Liu_Jan15_Revision.pdf (последнее посещение — 1 сентября 2011 г.).

[8] Там же.

[9] См. например: Perfilyev Nikita. Transparency with Chinese Characteristics. *PacNet* № 5. 2011, January 24, http://csis.org/files/publication/pac1105.pdf (последнее посещение — 10 августа 2011 г.).

[10] China's National Defense in 2010. Arms Control and Disarmament. 2011, 31 March, http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011–03/31/c_13806851_38.htm (последнее посещение — 2 июля 2011 г.).

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Осуществление Договора о нераспространении ядерного оружия. Доклад, представленный Китаем. Конференция 2010 года участников ДНЯО по рассмотрению действия Договора, 2010, 4 мая, http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=

NPT/CONF.2010/31&referer=http://www.un.org/en/conf/npt/2010/statespartiesreports.shtml&Lang=R (последнее посещение — 12 июля 2011 г.).

[14] Statement of the Government of the People's Republic of China, 1964, 16 October, http://www.nti.org/db/china/engdocs/nucsta64.htm (последнее посещение — 12 июля 2011 г.); China's Instrument of Accession to the Non-proliferation Treaty. 1992, March 11, http://nuclearthreatinitiative.org/db/china/engdocs/nptdec.htm (последнее посещение — 12 июля 2011 г.); Medeiros Evan S. Reluctant restraint: the evolution of China's nonproliferation policies and practices, 1980–2004. Stanford: Stanford University Press, 2007; Zhu Mingquan. The Evolution of China's Nuclear Nonproliferation Policy. http://irchina.org/en/xueren/china/view.asp?id=653 (последнее посещение — 12 июля 2011 г.).

[15] Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. Арбатова А. и Дворкина В. М: РОССПЭН, 2011. Глава 19. С. 351–366.

[16] Космос: оружие, дипломатия, безопасность. Под ред. Арбатова А., Дворкина В. М: РОССПЭН, 2009. С. 66–76, http://carnegieendowment.org/files/12659 outer_space_arbatov.pdf (последнее посещение — 12 сентября 2011 г.); новость о докладе профессора Высшей школы военно-морских сил США (США, Монтерей) Джеймса Клея Мольца в рамках цикла семинаров «Научные Среды ПИР-Центра» 22 сентября 2010 г. на тему «Изменения в космической политике США при президенте Бараке Обаме» на сайте ПИР-Центра, http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=6111 (последнее посещение — 12 сентября 2011 г.); National Space Policy of the United States of America, 2010, June 28, http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (последнее посещение — 14 августа 2011 г.).

[17] См. например: Hansell Cristina, Potter William C. (eds.). Engaging China and Russia on Nuclear Disarmament. James Martin Center for Nonproliferation Studies, 2009, http://cns.miis.edu/opapers/op15/op15.pdf (последнее посещение — 14 июля 2011 г.).

[18] Statement of the Government of the People's Republic of China. 1964, 16 October. http://www.nti.org/db/china/engdocs/nucsta64.htm (последнее посещение — 1 сентября 2011 г.).

[19] Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М: РОССПЭН, 2011. С. 60.

[20] China's National Defense in 2010. National Defense Policy. 2011, 31 March. http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011–03/31/c_13806851_38.htm (последнее посещение — 2 июля 2011 г.).

[21] Stokes Mark A. China's Nuclear Warhead Storage and Handling System. *Project2049.* 2010, http://www.project2049.net/documents/chinas_nuclear_warhead_storage_and_handling_system.pdf (последнее посещение — 2 июля 2011 г.).

[22] Подробнее см.: Chase Michael. China's Second Artillery Corps: New Trends in Force Modernization, Doctrine, and Training. China Brief of The Jamestown Foundation. 2007, February 27, http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews [tt_news]=4012 (последнее посещение — 14 июля 2011 г.); Fels Enrico. Will the Eagle Strangle the Dragon? An Assessment of the US challenges towards China's nuclear deterrence, Trends East Asia, Analysis No. 20, February 2008, www.ruhr-uni-bochum.de/oaw/poa/pdf/TEAS20.pdf (последнее посещение — 14 июля 2011 г.); Li Bin. Nuclear Weapons and International Relations [*Hewuqi yu guoji guanxi*], briefing presented at Beijing University. 2003, November 25, learn.tsinghua.edu.cn/2000990313/nuir.pdf (последнее посещение — 20 июля 2011 г.).

[23] Шунин В. Основные этапы создания баллистических ракет в Китае. *Зарубежное военное обозрение*. № 7. 2009. С. 50–53

[24] Li Bin. Op. Cit.

[25] Yang Huan. China's Strategic Nuclear Weapons. Chinese Views of Future Warfare. Institute for National Strategic Studies, http://www.fas.org/nuke/guide/china/doctrine/huan.htm (последнее посещение — 14 июля 2011 г.).

[26] Храмчихин А. Перспективная МБР — жидкостная или твердотопливная? *Новое военное обозрение*. 2011, 17 июня, http://nvo.ng.ru/realty/2011-06-17/1_mbr.html (последнее посещение — 12.09.2011).

[27] При перевооружении РВСН будут рассматриваться и жидкостные, и твердотопливные ракеты, АРМС-ТАСС, 29 февраля 2008 г., http://www.militaryparitet.com/teletype/data/ic_teletype/1964/(последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[28] Мант Д. И., Ермохин К. М. Идущий по следу обогнать не может. *Атомная наука*. 2008, 26 декабря, http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=1639 (последнее посещение — 12 сентября 2011 г.).

[29] Храмчихин А. Перспективная МБР — жидкостная или твердотопливная? *Новое военное обозрение.* 2011, 17 июня, http://nvo.ng.ru/realty/2011–06–17/1_mbr.html (последнее посещение — 12 сентября 2011 г.).

[30] Norris Robert N., Kristensen Hans M. Chinese Nuclear Forces 2010. *The Bulletin of the Atomic Scientists* № 66 (6). P. 134–141, http://bos.sagepub.com/content/66/6/134.full.pdf+html (последнее посещение — 12 сентября 2011 г.).

[31] Федоров В., Мосалев В. Подводные силы КНР. *Зарубежное военное обозрение*. № 7. 2010. С. 52–60.

[32] Там же.

[33] Li Bin. Op. Cit.

[34] Шунин В. Цит. Соч.

[35] China's CJ-20 Air Launched Cruise Missile to be operational with H-6 Bomber, Pakistan Defense, December 07, 2009, http://www.defence.pk/forums/china-defence/40868-china-s-cj-20-air-launched-cruise-missile-operational-h-6-bomber.html (последнее обращение — 15 октября 2011 г.)

[36] Ядерное оружие и национальная безопасность. Институт стратегической стабильности Росатома. Под ред. Михайлова В. Н. Саранск, Красный Октябрь. 2008, http://www.iss.niiit.ru/book-22/nuc_weap_iss.pdf (последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[37] Федоров В., Мосалев В. Цит. Соч.

[38] Арбатов А. Тактическое ядерное оружие — проблемы и решения. *Независимое военное обозрение*. 2011, 20 мая, http://nvo.ng.ru/concepts/2011–05–20/1_nuclear.html (последнее посещение — 17 октября 2011 г.).

[39] Шунин В. Цит. Соч.; Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2011, May 6, http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2011_cmpr_final.pdf (последнее посещение — 1 июня 2011 г.); Norris Robert N., Kristensen Hans M. Op. Cit.; The Military Balance 2010. The international Institute for Strategic Studies, 2010. P. 398–408. Ядерное оружие и национальная безопасность. С. 100–107; China's National Defense in 2008. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. Beijing. 2009, January 29. P. 27–43. http://merln.ndu.edu/whitepapers/China_English2008.pdf (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.); Stokes M. Op. Cit.; The Military Balance 2010. International Institute for Strategic Studies. 2010. Pp. 398–408.

[40] В данной таблице учитываются также модификации носителей, способные нести как ядерные, так и обычные боезаряды.

[41] Большинство специалистов предполагает, что БРПЛ *Цзюйлан-1* и *Цзюйлан-2* еще не достигли оперативного статуса. В Белой книге по национальной обороне КНР (China's National Defense in 2008, p. 32) в разделе, посвященном ВМС, утверждается, что «на вооружении подводных сил находится несколько ПЛАРБ». В данной таблице ядерные боезаряды и носители, предположительно размещенные на ПЛАРБ, не учитываются при подсчете общего числа боезарядов и носителей.

[42] Ряд открытых источников указывает на то, что новые БРПЛ *Цзюйлан-2* смогут оснащаться РГЧ ИН с 3–4 боеголовками.

[43] Нестратегическими ядерными вооружениями в НОАК оснащена Вторая артиллерия и сухопутные войска, а также фронтовая (тактическая) авиация ВВС.

[44] Данный истребитель-бомбардировщик является глубокой модернизацией истребителя *МиГ-19*, выпускавшегося в Китае по советской лицензии под названием *Шэньян-6*. Серийное производство истребителя-бомбардировщика *Цян-5* началось в 1970 г. В связи с появлением в КНР тактического ядерного оружия, в 1970 г. началась работа по созданию модификации *Цян-5*, способного нести ядерные бомбы, мощность которых

оценивается от 5 до 20 кт. На протяжении всего времени производства, продолжающегося до настоящего времени, самолет неоднократно модернизировался. Для замены *Цян-5* разрабатывается новый истребитель-бомбардировщик *Цян-7*, однако данных о том, будет ли он носителем ядерного оружия, пока не имеется.

[45] Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. С. 31.

[46] Программа развития элементов передового базирования ПРО США: технологические аспекты и возможное реагирование. *Индекс Безопасности.* № 1 (88), весна 2009. С. 75–93.

[47] Kallmyer Kevin. START and China: Really? Center for Strategic and International Studies. 2010, September 23, http://csis.org/blog/start-and-china-really (последнее посещение — 14 августа 2011 г.).

[48] Li Bin. The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization, http://www.emergingfromconflict.org/readings/bin.pdf (последнее посещение — 20 июля 2011 г.).

[49] Козин В. ПРО США: «восточноевропейскую» систему корректируют, а «азиатскую» наращивают? *Национальная оборона*. № 12. 2010, декабрь, http://old.nationaldefense.ru/283/308/index.shtml?id=3894# (последнее посещение — 12 сентября 2011 г.).

[50] Там же.

[51] Statement of Dr. James N. Miller, Principal Deputy Under Secretary of Defense for Policy before the House Committee on Armed Services Subcommittee on Strategic Forces. 2011, March 2, http://armedservices.house.gov/index.cfm/files/serve?File_id=10a50d6 f-ece1-475f-bb5e-00ab478aefdb (последнее посещение — 14 мая 2011 г.).

[52] Li Bin. The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization.

[53] Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2011, May 6, 2011. P. 44. http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2011_cmpr_final.pdf (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

[54] China's National Defense in 2008. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. Beijing. 2009, January 29. P. 9, http://merln.ndu.edu/whitepapers/China_English2008.pdf (последнее посещение — 15 сентября 2011 г.).

[55] Warden John, Yun He. US Missile Defense and China: An Exchange. *PacNet* № 50. 2011, September 6, http://csis.org/files/publication/pac1150.pdf (последнее посещение — 14 сентября 2011 г.).

[56] Li Bin. The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization.

[57] В будущем, однако, Китай может быть все в меньшей степени зависим от проведения натурных испытаний ЯО для повышения его боевых характеристик. Это связано, прежде всего, с ускоренным развитием в КНР технологии производства суперкомпьютеров, являющихся критическим элементом инфраструктуры так называемых лабораторных ядерных испытаний. См. например: Yonck Richard. The Supercomputer Race. 2010, 26 September, http://www.wfs.org/content/supercomputer-race (последнее посещение — 12 декабря 2010 г.).

[58] China's National Defense in 2010. Arms Control and Disarmament. 31.03.2011. http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-03/31/c_13806851_38.htm (последнее посещение — 2 июля 2011 г.).

[59] Fels Enrico. Op. Cit. p. 9

[60] Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. С. 60.

[61] Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2011, May 6. P. 44, http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2011_cmpr_final.pdf (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

[62] См. например: Yoshihara Toshi, Holmes James R. China's New Undersea Nuclear Deterrent, Strategy, Doctrine, and Capabilities. *Joint Force Quarterly*. 2008, July, http://www.usnwc.edu/getattachment/Research---Gaming/China-Maritime-Studies-Institute/Published-Articles/JFQ_ChineseSSBN_YoshiharaHolmes.pdf (последнее посещение — 17 сентября 2011 г.).

[63] Чуприн Константин. Великая подводная стена. *Новости ВПК*. 2010, 22 июня, http://vpk.name/news/40613_velikaya_podvodnaya_stena.html (последнее посещение — 12 июня 2011 г.).

[64] Chinese Responses to U.S. Military Transformation and Implications for the Department of Defense. RAND Corporation, 2006, http://www.rand.org/pubs/monographs/2006/RAND_MG340.pdf (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

[65] См. подробнее: Stokes Mark A. China's Evolving Conventional Strategic Strike Capability: the Anti-ship Ballistic Missile Challenge to U.S. Maritime Operations in the Western Pacific and Beyond. Project2049 Institute, 2009, September 14, http://project2049.net/documents/chinese_anti_ship_ballistic_missile_asbm.pdf (последнее посещение — 15 августа 2011 г.).

[66] Chinese Responses to U.S. Military Transformation and Implications for the Department of Defense.

[67] Fels Enrico. Op. Cit. p. 11.

[68] См. например: Peter Brookes, New START Treaty's China Challenge, New York Post, September 20, 2010, http://www.nypost.com/p/news/opinion/opedcolumnists/new_start_treaty_china_challenge_5niHZQbbup6tknXsyjN2II (последнее посещение — 10 августа 2011 г.); Kallmyer Kevin, START and China: Really?; Stokes Mark, Blumenthal Dan. Why China's missiles should be our focus. *The Washington Post.* 2011, January 2, http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/12/31/AR2010123102687.html (последнее посещение — 12 августа 2011 г.).

[69] US-Russia nuke treaty «good for global stability». *China Daily*. 2011, January 28, 2011, http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2011–01/28/content_11930816.htm (последнее посещение — 14 июля 2011 г.).

[70] Там же.

[71] China's National Defense in 2010. Arms Control and Disarmament.

[72] Bates Gill. China and Nuclear Arms Control: Current Positions and Future Policies. *SIPRI Insights on Peace and Security*. 2010, 4 April, http://books.sipri.org/files/insight/SIPRIInsight1004.pdf (последнее посещение — 14 августа 2011 г.).

[73] Shen, D., 'China's nuclear perspective: deterrence reduction, nuclear non-proliferation, and disarmament', *Strategic Analysis*, vol. 32, no. 4 (July 2008), p. 643, http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09700160802214409 (последнее посещение — 15 октября 2011 г.)

[74] Bates Gill. China and Nuclear Arms Control: Current Positions and Future Policies.

[75] Li B., «China: a crucial bridge for the 2005 NPT Review Conference', *Arms Control Today*, vol. 35, no. 1, January/February 2005, http://www.armscontrol.org/act/2005_01-02/Li (последнее посещение — 15 октября 2011 г.)

Юлия Крячкина

ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ ТРОЙКА В АТЭС: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ВЛАДИВОСТОКА-2012

С 1 по 8 сентября 2012 г. во Владивостоке пройдет очередной саммит АТЭС. Основными приоритетами России на Саммите-2012 являются:

1) либерализация торговли и инвестиций, региональная экономическая интеграция;
2) укрепление продовольственной безопасности;
3) формирование надежных транспортно-логистических цепочек;
4) интенсивное взаимодействие для обеспечения инновационного роста.

Таким образом, на настоящий момент повестка дня отражает принципы, заложенные в Концепции 2000 г. [1] и озвученные Д. А. Медведевым на Азиатском форуме Боао 15 апреля 2011 г.[2] Первый и третий пункты традиционно присутствуют на повестке дня АТЭС; второй и четвертый являются отражением сфер заинтересованности России. При этом, на наш взгляд, есть некоторые сферы, которые не менее важны для решения задач АТЭС и повышения роли России как в форуме, так и в регионе в целом, и при подготовке повестки дня саммита их нельзя не учитывать.

Участие в азиатско-тихоокеанских интеграционных процессах в первую очередь подразумевает экономическое сотрудничество. На период с июля по сентябрь 2010 г. внешнеторговый оборот России со странами, входящими в АТЭС, составил 23,3% от общего товарооборота России (ЕС — 49,5%, СНГ — 13,8%). Из года в год этот показатель повышается, что позволяет говорить и о росте значимости азиатско-тихоокеанского направления для российской экономики. Задача России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом состоит в повышении собственного авторитета в этом регионе. Действия через саммит АТЭС — это лишь часть общей стратегии включения в политические и экономические процессы в АТР. Насколько подходы России в рамках АТЭС соотносятся с интересами и стратегиями ближайших соседей по региону — Восточноазиатской тройки? Какие темы занимают центральное положение в АТЭС и какие проблемы может решить Россия посредством участия в этом форуме? Что Россия может привнести в качестве председателя Саммита?

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

В 1962 г. Сабуро Окита из японского Центра экономических исследований впервые употребил термин *открытый регионализм*, который в дальнейшем лег в осно-

ву Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества[3]. Уже в 1965 г. японский экономист Киёсими Кодзима предложил идею создания Тихоокеанской зоны свободной торговли, в которую должны были войти Австралия, Канада, Новая Зеландия, США и Япония. На базе этой идеи в 1967 г. возникают Тихоокеанская конференция по торговле и развитию и неправительственная организация Тихоокеанский экономический совет. Однако в тот период возникновение полноценной региональной организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе было невозможно ввиду экономических факторов, исторического наследия и недоверия стран Восточной и Юго-Восточной Азии к инициативам, исходящим из Японии, идеологического противостояния, из-за которого в регион не включали Китай. Страны региона в целом вяло отреагировали на инициативу.

Тем не менее в конце 1980-х гг. австралийская инициатива по созданию Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества, поддержанная Японией и США, нашла уже более позитивный отклик. Созданный в 1989 г. форум АТЭС является одним из крупнейших интеграционных объединений в АТР. АТЭС — это 21 экономика, на территории которых проживает примерно 40,5% мирового населения, и на которые приходится примерно 54,2% мирового ВВП и 43,7% мирового торгового оборота[4].

На Сеульской встрече министров 1991 г. была разработана декларация, ставшая временным уставом АТЭС и обозначившая круг вопросов Сотрудничества в следующем перечне: обмен информацией по политике и развитию инвестиций, развитие региональной торговли и сотрудничества в области окружающей среды, туризма, транспорта и телекоммуникаций, поддержка роста и развития региона.

Сегодня на пространстве АТР и в сопредельных с ним регионах действуют сразу несколько форматов многостороннего сотрудничества. Среди них наиболее значимые — АТЭС, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и различные форматы АСЕАН+, Восточноазиатские саммиты (ВАС), Региональный форум АСЕАН (АРФ) и ряд других. Они отличаются и по составу участников и по сфере деятельности, и по обязательности выполнения принятых решений,. Из схемы, подготовленной экспертами Центра стратегических и международных исследований (CSIS), видно, что практически все форумы, созданные на данный момент в АТР, связаны между собой, периодически имеют пересекающиеся интересы (см. рис. 1). При этом в рамках АТЭС сегодня собраны крупнейшие региональные игроки и создан потенциально наиболее крупный внутренний рынок региона.

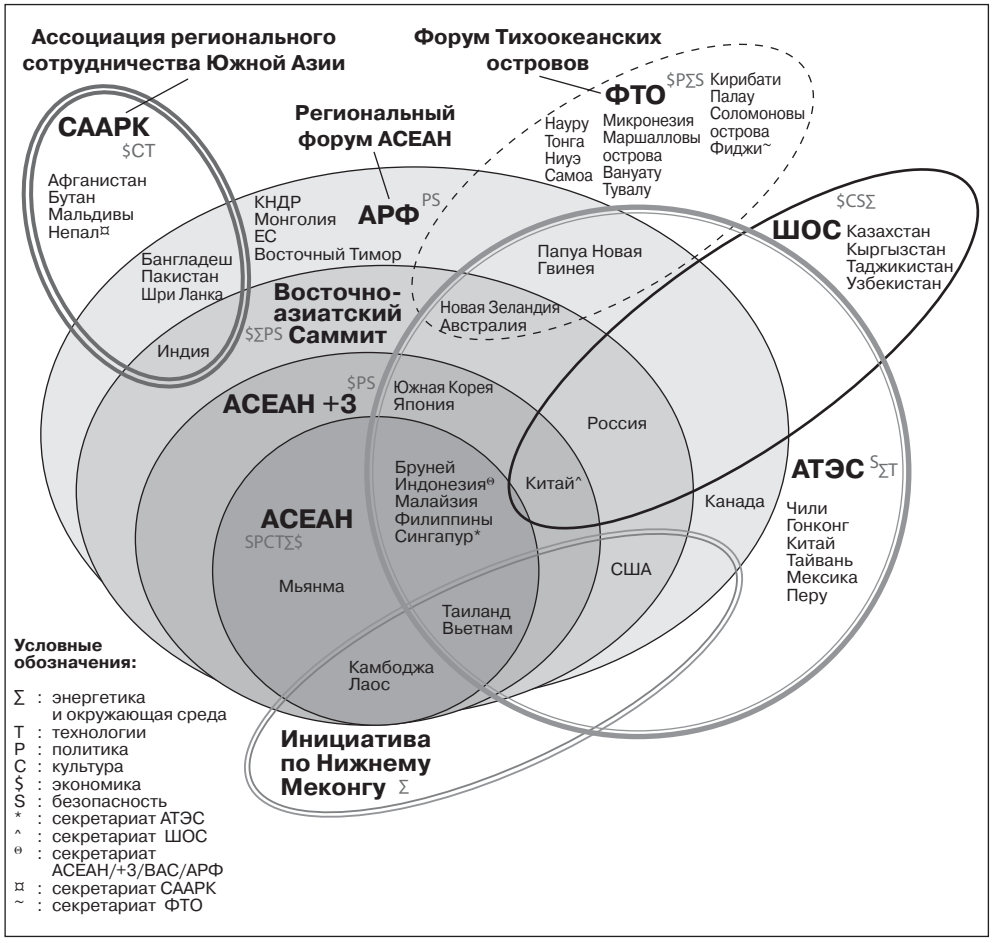
Основатели АТЭС видели в нем путь к серьезной экономической кооперации в регионе. Но, несмотря на первоначальный успех, сегодня можно констатировать, что далеко не все идеи, которые закладывались в основы АТЭС, реализованы. Форум не принимает обязательных решений. С одной стороны, отсутствие большого бюрократического аппарата, полномочий правопринуждения при разрешении конфликтов, наличие практики сотрудничества на основе консенсуса и невмешательства во внутренние дела членов организации оцениваются как *положительные стороны* организационной структуры АТЭС. Вместе с тем эти же особенности не позволяют АТЭС работать более эффективно.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

КИРИЛЛ БАРСКИЙ: Регион сейчас находится между США и Китаем, как между молотом и наковальней. Никто не хочет конфликта между этими странами. С другой стороны, все заинтересованы в том, чтобы была какая-то система сдержек и противовесов, при которой все государства имели бы возможность реализовывать свои интересы, избегая конфликтов между крупными странами. Именно этим обусловлена актуальность инициативы создания архитектуры безопасности. Есть основания полагать, что у этой инициативы есть перспективы.

Индекс Безопасности. 2011. №2 (97). С. 89.

Рис. 1. **Азиатские интеграционные структуры**



Источник: Center for Strategic and International Studies[5].

И потому страны ищут новые форматы, в рамках которых можно будет установить более жесткие рамки принятия решений, придать им большую обязательность.

Однако более важным является то, что АТЭС — это наиболее широкий формат из всех представленных, который в диалоговом ключе позволяет решать проблемы в таких сферах, как, например, построение конкурентной экономической среды, таможенного регулирования, вопросы сотрудничества в сельском хозяйстве, инновационной политики, интеллектуальной собственности, реагирования в чрезвычайных ситуациях, морском и рыболовном деле.

На последнем саммите АТЭС в Гонолулу, США, в 2011 г. в повестке дня на первый план вышли: 1) вопросы расширения экономической интеграции в регионе; 2) продвижение идеи *зеленого роста*; 3) расширение сотрудничества в области торгового регулирования[6]. За данной повесткой дня стоят конкретные вопросы: соответствие экономического сотрудничества в рамках АТЭС нормам ВТО, работа с таможенными барьерами, либерализация авиаперевозок грузов, структурная реформа АТЭС с целью дальнейшего продвижения к созданию зоны свободной торговли; продвижение энергетически эффективных способов производства,

соблюдение правил в торговле природными материалами; укрепление антикоррупционного взаимодействия. При этом США в рамках саммита в Гонолулу сделали значительный акцент на продвижении идеи Транстихоокеанского партнерства как зоны свободной торговли.

В вопросе о достижении Богорских целей (поэтапное установление зоны свободной торговли) нет практического результата, и акценты на экономическое сотрудничество начинают смещаться в другие организации — ВАС, АСЕАН+3, трехсторонний диалог Китая, Японии и Южной Кореи, ряд двусторонних договоров о зонах свободной торговли. Именно поэтому для Саммита-2012 можно сделать два вывода: 1) тема развития регионального экономического сотрудничества и достижения Богорских целей будет актуальна в ближайшее время, но 2) для достижения конкретных результатов необходимо к Саммиту во Владивостоке разработать предложения по освежению диалога (как вариант — разработка более детального плана создания зоны свободной торговли), так как в противном случае члены АТЭС окончательно потеряют интерес к содержанию Богорских целей.

Вопрос экономического роста будет актуальным для повестки дня до тех пор, пока страны не выйдут на качественно новый уровень посткризисного развития. Здесь как раз будет уместной дискуссия относительно того, завершился ли мировой финансовый кризис. В случае выхода стран АТР к моменту саммита 2012 г. на этап посткризисного развития наиболее актуальными будут вопросы дальнейшего качественного развития экономического сотрудничества — здесь необходимы новые инициативы, подготовленные российской стороной индивидуально либо в сотрудничестве с партнерами по АТЭС.

Актуальными для АТЭС являются и вопросы безопасности. Российская сторона не раз предлагала инициативы и по развитию диалога по энергетической безопасности, и по сотрудничеству в области ликвидации последствий природных и природно-техногенных катастроф. Особенно это может быть актуально после аварии на АЭС *Фукусима-1* в марте 2011 г. в Японии. Однако в случае внесения в повестку дня саммита 2012 г. вопросов безопасности необходимо уже к моменту проведения саммита продемонстрировать конкретные достижения, выраженные хотя бы некими двусторонними соглашениями и разработанными моделями сотрудничества, которые мы можем предложить расширить с двусторонней основы на более широкий круг участников.

КИТАЙСКОЕ ЛИДЕРСТВО И АЗИАТСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

На страны АТЭС приходится около 70% внешнего товарооборота Китая и свыше 70% привлеченных им прямых иностранных инвестиций. Развитие Китая и региона, таким образом, серьезно взаимосвязаны. АТЭС для Китая — это особый формат, позволяющий одновременно контактировать со многими странами и получать доступ на новые рынки; интересный, но далеко не единственный формат взаимодействия со странами региона. Китайская Народная Республика не являлась страной — учредителем АТЭС, но страны-учредители понимали необходимость присутствия Китая — и как возможного противовеса США, и как крупнейшей экономики региона. Вступление в АТЭС открыло для Китая новые возможности в многосторонней дипломатии, демонстрации нового государственного облика и содействия внутреннему развитию. АТЭС для Китая является площадкой для построения выгодных двусторонних контактов, и в этом Китай не отличается от Японии и Кореи. Китай принимает активное участие в неформальных встречах[7]. В пристальном внимании к неформальным встречам проявляется желание китайской стороны играть все большую роль в регионе, не только получая признание на официальном уровне, но и пытаясь взаимодействовать со странами региона более тесно в неформальной обстановке.

В последние годы в целях преодоления международного финансового кризиса китайское правительство скорректировало макроэкономическую политику и реализовало пакет мер по расширению внутреннего спроса и содействию экономическому росту, активно сотрудничая при этом с мировым сообществом, включая страны АТЭС. На 17-й неформальной встрече руководителей АТЭС в Сингапуре председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что правительство Китая выделит 10 млн долл. для учреждения фонда сотрудничества Китай — АТЭС, призванного поощрять и поддерживать участие соответствующих китайских ведомств и предприятий в экономическом и техническом сотрудничестве с АТЭС.

Между тем, с момента вступления в ВТО формат АТЭС стал уже не так актуален для Китая. Китайские эксперты отмечают, что международное направление сотрудничества по экономическим вопросам является более актуальным для Китая по сравнению с региональным направлением[8]. Но вместе с тем на площадке АТЭС Китай может выстраивать и свои специфические двусторонние связи с регионом. В конечном счете АТЭС — это площадка, на которой Китай может проявлять свои лидерские региональные качества, поэтому АТЭС не утратит свою актуальность для Китая ровно до тех пор, пока не появится аналогичная по составу, но более эффективная в плане принятия и реализации решений структура в рамках АТР.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

МАРИЯ ТЕПЛОУХОВА: Бурно развивающийся в последнюю четверть века Азиатско-Тихоокеанский регион, особенно КНР как его часть, требует от Москвы активнее использовать богатый ресурсами российский Дальний Восток для включения всей страны в мировые и региональные экономические процессы. В то же время использование этого региона только как ресурсной базы заграничных партнеров грозит в будущем не только потерей части страны в экономическом плане, но и актуализацией вопросов о пересмотре границ, создавая потенциальную угрозу национальной безопасности. [...] Возможность создания на территории АТР системы коллективной безопасности насколько неоднозначна, ровно настолько и перспективна. Тенденция наращивания интенсивности трансграничного взаимодействия во всех значимых областях общественной жизни является наилучшим тому подтверждением.

[...] В первую очередь жизненно необходимо сформировать реалистичную концепцию развития региона, которая бы позволила развиться этой территории (как было показано выше, ресурсный, научный и дипломатический потенциалы для этого имеются). Равным партнером для активно развивающих стран СВА может стать только конкурентоспособный участник современных международных процессов, каким РДВ на сегодняшний день является все меньше. Для того чтобы обеспечение безопасности было максимально эффективным, основной упор необходимо сделать на решение проблем той части страны, которая непосредственно находится в АТР.

Индекс Безопасности. 2010. №1 (92). С. 95.

КНР в первую очередь обращает внимание на такие вопросы повестки дня АТЭС, как экономическая интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вопросы противодействия протекционизму, создания удобств для инвесторов, реакции на изменения климата, содействия региональной экономической интеграции. Особое внимание уделяется вопросам развития малого и среднего бизнеса — снятие максимального числа барьеров и возможности создания таких предприятий по всему АТЭС.

Среди вопросов, имеющих как экономическую, так и политическую подоплеку, стоит выделить обсуждение *инклюзивного развития*. Диалог по вопросам безопасности также занимает важное место в стратегии Китая в АТЭС. Видение АТЭСовской проблематики Китаем в этом аспекте совпадает с российским и американским подходами, в центре которых вопросы безопасности в регионе, причем и традиционные, и новые.

Существует три сценария участия Китая в зоне свободной торговли АТЭС. Первый — участие в зоне свободной торговли с момента ее оформления при условии,

что все ее нормы будут удовлетворять китайским интересам. Второй — в случае провала попыток создания зоны свободной торговли — подписание двусторонних соглашений об экономическом сотрудничестве и зонах свободной торговли. Третий — запуск зоны свободной торговли без участия Китая. Это приведет к росту разобщенности в АТЭС и роста давления на Китай, что, по сути, является конфликтным сценарием.

Россия и Китай — стратегические партнеры и в развитии энергетики, и в роли взаимного балансира в отношениях с США. Столкновение интересов России и Китая в АТЭС маловероятно. Китаю важно утвердиться в качестве представителя интересов развивающихся стран, играть ведущую роль в диалоге по торговому сотрудничеству в регионе. России объективно пока еще трудно стать лидером в АТЭС. Но именно это и может привести к позитивному сотрудничеству двух стран через поддержку позиций друг друга. Через сотрудничество с Китаем в области формирования повестки дня Россия может укрепить и диалог с ключевыми партнерами Китая — странами Юго-Восточной Азии. В условиях финансового кризиса именно Китай оказал наибольшую помощь странам ЮВА, в том числе входящим в АТЭС, что заметно укрепило его роль как в рамках отдельных интеграционных структур, так в регионе в целом. Вместе с тем, и китайские эксперты далеко не всегда воспринимают Россию в качестве полноценного члена АТЭС. Россия рассматривается вне контекста азиатско-тихоокеанских интеграционных процессов. Это — еще один показатель того, что Китай, как и многие страны региона, воспринимает Россию скорее как европейскую (в крайнем случае восточноевропейскую) страну, нежели как полноправного игрока на азиатско-тихоокеанском пространстве. В данной ситуации возможное решение заключается в более тесном сотрудничестве исследовательских центров и экспертов. В рамках такого сотрудничества Россия может глубже прояснять для Китая свою позицию по АТЭС и интеграции в АТР, совместно вырабатывать подходы не только к вопросам безопасности, как это делается в рамках ШОС, но и по вопросам экономической интеграции.

ЯПОНСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Японское министерство иностранных дел определяет роль АТЭС как диалог по ключевым вопросам экономики и политики в регионе. Японские официальные лица отмечают, что частота встреч высших должностных лиц и министерских встреч в рамках саммитов АТЭС позволяет на протяжении длительного периода времени вести эффективный политический диалог[9]. Но, несмотря на важность политической составляющей, сегодня АТЭС для Японии — в первую очередь широкий экономический форум. Смещение приоритетов в последние годы произошло, в том числе, из-за смены приоритетов и в политике союзника Японии — Соединенных Штатов, которые с приходом Обамы и началом финансового кризиса стали больше внимания уделять вопросам экономики.

На японскую позицию влияет наличие большого числа многосторонних форумов в АТР. Если в начале 2000-х гг. Япония заявляла о безусловной важности АТЭС, то сейчас можно констатировать, что в политических кругах страны зреют инициативы по экономическому сотрудничеству в других форматах. Примером таких поисков может служить идея Восточноазиатского сообщества, выдвинутая бывшим премьер-министром Японии Юкио Хатояма. Механизму Восточноазиатских саммитов отдается первое место в обзорах японской внешней политики — Голубой книге по дипломатии Японии. Также в Голубой книге уделяется много внимания трехстороннему сотрудничеству Япония–Китай–Южная Корея. Помимо АТЭС возникали и другие форматы для обсуждения вопросов экономического взаимодействия в регионе: так в конце 1990-х гг. особый интерес для Японии приобрел диалог в формате АСЕАН+1 (страны АСЕАН и Япония) и АСЕАН+3 (страны АСАЕН, Китай, Южная Корея, Япония); в начале 2000-х гг. администрация США стала проявлять интерес к построению и политического диалога, и диалога по вопросам

безопасности в рамках АТЭС, что связано, в том числе, с событиями 11 сентября 2001 г. (тогда же интерес к политической составляющей диалога проявляла в значительной степени и Россия, принятая в АТЭС в 1998 г.).

Тем не менее, АТЭС сохраняет для Японии свою актуальность, поскольку все новые обсуждаемые формы сотрудничества в АТР еще не устоялись, не всегда имеют четкие рамки, оформленную структуру, достижение согласия всех предполагаемых участников бывает осложнено полярностью интересов. В этих условиях АТЭС остается единственным форумом, позволяющим вести диалог в максимально широком составе.

В ноябре 2010 г. очередной саммит АТЭС проходил в Японии. Девиз саммита 2010 г. — *Изменение и действие*. На встрече в Йокогаме были представлены три элемента нового видения АТЭС — развитие региональной экономической интеграции, создание новой стратегии роста и укрепление безопасности. Все три темы логично вытекают из сложившейся к моменту саммита международной политической и экономической обстановки, а также пути предыдущего развития АТЭС. Так, *первый элемент* — результат дискуссии и планов по достижению Богорских целей[10] по созданию зоны свободной торговли в рамках АТЭС. *Второй* — результат мирового финансового кризиса и необходимости поиска путей выхода из кризиса и дальнейшего развития стран региона. *Третий* — дань сложившемуся диалогу по вопросам безопасности в рамках АТЭС. Кроме того, последний элемент включает в себя множество вопросов — от гуманитарной безопасности до борьбы с терроризмом, и потому позволяет вовлечь в диалог максимальное число стран.

Япония склонна рассматривать Россию в качестве партнера по двусторонним вопросам сотрудничества, а не партнера в рамках сотрудничества на интеграционном поле АТР[11]. Основная ставка делается на сотрудничество в энергетической сфере: центральное место занимают проект *Сахалин-2* и строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан. Японская сторона видит пути дальнейшего взаимодействия преимущественно в расширении уже существующих проектов в сфере торговли энергоресурсами. Перспективным для России направлением является сотрудничество с Японией в сфере атомной энергетики. Двустороннее партнерство позволит России получить новые технологии производства турбин и другого периферийного оборудования. В то же время российский бизнес получит возможность выхода на рынок атомной энергетики АТР[12]. Природно-техногенная катастрофа марта 2011 г. внесла свои коррективы в развитие контактов в сфере атомной энергетики, Япония пересматривает свою приверженность к АЭС. России же важно не упустить шанс для поддержания контакта даже в этот период, пусть даже и оставляя как запасную карту, которую со временем можно пустить в ход.

МОДЕЛЬ *ОСИ И СПИЦ* ДЛЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Южная Корея еще с начала 1980-х гг. была активным участником и инициатором интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии и АТР. Так, еще в начале 1980-х гг. Республика Корея выступила в качестве одной из стран – учредителей Тихоокеанского совета по экономическому сотрудничеству. По сути, данная организация стала одним из прообразов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, где Корея также выступила в роли одной из стран-основательниц. Для Южной Кореи на этом этапе было важно участие, и активное участие, в подобных интеграционных проектах. Экономика в этот момент шла на подъем, а поскольку экономика страны ориентирована на экспорт, то и поиск модели интеграции в региональные экономические процессы и новых рынков сбыта был задачей государственной важности.

В настоящее время наблюдается снижение роли АТЭС во внешнеэкономической и внешнеполитической доктринах РК. В первую очередь это касается вопроса с организацией зоны свободной торговли в рамках АТЭС. В целом по форуму наблюдается тенденция к подписанию двусторонних соглашений между отдельны-

ми членами АТЭС, и Южная Корея не является здесь исключением. Уже заключены соглашения о зоне свободной торговли между Южной Кореей и Чили, Сингапуром, АСЕАН. Планируется заключение подобных соглашений с ЕС, Индией, Китаем, Японией, Россией. Особая ситуация сложилась в отношении договора о зоне свободной торговли между РК и США. Переговоры были начаты 3 февраля 2006 г. После 10 раундов переговоров в 2007 г. соглашение было заключено, но оно до сих пор не ратифицировано. Во многом проблема упирается в вопрос признания южнокорейской по происхождению продукции Кэсонского индустриального комплекса, где осуществляется совместная экономическая деятельность РК и КНДР[13].

АТЭС долгое время стояло на первом месте в стратегии Южной Кореи в АТР, и страна прилагала немало усилий для совершенствования механизмов форума. В основе этих усилий лежало понимание АТЭС как основного инструмента либерализации торговли в АТР и, соответственно, расширения рынков для корейской продукции. Сейчас с этой задачей справляются двусторонние соглашения о зонах свободной торговли, на них смещается акцент. Ситуация с Южной Кореей характерна для всего региона, который разрывают две противоположные тенденции — стремление к полноценной интеграции (создание единой структуры, единых правил, отмена тарифных барьеров на равных для всех членов интеграции условиях) и так называемый феномен *noodle soup* (*вермишель* двусторонних соглашений).

Приоритеты Республики Корея в АТЭС включают образование (с акцентом на информационное, экономическое и экологическое просвещение — совместно с Соединенными Штатами в 1995 г. был создан образовательный проект АТЭС), создание зоны свободной торговли, вопросы защиты окружающей среды, телекоммуникаций.

В условиях финансового кризиса Южная Корея, как и другие страны АТР, заинтересована в расширении зоны свободной торговли, с тем чтобы максимально расширить рынки сбыта для своей экспортной экономики. Впрочем, интерес к вопросам либерализации экономического пространства останется еще долгое время актуальным.

Интерес к вопросам окружающей среды во многом продиктован интересом к этому вопросу президента Республики Корея Ли Мён Бака. В краткосрочной перспективе экологические вопросы вряд ли отойдут на второй план в регионе АТР — тема *зеленого роста* обсуждалась на саммите в Гонолулу, и имеет все шансы получить развитие на саммите во Владивостоке, так как является приоритетной и для российского Дальнего Востока.

Южная Корея рассматривает Россию как возможного партнера по созданию еще одной зоны свободной торговли. Во время Саммита АТЭС 2005 г. в Корее Россия и РК согласовали План действий по экономическому и торговому сотрудничеству. Согласно Плану, страны создали совместную исследовательскую группу для подготовки корейско-российского двустороннего соглашения по экономическому партнерству, в рамках которой было уже проведено несколько встреч. В 2008 г. на встрече группы в Москве было отмечено намерение сторон двигаться в направлении упрощения таможенных и тарифных процедур, увеличения объемов торговли. Следует поддерживать и расширять двусторонние бизнес-контакты. Последняя встреча, посвященная теме сотрудничества деловых кругов двух стран, прошла 6 мая 2011 г. В ходе встречи обсуждался инвестиционный климат в России и мероприятия по его улучшению, российско-корейский бизнес–форум и его влияние на двусторонние отношения, деятельность корейских компаний в России[14]. Дальнейшее наращивание двусторонних контактов в рамках этого и других форумов помогут России и Корее находить больше общих элементов и в диалоге по АТЭС.

НА ПУТИ ВО ВЛАДИВОСТОК — 2012

Саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке — безусловно, достижение российской политики и дипломатии. Возможность проведения Саммита на российской терри-

тории показывает, что страны региона уже смотрят с большим доверием на нашу страну. Тем не менее, праздновать победу рано — необходимо не просто, чтобы этот Саммит состоялся, но чтобы он состоялся успешно.

В чем же критерии успешности? Возьмем хотя бы такой фактор, как сотрудничество со странами региона в подготовке и проведении Саммита. Это событие должно показать, что Россия готова и может работать совместно со странами региона, вырабатывать единую политику, не забывая о своих интересах. Чем больше стран будет вовлечено в совместную подготовку Саммита, тем больше укрепленных двусторонних отношений мы получим на выходе.

Страны восточноазиатской тройки — наши ближайшие соседи, одновременно одни из самых экономически успешных государств региона, и задача России состоит в выстраивании с ними прочных отношений, как двусторонних, так и в рамках многосторонних форматов. АТЭС — удачная площадка для реализации этой задачи. В градостроительной и логистической сфере это может быть сотрудничество с Японией и Китаем (на примере решения аналогичных проблем в Токио и Пекине); в торгово-экономическом плане — интеграция в региональные торговые пути, сотрудничество в нефтегазовой сфере (встраивание в потоки поставок энергоносителей, создание принципиально новой инфраструктуры); в сфере образовательного и научного сотрудничества — обмен опытом в высокотехнологичных областях науки (химическая промышленность, проекты в атомной сфере и пр.), в сфере новых вызовов и угроз — поиск совместных решений проблемы информационной безопасности, киберпреступности и кибертерроризма.

На Саммите АТЭС 2012 г. соотношение интересов России и стран СВА может выглядеть следующим образом:

Россия и АТЭС:
1. Повышение роли России в АТР
2. Развитие транспортной инфраструктуры
3. Расширение участия России в энергетической составляющей в АТР
4. Развитие городской инфраструктуры на основе опыта стран АТР

Япония и АТЭС:
1. Расширение рынка для японской продукции
2. Более широкое взаимодействие со странами Юго-Восточной Азии, Латинской Америки

Общие интересы 4 стран в АТЭС:
1. Создание зоны свободной торговли в АТР

Потенциально общие интересы:
2. Вопросы сотрудничества по предотвращению стихийных бедствий и борьбе с их последствиями
3. Сотрудничество в области борьбы с терроризмом
4. Экологическая безопасность
5. Информационная безопасность

Китай и АТЭС:
1. Создание наиболее благоприятных условий в АТР для китайского малого и среднего бизнеса
2. Инклюзивное развитие

Ю. Корея и АТЭС
1. Интерес к двусторонним соглашениям о зонах свободной торговли
2. Интерес к вопросам информационной безопасности

В повестке дня Саммита — 2012 необходимо учесть как общие для стран региона проблемы, так и вопросы, интересующие в первую очередь российскую сторону. В данном случае повестка дня может включать в себя: 1) вопросы либерализации торговли и продвижения к созданию зоны свободной торговли (включая развитие малого и среднего бизнеса); 2) сотрудничество в сфере предотвращения стихийных бедствий и борьбе с их последствиями; 3) взаимодействие стран форума в технологической сфере (которую можно разбить на вопросы сотрудничества в образовательных и научных проектах, информационной безопасности и пр.).

Примечания

[1] Шипилов С. Б. Концепция участия России в форуме АТЭС. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Становление. Развитие. Перспективы. (1987–2007). М.: Восток-Запад. 2009. С. 253–258.

[2] Дмитрий Медведев принял участие в Азиатском форуме Боао. http://www.kremlin.ru/transcripts/10944 (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[3] Шипилов С. Б. Цит. соч.

[4] Asia Pacific Economic Cooperation official web-site. About APEC. http://www.apec.org/About-Us/About-APEC.aspx (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[5] Bower Ernest Z. A New Paradigm for APEC? Center for Strategic and International Studies. http://csis.org/publication/new-paradigm-apec (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[6] 2011 Key APEC Documents. http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1237 (последнее посещение — 24 декабря 2011 г.).

[7] Там же.

[8] World Economics and Politics. 2007. Vol. 3. http://www.pecc.org/research/archives/ftaap (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[9] Ministry of Foreign Affairs of Japan official web-site. APEC. http://www.mofa.go.jp/policy/economy/apec/what.html (Последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[10] На саммите АТЭС 1994 г. в Индонезии, Богор, были провозглашены цели АТЭС — «создание зоны свободной торговли и инвестиций в АТР к 2010 г. для развитых и к 2020 г. для развивающихся стран».

[11] Гайко: сэйсё. 2009. http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2009/pdf/index.html (Последнее посещение — 22 декабря 2011 г.); Гайко: сэйсё. 2010. http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2010/pdf/index.html (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[12] Abiru Taisuke. Japan, Russia, and the Future of Nuclear Energy (2). http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2010/japan-russia-and-the-future-of-nuclear-energy-2 (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[13] Ministry of Foreign Affairs and Trade of the Republic of Korea. ROK-US Foreign Ministers' Meeting. http://www.mofat.go.kr/english/press/MinistryNews/20110421/1_17775.jsp (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

[14] Korea and Russia to expand exchanges between businesspeople. http://www.mofat.go.kr/english/press/pressrelease/index.jsp (последнее посещение — 22 декабря 2011 г.).

Татьяна Аничкина

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И *ЯДЕРНЫЙ ЗОНТИК* США

Американское расширенное ядерное сдерживание, или *ядерный зонтик*, — это гарантии, предоставленные Соединенными Штатами своим союзникам и партнерам в Европе и Азии, о защите последних от атаки с использованием ядерных или обычных вооружений с применением Вашингтоном национальных средств ядерного сдерживания.

Непосредственная цель расширенного ядерного сдерживания — как и традиционного сдерживания — состоит в том, чтобы убедить потенциального противника, что риски и потери, связанные с его предполагаемыми агрессивными действиями, намного превосходят те потенциальные выгоды, которых он надеется достичь. Дополнительная цель, присущая исключительно американскому расширенному ядерному сдерживанию, — за счет декларирования готовности применить ядерное оружие против тех, кто угрожает его союзникам и партнерам, Вашингтон снижает привлекательность для последних развития собственных военных ядерных программ.

Для достижения вышеуказанных целей США должны позаботиться о том, чтобы не только те, против кого направлено ядерное сдерживание, но и те, кто находится под его защитой, воспринимали американские гарантии всерьез. Это особенно актуально в свете взятого администрацией президента Барака Обамы курса на многостороннее ядерное разоружение и достижение мира, свободного от ядерного оружия, закрепленного в «Обзоре ядерной политики США» 2010 г. В данной статье предлагается анализ того, каким образом в данном контексте Вашингтон выстраивает отношения в области расширенного ядерного сдерживания со своими союзниками и потенциальными соперниками в Восточной Азии.

СПЕЦИФИКА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ *ЯДЕРНОГО ЗОНТИКА* В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Восточная Азия — не единственный регион, в отношении которого Вашингтон проводит политику расширенного ядерного сдерживания. Первым и наиболее развитым примером такого сотрудничества являются гарантии, данные США европейским странам — союзникам по НАТО. Однако политика *ядерного зонтика* Соединенных Штатов в Азии и Европе имеет ряд фундаментальных отличий, основанных на исторических предпосылках и определяющих специфику современной ситуации.

Во-первых, в Европе американское расширенное ядерное сдерживание вписано в структуру соглашения о взаимной коллективной обороне в рамках Североатлантического альянса (статья V Вашингтонского договора 1949 г.). Отсюда необходимость широкого политического консенсуса в рамках НАТО по вопросам, касающимся ядерного сдерживания и применения ядерного оружия. Другим следствием

такой организации *ядерного зонтика* является чрезвычайно широкий спектр предполагаемых угроз, против которых направлено расширенное ядерное сдерживание в данном регионе. По мнению отдельных экспертов, такие угрозы включают нападение или угрозу нападения с применением ядерного оружия (в том числе со стороны России или Ирана), атаки с использованием биологического или химического оружия массового поражения[1]. В Восточной Азии подобной многосторонней архитектуры с участием США никогда не создавалось — политика расширенного ядерного сдерживания в этом регионе строится исключительно на основе двусторонних соглашений США и отдельных государств.

Во-вторых, все страны — члены НАТО, за исключением Франции по политическим причинам[2], входят в Группу ядерного планирования, учрежденную в 1966 г. для более полной реализации принципа ядерного участия, или разделения ядерной ответственности. Группа является форумом, на котором страны–члены Североатлантического союза принимают участие в разработке ядерной политики и решений о построении ядерных сил НАТО, независимо от того, имеется ли у них ядерное оружие. В Восточной Азии не существует никаких формальных механизмов — за исключением консультационных — полноправного участия заинтересованных стран региона в процессе принятия решений о том, кого и каким образом должен сдерживать американский *ядерный зонтик*.

В-третьих, в отличие от восточноазиатского региона, Соединенные Штаты размещают часть своих нестратегических ядерных вооружений в Европе. Из примерно 760 тактических ядерных боеприпасов, имевшихся у Вашингтона на январь 2011 г., 200 бомб свободного падения *B61* были дислоцированы на шести базах ВВС США в пяти странах — членах НАТО: Бельгии, Германии, Италии, Нидерландах и Турции[3]. Ядерные вооружения Вашингтона в настоящее время не размещены ни в одной стране восточноазиатского региона, вместо этого они дислоцированы на базах на национальной территории США.

В-четвертых, принцип разделения ядерной ответственности в НАТО воплощен в так называемой системе двойного ключа, когда дислоцированные на европейской территории ядерные боеприпасы ВВС США в мирное время находятся под американским контролем, а в военное могут быть переданы союзным войскам для доставки к цели. Так, примерно половина арсенала вышеупомянутых ядерных бомб свободного падения *B61* предназначена для доставки к цели самолетами ВВС США (*F-15E* и *F-16*), в то время как вторая половина — самолетами двойного назначения *F-16* бельгийских, голландских и турецких ВВС, а также германскими и итальянскими *Торнадо*. В истории отношений Соединенных Штатов и их восточноазиатских партнеров никогда не рассматривался вопрос временной передачи американских ядерных вооружений под контроль союзников, даже в самых экстремальных обстоятельствах. Единственный арсенал тактического ядерного оружия США, дислоцированный на территории Южной Кореи с 1958 г., был выведен с территории этой страны при администрации Дж. Буша-старшего.

Все вышеперечисленные меры были разработаны в рамках НАТО не только для обеспечения эффективного сдерживания Советского Союза и Организации Варшавского договора, но и для того, чтобы вовлечь неядерные члены альянса в такое сдерживание, тем самым одновременно снимая их озабоченность его эффективностью и подавляя их мотивацию к приобретению собственного арсенала ядерного оружия. Так, нежелание через пару десятилетий после окончания Второй мировой войны видеть Германию в ряду государств, обладающих ядерным оружием, побудило США дать гарантии по расширенному ядерному сдерживанию европейским странам в рамках НАТО.

Подобным же образом в период холодной войны Тайвань, Южная Корея, Япония и Австралия предпринимали определенные шаги в направлении развития военных ядерных программ или рассматривали такую возможность на политическом уровне. Тайвань запустил свою исследовательскую программу в конце 1950-х гг. и приступил к этапу разработок в 1964 г., опасаясь ситуации, которая могла сло-

житься после проведения Китаем ядерных испытаний. После того, как президент США Ричард Никсон признал Тайвань частью Китая и восстановил дипломатические отношения между Вашингтоном и Пекином, Тайбэй ускорил развитие своей военной ядерной программы. Оказанное давление со стороны Соединенных Штатов заставило Тайвань вести дальнейшие разработки в режиме секретности, пока в 1988 г. по настоянию Вашингтона военная ядерная программа Тайваня не была окончательно закрыта.

На фоне участившихся вооруженных провокаций со стороны КНДР Южная Корея приступила к созданию собственного ядерного оружия в начале 1970-х гг., после того как Соединенные Штаты, без консультаций с Сеулом, вывели с территории республики часть своих подразделений, дислоцированных там после Корейской войны. Под угрозой полного вывода американских войск Южная Корея временно приостановила свои разработки и ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО). Однако работа над военной ядерной программой тайно продолжалась до тех пор, пока Сеул не убедился, что ослабевший Пхеньян не представляет для него экзистенциальной угрозы.

Исторически Австралия всегда полагалась на западные ядерные державы (сначала Великобританию, затем Соединенные Штаты) в вопросе защиты от нападения с применением ядерного оружия. Однако, несмотря на географическую удаленность и защищенность протяженными водными пространствами, после проведения Китаем ядерных испытаний в 1964 г. Австралия больше не чувствовала себя в безопасности. Дискуссии о необходимости создания запасов оружейного плутония, ведущиеся с 1950-х гг., приобрели практическую направленность в период премьерства Дж. Гортона, который инициировал программу по накоплению плутония и обогащенного урана. Однако не получив общественной поддержки, эта инициатива была свернута после ухода Дж. Гортона с поста премьер-министра в 1971 г.

Япония, при всей непосредственной близости и традиционно непростых отношениях с главными нарушителями спокойствия в регионе — Китаем и Северной Кореей — вследствие своего исторического опыта наименее склонна экспериментировать со своим статусом неядерного в военном отношении государства. Однако и в Токио в условиях меняющейся ситуации в сфере региональной безопасности определенные политические силы выносят вопрос о национальной программе ядерных вооружений на обсуждение общественности. Одним их первых поводов тому послужили ядерные испытания Китая и переговоры о заключении ДНЯО. Проведенное исследование показало, что собственная военная программа досталась бы слишком дорогой ценой как в экономическом, так и в политическом плане. В последующем возобновление подобной дискуссии было вызвано в 1970 г. принятием США так называемой доктрины Никсона, в конце 1970-х гг. — перспективой развертывания советских ядерных вооружений средней дальности в Азии, а в 1990-х гг. — окончанием холодной войны. Все эти дискуссии завершились так же, как и первая — подтверждением неядерного статуса Японии и ее опоры на американское расширенное ядерное сдерживание в отношении обеспечения своей национальной безопасности.

Таким образом, можно говорить об общих целях, но различных региональных моделях обеспечения Соединенными Штатами расширенного ядерного сдерживания для их союзников и партнеров: европейской/натовской и восточноазиатской (Австралию можно рассматривать как внутри данной модели, так и вынести в отдельную категорию). При этом некоторые эксперты считают возможным появление третьей, ближневосточной модели, в которую войдут соседи Ирана по региону: Ирак, Египет и страны Персидского залива. Однако архитектура такой модели остается неясной: неизвестно, какова будет роль Израиля и Турции, на сдерживание каких угроз помимо иранской ядерной программы она будет направлена, насколько она будет эффективна в отношении ограничения стремления государств региона (прежде всего Египта и Саудовской Аравии) к развитию собствен-

ных военных ядерных программ, насколько общая военно-политическая ситуация в регионе позволит развернуть там американский *ядерный зонтик*.

Вышеуказанные модели различаются по спектру угроз, которым они противостоят; кругу потенциальных стран-противников, обладающим ядерным оружием; месту дислокации и виду американских вооруженных сил, участвующих в обеспечении расширенного ядерного сдерживания; уровню участия в таком сдерживании союзнических и партнерских государств.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ БАЗА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ *ЯДЕРНОГО ЗОНТИКА* В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Как уже упоминалось, правовой базой обеспечения США расширенного ядерного сдерживания в отношении стран Восточной Азии выступают двусторонние соглашения между Вашингтоном и правительствами Японии, Южной Кореи, Австралии и Тайваня.

Япония

Двусторонние отношения Вашингтона и Токио в военно-политической сфере опираются на подписанный в 1951 г. в Сан-Франциско Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, который был пересмотрен и продлен в 1961 г., а затем еще раз в 1971 г. Этот договор не имеет оговоренного срока действия и ежегодно автоматически продлевается. Он предусматривает оказание Соединенными Штатами помощи Японии в случае возникновения угрозы миру и стабильности в восточноазиатском регионе. Одновременно было подписано Соглашение о средствах обслуживания, территории и статусе вооруженных сил США в Японии.

Несмотря на отсутствие до 2011 г. официальных каналов двусторонних консультаций по вопросам расширенного ядерного сдерживания, и Соединенные Штаты, и Япония регулярно демонстрировали свою приверженность неформальной договоренности. Так, в последнем совместном заявлении японо-американского Консультативного комитета по вопросам безопасности (в который входят министры иностранных дел и обороны обеих стран) от 21 июня 2011 г. говорится: «Правительство Соединенных Штатов подтверждает взятые на себя обязательства по обороне Японии и поддержанию мира и безопасности в регионе всеми имеющимися в его распоряжении военными средствами как ядерными, так и конвенциональными»[4]. На той же встрече Консультативного комитета было принято решение об «учреждении двустороннего диалога по расширенному сдерживанию на регулярной основе в качестве консультативного механизма для выявления наиболее эффективных путей, включая применение ядерных вооружений, укрепления региональной безопасности на ближне- и среднесрочную перспективу»[5].

Положение о роли *ядерного зонтика* США повторяется с незначительными вариациями в каждой стратегии в области национальной безопасности и обороны Японии, начиная с самой первой, принятой в 1976 г. Так, в действующей военной стратегии Японии «Основные направления национальной оборонной программы», которая была обнародована в декабре 2010 г., указывается, что «пока существует ядерное оружие, американское расширенное сдерживание, ключевым элементом которого является ядерное сдерживание, останется совершенно необходимым»[6].

Южная Корея

Отношения США и Южной Кореи в области военной безопасности, включающие вопросы расширенного ядерного сдерживания, базируются на двустороннем Договоре о взаимной обороне (Mutual Defense Treaty between the Republic of Korea and the United States of America), который был заключен в октябре 1953 г.

Обязательства Соединенных Штатов по поддержанию безопасности на Корейском полуострове получают регулярное подтверждение со стороны Вашингтона на ежегодной американо-южнокорейской консультативной встрече по безопасности. В октябре 2011 г. состоялась 43-я такая встреча, и коммюнике по ее итогам гласило: «Министр обороны США Л. Панетта подтверждает, что Соединенные Штаты продолжают быть привержены обеспечению и укреплению расширенного сдерживания в отношении Республики Корея, используя полный спектр своих возможностей, от американского *ядерного зонтика* до нанесения удара силами обычного назначения и средств ПРО»[7].

Кроме того на этой же встрече министры обороны двух стран решили развивать Комитет по политике обеспечения расширенного ядерного сдерживания, который был учрежден в 2010 г. и который служит механизмом сотрудничества в целях повышения эффективности расширенного сдерживания взамен устаревшей практики спорадических, вызванных отдельными кризисами в восточноазиатском регионе консультаций между Вашингтоном и Сеулом по проблемам американского *ядерного зонтика*. Для этого министры обороны одобрили многолетний план работы Комитета, и постановили разработать двустороннюю стратегию сдерживания, включающую такие мероприятия, как совместные кабинетные учения для повышения эффективности инструментов сдерживания против применения оружия массового уничтожения и ядерного оружия Северной Кореей.

Австралия

Австралия, как уже упоминалось, может рассматриваться как часть архитектуры американского расширенного ядерного сдерживания в Восточной Азии[8] либо как отдельная модель такого сдерживания с оригинальными характеристиками[9].

Первое отличие состоит в том, что Австралия является частью *ядерного зонтика* США в соответствии с трехсторонним Договором безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), который был подписан в Сан-Франциско 1 сентября 1951 г. и вступил в силу 29 апреля 1952 г.

Однако с 1986 г., вследствие американо-новозеландского конфликта из-за отказа Новой Зеландии допускать в свои порты американские боевые корабли с ядерным оружием на борту, администрация США отказалась продолжать с ней военное сотрудничество. Хотя впоследствии конфликт утратил остроту, в работе АНЗЮС Новая Зеландия больше не участвует. Блок трансформировался в две подсистемы двустороннего сотрудничества — США с Австралией и Австралии с Новой Зеландией.

Второе отличие. Как показано выше, Соединенные Штаты часто предоставляют Японии и Южной Корее подтверждение своих обязательств в отношении расширенного ядерного сдерживания. Однако нет никаких документальных свидетельств подобного публичного официального подтверждения прикрытия Австралии американским *ядерным зонтиком*, кроме никем не опровергнутого допущения, что такое обязательство со стороны США имеет место.

Это допущение в основном опирается на стратегические документы Канберры, в которых договоренность о расширенном ядерном сдерживании между США и Австралией предстает как данность. Впервые официальное заявление со стороны Австралии, что такая договоренность существует, встречается в Белой книге австралийского министерства обороны за 1994 г.: «Правительство [Австралии — *Т.А.*] не признает постоянного характера ядерного сдерживания. Это временная мера на тот период, пока не будет достигнут полный запрет на ядерное оружие, сопровождаемый эффективным механизмом верификации. Хотя трудно представить обстоятельства в этот период, при которых Австралии может грозить нападение с использованием ядерного оружия, мы не можем отрицать такую вероятность. Мы будем продолжать полагаться на американское расширенное

ядерное сдерживание в отношении его способности сдержать любую угрозу нападения или само нападение на Австралию с применением ядерного оружия»[10].

В последней Белой книге министерства обороны Австралии читаем: «пока существует ядерное оружие мы [Австралия — *Т. А.*] можем рассчитывать на ядерные силы Соединенных Штатов в отношении сдерживания ядерной атаки на Австралию»[11].

Тайвань

Официально Соединенные Штаты не подписывали с Тайванем соглашений о безопасности или военном сотрудничестве. Однако в 1979 г. американский Конгресс одобрил Закон об отношениях США с Тайванем, согласно которому Вашингтон обязался продолжать оказание помощи Тайбэю в интересах повышения обороноспособности последнего. По сути, хотя и не формально, этот закон предусматривает предоставление Тайваню неофициальных американских гарантий на случай возникновения конфликта между Тайванем и Китаем.

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА США СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ПОЛИТИКЕ РАСШИРЕННОГО ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ США

Единственным примером физического присутствия американского ядерного оружия на территории восточноазиатской страны-союзника США было развертывание тактических ядерных вооружений на территории Южной Кореи в 1958 г. в рамках стратегии *массированного возмездия* президента Дуайта Эйзенхауэра. В течение десятилетий Вашингтон наращивал там свой ядерный арсенал, который на пике развертывания достигал 950 боезарядов.

Американское ядерное оружие находились в Южной Корее в течение 33 лет до его полного вывода на национальную территорию США в декабре 1991 г. Это произошло в рамках принятого Джорджем Бушем-старшим решения по возвращению из-за рубежа всех тактических ядерных вооружений, за исключением нескольких сотен ядерных бомб, размещенных в странах НАТО. (Это решение и ответные меры, предпринятые президентом Советского Союза М. Горбачевым и поддержанные президентом России Б. Ельциным, вошли в историю под названием Президентских ядерных инициатив).

Тактическое ядерное оружие было выведено из Южной Кореи, так как Вашингтон решил, что в нем больше нет необходимости для обеспечения гарантий безопасности, данных Сеулу, и что эта мера будет способствовать реализации подписанной в 1992 г. совместной декларации о денуклеаризации Корейского полуострова, по которой обе Кореи согласились не испытывать, не производить, не обладать, не получать, не хранить, не развертывать и не применять ядерное оружие. Причиной тому была очевидная попытка убедить Северную Корею отказаться от развития военной ядерной программы, так как Пхеньян оправдывал свою деятельность в этом направлении наличием в регионе американской ядерной угрозы.

В рамках той же инициативы ВМС США изъяли все ядерные боеприпасы с подводных лодок и надводных кораблей, за исключением ядерных боеголовок баллистических ракет *Трайдент* на американских ПЛАРБ. Были изъяты в том числе ядерные крылатые ракеты морского базирования, которые относились к классу ядерных вооружений театра военных действий.

Таким образом, с начала 1990-х гг. расширенное ядерное сдерживание в отношении стран Восточной Азии обеспечивалось американскими стратегическими ядерными силами, развернутыми либо на территории Соединенных Штатов, либо на борту подводных лодок с баллистическими ракетами. В обеспечении такого

сдерживания участвуют все три компонента ядерной триады США: наземный, воздушный и морской.

Необходимо отметить, что с точки зрения американских союзников и партнеров, американские МБР шахтного базирования представляют собой наименее убедительное — и следовательно, наименее эффективное — средство расширенного ядерного сдерживания, в том числе и потому, что для Вашингтона их применение означает повышение риска нанесения ответного удара непосредственно по территории США. В отличие от наземных МБР, ПЛАРБ в ядерном оснащении могут быть развернуты непосредственно в зоне кризиса. Однако наиболее предпочтительным вариантом для союзников выступают стратегические бомбардировщики передового базирования, которые являются одновременно и наиболее гибким инструментом, и наиболее видимым свидетельством американских обязательств.

Начиная с 2003 г. на базе ВВС США Андерсен на острове Гуам (имеющем статус организованной неприсоединившейся территории Соединенных Штатов) возобновлена дислокация на ротационной основе американских стратегических бомбардировщиков *B-2* и *B-52*, вооруженных конвенциональными крылатыми ракетами *AGM-86C/D.* Тактические ядерные вооружения на острове не размещаются с 1991 г.

Физическое военное присутствие США в регионе осуществляется за счет дислокации там конвенциональных сил. На территории Японии находятся семь крупных американских военных баз: три из них принадлежат ВМС США (в Йокосуке, Атсуги и Сасебо), две — ВВС США (в Юкоте и Мисаве), одна — армии (Кэмп Зама) и одна — морской пехоте (Ивакуни). База ВВС в Юкоте на острове Хонсю служит штаб-квартирой ВС США в Японии. Всего на 85 базах и военных объектах, расположенных на островах Хонсю, Кюсю и Окинава, дислоцировано 38 тыс. американских военнослужащих, и еще 11 тыс. служат на судах, составляющих морской компонент ВС США в Японии[12]. Токио, со своей стороны, покрывает 70% затрат на содержание американского военного контингента на японской территории.

Еще одним свидетельством американского присутствия в регионе являются 28,5 тыс. американских военнослужащих, дислоцированных в настоящее время на территории Южной Кореи: из них 19,8 тыс. военнослужащих сухопутных войск США, 8,8 тыс. — ВВС США, 274 — ВМС США и 242 морских пехотинцеа[13].

После северокорейских ядерных испытаний в 2006 и 2009 гг., и особенно после затопления южнокорейского корвета Чхонан, обстрела острова Ёнпхёндо и обнаружения в Северной Корее секретных мощностей по обогащению урана в 2010 г., в Южной Корее на уровне политиков и экспертов раздаются призывы вернуть американское ядерное оружие на ее территорию[14] в качестве символа приверженности Вашингтона политике расширенного ядерного сдерживания в регионе.

Противники идеи возвращения ядерного оружия в Южную Корею указывают на то, что баз ВС США в Японии и находящихся на военном дежурстве в водах Тихого и Индийского океанов американских подводных лодок с ядерными ракетами на борту достаточно для реализации гарантий безопасности Соединенных Штатов[15]. Кроме того, такое возвращение может негативно сказаться на шестисторонем переговорном процессе и подтолкнуть Северную Корею к дальнейшему развитию военной ядерной программы.

В планы военно-политического руководства США, очевидно, не входит повторная дислокация тактического ядерного оружия на территории Южной Кореи. Согласно Обзору ядерной политики 2010 г., крылатые ракеты морского базирования *Томагавк* (*TLAM-N*) будут выведены из эксплуатации к 2013 г. Соответственно, Вашингтон лишится возможности их развертывания на подлодках и кораблях в Тихом океане для демонстрации физического присутствия этого элемента расширенного ядерного сдерживания.

ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКИ *ЯДЕРНОГО ЗОНТИКА* США В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Отсутствие — по сравнению с Европой — механизма *ядерного участия* и развернутой инфраструктуры обеспечения американской политики *ядерного зонтика* в Восточной Азии определяется спецификой задач расширенного ядерного сдерживания США и общей военно-политической обстановкой в регионе. По мнению профессора Университета Джорджтауна Виктора Ча, обязательства Вашингтона по отношению к восточноазиатским государствам — в отличие от стран — членов НАТО — всегда будут носить ограниченный характер, поскольку Соединенные Штаты не хотят «предоставлять лидерам [этих государств] карт-бланш или внушить им веру в то, что они не просто находятся под защитой *ядерного зонтика*, но располагают средством ядерного наступления, используя которое они могут загнать США в угол»[16].

Очевидно, что в представлении стран Восточной Азии, находящихся под защитой американского *ядерного зонтика*, основной угрозой их безопасности еще со времен холодной войны остаются Китай и Северная Корея. Экономический рост, наблюдавшийся в Китае с 1980-х гг., последние десять лет сопровождается одновременным наращиванием конвенциональной военной мощи и модернизацией ядерного арсенала, что не может не беспокоить его соседей, особенно на фоне спекуляций про перенапряжение сил США и их относительном ослаблении.

Беспокойства восточноазиатским партнерам США добавляют и американские концептуальные разработки. Помимо снятия с вооружения КРПЛ *Томагавк,* Обзор ядерной политики США 2010 г., в соответствии с заявленной Обамой целью продвижения к безъядерному миру, предусматривает создание условий, «при которых было бы целесообразно осуществить переход к политике, в рамках которой ядерное сдерживание будет единственной задачей ядерного арсенала США»[17]. Кроме того, этот документ трансформирует режим так называемых негативных гарантий США, указывая, что Соединенные Штаты не будут использовать ядерное оружие — даже в случае атаки на них или их союзников с применением химического или биологического оружия — против неядерного государства, которое выполняет свои обязательства по ДНЯО. Естественно, что это положение в определенной степени подрывает доверие стран восточноазиатского региона — как союзников, так и потенциальных противников — к надежности американского *ядерного зонтика*.

Тем не менее, представляется, что Япония, Южная Корея, Тайвань и Австралия в условиях отсутствия реальной альтернативы расширенному ядерному сдерживанию США, не будут предпринимать в обозримом будущем радикальных шагов. С одной стороны, они не откажутся от американского *ядерного зонтика* в пользу собственных военных ядерных программ. И не в последней степени потому, что Токио и Канберра выступают одними из лидеров движения за мир, свободный от ядерного оружия, а Сеул стремится поддерживать имидж страны, приверженной принципам ядерного разоружения, что он подтвердил, подписав в феврале 1992 г. совместную декларацию о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной.

С другой стороны, при всей своей озабоченности военно-политической обстановкой в регионе, страны, находящиеся под защитой американского *ядерного зонтика*, вряд ли станут требовать от Соединенных Штатов бóльших по объему гарантий, чем те, что Вашингтон может им предложить. Несмотря на то, что в регионе за последние шесть десятилетий произошли значительные перемены, это не изменило радикально американскую политику расширенного ядерного сдерживания и не ухудшило положение стран, в нее включенных. Негативные гарантии безопасности США по определению не распространяются на Китай и Северную Корею: первый является официально признанным ядерным государством, а вторая не выполняет свои обязательства по ДНЯО после выхода из него в 2003 г. и испытания ядерных взрывных устройств. Кроме того, Седьмой оперативный флот США по-прежнему остается самым сильным в регионе; Китай связан со странами-соседями и Соединенными Штатами тесными торгово-экономическими отношениями и не заинтересован

в обострении ситуации; а силы обычного назначения Северной Кореи хотя и многочисленны (по различным оценкам, до 1,2 млн человек), но далеко не так эффективны, как армия Южной Кореи и тем более вооруженные силы США.

Так же как настоящее политики *ядерного зонтика* США в Восточной Азии во многом определяется Обзором ядерной политики 2010 г. и дебатами вокруг него, на перспективы расширенного ядерного сдерживания США в Восточной Азии, на наш взгляд, будут оказывать влияние два фактора. *Во-первых*, сокращения военного бюджета США минимум на 487 млрд долл. в течение следующих 10 лет. При этом США не планируют сокращать контингент своих вооруженных сил в Южной Корее, несмотря на серьезные проблемы с бюджетными ассигнованиями[18]. *Во-вторых,* и это объясняет предыдущий пункт, в январе 2012 г. был опубликован стратегический военный обзор *«Сохраняя глобальное лидерство: приоритеты обороны XXI в.»*. Одним из основных положений этого Обзора стало перенесение фокуса американской политики в области обороны и безопасности на АТР: «Мы [США — *Т.А*] по необходимости должны перераспределить наши ресурсы в пользу АТР. Наши отношения с союзниками и ключевыми партнерами в Азии жизненно важны для будущей стабильности и развития региона»[19].

* * *

Очевидно, что архитектура американского расширенного ядерного сдерживания в Восточной Азии в ближайшей перспективе не претерпит значительных изменений, даже если на смену демократической администрации в Белом доме придет республиканская. Однако Вашингтону придется так или иначе реагировать на озабоченности, имеющиеся у союзников и партнеров США в регионе, и на выдвигаемые ими в связи с этим предложения.

Учитывая, что Обзор ядерной политики США 2010 г. в определенной степени спровоцировал усиление такой озабоченности, Вашингтон пошел на беспрецедентный шаг — создал двусторонние консультативные комитеты по вопросам расширенного сдерживания: с Южной Кореей в 2010 г. и Японией в 2011 г. Страны региона хотят большего: в частности, японские эксперты выдвигают предложение перейти от расширенного сдерживания к региональному сдерживанию по примеру НАТО[20].

В первую очередь исторические особенности системы межгосударственных отношений и безопасности в регионе Восточной Азии, а также заявленный Вашингтоном курс на создание мира, свободного от ядерного оружия, и финансовое самоограничение, на которое придется пойти Министерству обороны США в ближайшие годы, воспрепятствуют реализации в полном объеме предложений восточноазиатских союзников Соединенных Штатов.

Что же касается снятия противоречий между проведением действенной политики *ядерного зонтика*, одинаково убедительной для союзников и потенциальных противников, и курсом Соединенных Штатов на многостороннее ядерное разоружение и уменьшение роли ядерного оружия в стратегическом военном планировании, то эту дилемму можно разрешить лишь за счет эффективного урегулирования застарелых проблем региона: денуклеаризации Корейского полуострова, институализации стратегического диалога между Вашингтоном и Пекином. Между тем, Белый дом мог бы рассмотреть возможность установления официальных двусторонних каналов вовлечения правительств Японии, Южной Кореи и Австралии в процесс принятия решений по вопросам расширенного ядерного сдерживания.

Примечания

[1] Are the Requirements for Extended Deterrence Changing? Panel discussion at the 2009 Carnegie International Nonproliferation Conference: The Nuclear Order — Build or Break. 2009, 6 April 2009. http://www.carnegieendowment.org/files/npc_extended_deterrence4.pdf (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[2] Несмотря на том, что в 2009 г. Франция официально вернулась в военные командные структуры НАТО (решение о выходе из которых было принято Шарлем де Голлем в 1966 г. в знак протеста против американского доминирования в Альянсе и ради сохранения независимости в том, что касается национальной ядерной политики и строительства вооруженных сил), Париж не принимает участия в работе Группы ядерного планирования НАТО.

[3] Kyle S., Fedchenko V., Gopalaswamy B., Kristensen H. World Nuclear Forces. SIPRI Yearbook 2011: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 327.

[4] Toward a Deeper and Broader U.S.-Japan Alliance: Building on 50 Years of Partnership. Joint Statement of the US-Japan Security Consultative Committee. 2011, June 21; http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166597.htm (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[5] Ibid.

[6] Government of Japan. National Defense Program Guidelines for FY 2011 and Beyond. P. 2; http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[7] Joint Communiqué of the 43-rd U.S. ROK Security Consultative Meeting. *The Korea Herald*. http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20111028000544 (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[8] См. Bush R. The U.S. Policy of Extended Deterrence in East Asia: History, Current Views, and Implications. Washington: Brookings Institute, 2011.

[9] См. Tanter R. Rethinking Extended Nuclear Deterrence in the Defence of Australia. http://www.japanfocus.org/-Richard-Tanter/3269 (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[10] Defending Australia: Defence White Paper, 1994. Canberra: Australian Govt. Pub. Service, 1994. P. 96.

[11] Defending Australia in the Asia-Pacific Century: Force 2030. Defence White Paper 2009, Department of Defence of Australia. P. 50. http://www.defence.gov.au/whitepaper/docs/defence_white_paper_2009.pdf (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[12] U.S. Forces Japan. Official Military Website. http://www.usfj.mil/(последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[13] U.S. Forces Korea. Official Military Website. http://www.usfk.mil/(последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[14] South Korea considers return of US tactical nuclear weapons. The Guardian. http://www.guardian.co.uk/world/2010/nov/22/south-korea-us-tactical-weapons-nuclear; Korea Talks Tactical Nukes. The Diplomat. http://the-diplomat.com/new-leaders-forum/2011/07/08/seoul-talks-tactical-nukes/.

[15] USFK Commander Says No to US Nukes in Korea. The Korea Times. http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2011/06/116_89257.html; US Plans No Nuclear Weapons in South Korea. The Wall Street Journal. http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703559604576175850974387900.html.

[16] U.S. Extended Deterrence in East Asia. Proceedings. Brookings Institute. P. 11. http://www.brookings.edu/~/media/Files/events/2011/0224_extended%20_deterrence/20110224_extended_deterrence.pdf (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[17] U.S. Department of Defense. Nuclear Posture Review Report, April 2010. P. 48.

[18] Panetta Says North Korea Remains a 'Serious Threat'. The New York Times. http://www.nytimes.com/2011/10/27/world/asia/leon-panetta-lands-in-south-korea-for-talks.html (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[19] Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense, January 2012. U.S. Department of Defense. P. 2. http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (последнее посещение — 28 марта 2012 г.).

[20] Ishikawa T. The Japan-U.S. Alliance Facing the Age of Nuclear Disarmament: From «Extended Deterrence» to «Regional Deterrence». In: The New Nuclear Agenda: Prospects for U.S.-Japan Cooperation. Ed. by Yuki Tatsumi. Washington D.C.: Stimson Center, 2012. P. 23–40.

Маргарита Клочкова

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И УКРАИНЫ В АТОМНОЙ СФЕРЕ

Производственная структура, сложившаяся за годы существования Советского Союза, была организована на основе системы отраслевого и территориального разделения труда и кооперирования. Предприятия ядерного топливного цикла (ЯТЦ), воспроизводящие отдельные стадии его производства (от добычи урана до захоронения радиоактивных отходов) и сопутствующие производства были территориально разнесены и располагались как на территории России, так и на территории других республик Советского Союза, в том числе Украины.

С распадом СССР возникла необходимость заново выстраивать линии сотрудничества, но уже на рыночных условиях с учетом существующих политических реалий.

В данной статье я обращусь к вопросу о том, насколько эффективно сейчас взаимодействие между Россией и Украиной в атомной энергетике, реализуются ли предпосылки, оставшиеся после распада СССР, а также рассмотрю перспективы такого взаимодействия.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ТЭК РОССИИ И УКРАИНЫ

Атомная энергетика ***Украины*** обеспечивает более 50% электричества, производимого в стране[1]. В период 2005–2009 гг. произошел очевидный рост доли потребления атомной энергии[2]. Несмотря на то, что общее потребление энергии снизилось, выработка атомной энергии осталась примерно на том же уровне, что и в 2007 г., а, сокращение потребления произошло за счет других источников энергии. В то же время стабильный рост доли атомной энергии, наблюдаемый в 2005–2008 гг., связан с запуском в 2004 г. в эксплуатацию энергоблока № 2 Хмельницкой АЭС и энергоблока № 4 Ровенской АЭС[3].

Украина импортирует 80% потребляемых энергоресурсов, большую часть которых составляет природный газ. Чтобы обеспечить энергетическую безопасность страны, в интересах Украины диверсифицировать поставки энергоресурсов. В краткосрочной перспективе это может быть обеспечено путем расширения географии числа стран — поставщиков энергоресурсов, в средне- и долгосрочной перспективе это может быть достигнуто путем диверсификации самих источников энергии.

Диверсификация (в случае Украины — снижение зависимости от природного газа) возможна как путем увеличения доли нефти и угля в общей структуре энергопотребления, так и за счет развития атомной энергетики. Так как диверсификация источников энергии возможна только в средне- и долгосрочной перспективе и требует больших финансовых затрат, необходимо убедиться, что энергетическая система Украины после принятия этих мер будет устойчива к влиянию внешних, в том числе экономических, факторов. В 2005–2009 гг. происходило уменьшение доли газа в структуре энергопотребления, в то время как доли нефти, угля и атосной энергетики возрастали[4].

В результате экономического кризиса резко возросли цены на углеводородное сырье. В 2008 г. цена на газ возросла почти в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2007 г.; цена на нефть поднялась до 140 долл. за баррель, тогда как в 2007 г. она не превышала отметку в 75 долл. за баррель[5]. Учитывая зависимость Украины от импортируемых энергоресурсов, такое изменение цен на рынке энергоресурсов не могло не сказаться на структуре энергопотребления. Как видно из графика 2, доля газа значительно снизилась по сравнению с докризисным периодом, тогда как доли других источников в энергобалансе возросли. Фактическое потребление угля и нефти возросло незначительно, в то время как потребление газа сократилось почти в 1,5 раза[6]. Кроме того, в январе 2009 г. поставка газа на Украину из России была временно прекращена в связи с истечением срока контракта и непогашенной задолженностью за 2008 г.[7]

Таким образом, структура энергопотребления Украины находится в зависимости от колебания цен на ресурсы и внешнего политического и экономического климата, и чтобы обеспечить энергетическую безопасность страны, Украине необходимо создавать структуру, устойчивую к внешним факторам, но адаптируемую к сезонным колебаниям потребности в энергии. При этом гибкость производства электроэнергии может быть обеспечена, в том числе, за счет развитой газовой энергетики, а устойчивость к внешним экономическим факторам может быть достигнута посредством увеличения доли атомной энергии в общей структуре энергопроизводства страны, поскольку цены на ядерное топливо не подвержены сильным колебаниям на рынке[8].

Задавая вектор развития своей энергетики, Украина должна ориентироваться и на то, как выбор основного источника энергии повлияет на возможности страны зарабатывать и развивать производство за счет продажи квот на выбросы углекислого газа. Став участницей Киотского протокола, Украина обязалась в 2008–2012 гг. сохранять выбросы в атмосферу на уровне 1990 г.[9] В 1990 г. объем выбросов CO_2 в атмосферу на Украине составил 923,84 млн т, в 2008 г. (до наступления экономического кризиса) около 427 млн т[10]. Таким образом, Украина владеет вторым в мире после России потенциалом свободных квот[11] и уже в 2008 г. могла выставить на рынок около 500 млн т CO_2. В настоящее время в стране на стадии реализации находятся 44 проекта, которые до конца 2012 г. позволят сократить выбросы в общей сложности еще на 55 млн т[12]. В 2009 г. Украина продала 30 млн т CO_2 Японии и около 3 млн т Испании[13], и, несмотря на принцип неразглашения стоимости квот, по оценкам Всемирного банка, в 2009–2012 гг. благодаря Киотскому протоколу страна может получить до 15–17 млрд долл.[14] на модернизацию производства и внедрение энергосберегающих технологий. Чтобы сохранить возможность торговли квотами, Украина заинтересована идти по тому пути развития энергетики, который не приведет к серьезному сокращению количества свободных квот. Это условие существенно ограничивает Украину в выборе своей энергетической стратегии, оставляя в качестве возможных альтернатив гидро-, ветро- и атомную энергетику, как энергопроизводства, не сопровождаемые выбросами CO_2 в атмосферу.

Ветроэнергетика на Украине обеспечивает преимущественно фермерское хозяйство, базы отдыха, удаленные от энергосети, и нужды частных лиц, желающих застраховаться от перебоев в электроснабжении. Как правило, это одна–две установки мощностью 1–2 кВт. Такая выработка электричества нестабильна и зависит от погодных условий; для обеспечения бесперебойного электроснабжения хозяйства часто требуется дополнительный бензиновый генератор и/или фотоэлектробатарея[15]. *Гидроэнергетика*, в свою очередь, обеспечивает 0,4% энергопотребления Украины[16], она стабильна и не сопровождается выбросами CO_2 в атмосферу. Это перспективное направление развития энергетики, однако оно естественным образом ограничено пределом гидропотенциала рек страны. Таким образом, ни ветро-, ни гидроэнергетика, притом что они вносят вклад в диверсификацию источников энергии, в перспективе не способны полностью удовлетворить растущую потребность Украины в электроэнергии.

Что касается *атомной энергетики*, согласно положениям Энергетической стратегии Украины до 2030 г., ее выработка должна быть увеличена в 2,5 раза, а суммарная установленная мощность атомных энергоблоков — с 13,8 до 29,5 ГВт[17]. «[Д]ля достижения целей стратегии по объему производства электроэнергии необходимо до 2030 г. ввести в эксплуатацию 20–21 ГВт замещающих и дополнительных мощностей»[18]. Таким образом, с учетом предполагаемого уровня установленной мощности новых энергоблоков АЭС, равного 1000–1500 МВт, до 2030 г. Украина должна построить не менее 14 энергоблоков.

После распада Советского Союза на территории независимой Украины остался харьковский Турбоатом — завод по производству тихоходных турбин для АЭС, три четверти акций которого принадлежат государству[19]. Известные урановые месторождения Украины оцениваются в 200 тыс. т урана[20]; крупнейшее из них — Новоконстантиновское. Эксплуатационные запасы этого месторождения урановых руд составляют около 100 тыс. т природного урана[21].

На данный момент атомная отрасль Украины представляет собой 15 действующих атомных энергоблоков (13 *ВВЭР-1000* и 2 *ВВЭР-440*) с общей установленной мощностью 13 835 МВт[22], 21 месторождение урановых руд, два завода по первичной переработке урановой руды, четыре научно-технических центра, одно разрабатываемое месторождение циркония и одно циркониевое производство[23].

Событие, произошедшее в Японии после природного катаклизма 11 марта 2011 г. — выход из строя системы охлаждения АЭС *Фукусима-1* — оказало сильное влияние на планы Украины по развитию атомной энергетики. В конце марта 2011 г. премьер-министр Украины Н. Я. Азаров заявил, что, как и многие страны мира, Украина будет «делать свои выводы из техногенной катастрофы в Японии», и Энергетическая стратегия будет пересмотрена. По словам премьер-министра, Украина намерена уделять теперь «намного больше внимания альтернативным источникам энергии, экономии нефти и газа и энергосберегающим технологиям»[24].

Как качественно изменятся планы Украины в отношении развития атомной энергетики в связи с событиями в Японии, предсказать сложно. При самом оптимистичном сценарии темпы и масштаб развития, заложенные в действующей стратегии, сохранятся. Однако данный сценарий при возросшей общей настороженности к атомной энергетике и наличии оппозиции, выступающей против развития этого вида энергопроизводства и за денонсацию уже существующего межправительственного соглашения между Украиной и Россией на строительство энергоблоков № 3 и № 4 Хмельницкой АЭС[25], может не реализоваться.

Опираясь на анализ условий развития энергетики Украины, можно с уверенностью утверждать, что в интересах Украины — продолжать развивать атомную энергетику. С учетом того факта, что в настоящее время «Украина не имеет дру-

гих безопасных энергоресурсов в достаточном объеме»[26], страна будет искать «должный баланс между ядерной энергетикой, которая обеспечивает развитие, и экологической безопасностью»[27], и, несмотря на катастрофу, произошедшую на японской АЭС *Фукусима-1* и влияние, которое эта катастрофа оказала на отношение к атомной энергетике во всем мире, Украина будет продолжать развивать атомную энергетику. Однако очевидно, что темпы и масштабы этого развития будут скромнее заложенных в действующей Энергетической стратегии до 2030 г.

Чтобы обеспечить свои энергоблоки топливом, Украина намерена построить на своей территории предприятие по производству ядерного топлива. Этот проект, однако, не замещает контракта о поставках топлива, заключенного с Россией, и контракта, заключенного украинской стороной с компанией *Westinghouse*, в рамках которого уже начата опытно-промышленная эксплуатация — ввезена первая партия ТВС для энергоблока № 3 Южно-Украинской АЭС, а до конца 2011 г. ожидается поставка еще двух партий топлива для энергоблока № 2 Южно-Украинской АЭС и энергоблока № 5 Запорожской АЭС[28, 29].

Для обеспечения растущих потребностей в уране Украина также намерена увеличить добычу урана и построить дополнительные мощности по первичной переработке и обогащению урановой руды. В октябре 2010 г. Кабинет министров Украины объявил о намерении выделить 250 млн долл. на строительство нового завода по переработке урана на базе Новоконстантиновского месторождения, крупнейшего в Европе[30].

Вопрос безопасности вновь строящихся и уже действующих АЭС останется приоритетным. На повышение безопасности атомных энергоблоков до 2017 г. Украина планирует потратить около 1,5 млрд долл.[31] Также приоритетным для Украины будет оставаться решение вопроса, связанного с переработкой и хранением отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) и обращением с радиоактивными отходами (РАО). На данный момент процесс обращения с ОЯТ замыкается на площадках АЭС, во временных бассейнах выдержки при атомных реакторах.

Таким образом, Украина планирует создать на своей территории полный ядерный топливный цикл. При этом Украина не намеревается воссоздавать этап обогащения урана[32]. Обеспечивать потребность страны в обогащенном уране Украина намерена через партнерство в Международном центре по обогащению урана, созданном на базе Ангарского электролизного химического комбината (Россия).

Что же касается ***России***, то с распадом СССР она унаследовала 70% мощностей АЭС и все основные компоненты ядерного оружейного комплекса[33]. На сегодняшний день на 10 действующих АЭС России эксплуатируется 32 энергоблока установленной мощностью 24 242 МВт, среди них 16 реакторов с водой под давлением (10 *ВВЭР-1000* и 6 *ВВЭР-440*), 15 канальных кипящих ректоров (11 *РБМК-1000* и 4 *ЭГП-6*) и один ректор на быстрых нейтронах (*БН-600*)[34]. В России работают четыре предприятия по обогащению урана (Уральский электрохимический комбинат, Ангарский электролизный химический комбинат, Сибирский химический комбинат и Электрохимический завод в г. Зеленогорске), два производства тепловыделяющих сборок (ТВС) (ОАО *Машиностроительный завод* и ОАО *Новосибирский завод химических концентратов*), три предприятия по переработке ОЯТ (ПО *Маяк*, Сибирский химический комбинат и Горно-химический комбинат), а также места временного хранения ОЯТ и захоронения РАО[35].

Тихоходные турбины, используемые на АЭС, в России не производятся. Большинство российских АЭС работают на тихоходных турбинах, изготовленных на украинском предприятии *Турбоатом*[36]. Однако в 2007 г. ОАО *Атомэнергомаш* и французской группой *Alstom* были подписаны уставные документы по созданию совместного предприятия для производства турбин для АЭС, согласно кото-

рым 51% акций нового предприятия будет контролировать российская сторона[37]. Уставной капитал предприятия оценивается в 100 млн евро[38]. При этом компания *Alstrom* передала в совместное пользование технологию *Arabelle*, а российская сторона предоставила свободный производственный комплекс в Подольске и денежные средства[39]. Кроме того, в июне 2010 г. компанией *Силовые машины* в г. Санкт-Петербурге был заложен цех, который будет производить тихоходную турбину[40].

Добычу урана в России осуществляет только Приаргунский горно-химический комбинат — единственное уранодобывающее предприятие, оставшееся на территории России после распада СССР. Оно обеспечивает только 30% общей потребности действующих АЭС в природном уране. Остальное покрывается за счет запасов сырья, накопленных во времена СССР[41].

Согласно Энергетической стратегии России на период до 2030 г., производство электроэнергии на АЭС должно увеличиться в 2,5 раза по сравнению с уровнем 2005 г. При этом доля атомной энергии в структуре энергопроизводства России должна возрасти до 19,6–19,8%, а общая установочная мощность должна составить 52–62 ГВт[42]. Для достижения целей стратегии необходимо до 2030 г. ввести в эксплуатацию 29–39 ГВт дополнительных и замещающих мощностей, что потребует строительства от 20 до 40 энергоблоков в зависимости от установленной мощности и типа реактора.

Увеличение реакторного парка приведет к еще большему дефициту урана. В настоящее время к активам российского уранового холдинга *Атомредметзолото* (АРЗМ) принадлежат как российские месторождения (Приаргунское, Далур и Хиагда), так и доли урановых месторождений Казахстана (СП *Заречное* и СП *Акбастау*)[43]. В мае 2010 г. Россия и Намибия подписали Меморандум о взаимопонимании между правительствами двух стран о намерении развивать сотрудничество в области геологоразведки и добычи урана на территории Намибии[44]. Страны рассмотрят возможности создания совместных предприятий, в том числе по добыче и переработке урановых руд[45]; в настоящее время уже ведутся геологоразведочные работы[46]. В ноябре 2010 г. Россия заключила соглашение с Австралией о поставках ядерных материалов для переработки и использования на российских АЭС[47]. Также в 2010 г. завершилась передача российскому урановому холдингу контрольного пакета (51,4%) акций *Uranium One*[48] — канадской уранодобывающей компании, среди активов которой уже разрабатываемые месторождения Казахстана (*Uranium One* принадлежат 70% в проектах *Акдала* и *Южный Инкай*, 50% в *Каратау*, 30% в *Харасан-1*)[49]. Помимо этого, среди реализуемых проектов *АРМЗ* — геологоразведочные проекты и работы по освоению минерально-сырьевой базы стран ближнего и дальнего зарубежья, включая Армению и Монголию[50]. Однако всех этих усилий может быть недостаточно, чтобы покрыть растущую потребность России в уране.

Россия стремится создать полную инфраструктуру «управления жизненным циклом атомных электростанций на основе создания единых государственных систем обращения с ОЯТ и РАО и развития технологии вывода из эксплуатации остановленных атомных энергоблоков»[51].

Атомная энергетика России — это 15% мирового рынка реакторостроения, 45% мирового рынка обогащения урана и 15% мирового рынка конверсии отработанного топлива[52]. Среди целей стратегии — реализация проектов строительства АЭС и увеличение экспортного потенциала ядерных технологий. Для реализации этих целей России необходимо развивать технологии и стандартизировать производство. Поэтому в настоящее время разрабатывается типовой проект реактора *АЭС-2006* — реактор поколения 3+ с улучшенными технико-экономическими показателями и установленной мощностью, равной 1150 МВт с возможностью

форсирования до 1200 МВт[53]. Кроме того, ведется разработка *ТВС-квадрат*, сущностное отличие которых от тепловыделяющих сборок (ТВС), производимых сейчас в России, заключается в геометрии конструкции. *ТВС-квадрат* в сечении имеют четыре равных стороны, а ТВС, используемые на энергоблоках российского производства, в сечении шестигранники[54]. Разработка и сертификация *ТВС-квадрат* позволит России *играть* на более широком сегменте рынка ядерного топлива, поскольку откроет возможности для поставок топлива на установки нероссийского производства.

ИНТЕГРАЦИЯ АТОМНЫХ КОМПЛЕКСОВ РОССИИ И УКРАИНЫ

Целесообразность интеграции атомных комплексов России и Украины продиктована тем, что на территории Украины остались важные для российского ЯТЦ урановые производства и месторождения, машиностроительные предприятия атомного энергопромышленного комплекса, а украинские АЭС работают преимущественно на российском ядерном топливе.

Российские и украинские ядерные мощности часто вовлекались в совместные проекты. Например, украинские предприятия привлекались при реализации проектов ГК *Росатом* в Иране (АЭС *Бушер*) и строительстве АЭС в Китае. Сотрудничество осуществлялось на уровне коммерческих соглашений между основным подрядчиком и отдельными предприятиями отрасли как с российской, так и с украинской стороны. Это позволяет утверждать, что предприятия атомной отрасли России и Украины и до настоящего момента были интегрированы[55], но не на уровне межправительственных соглашений, а на уровне краткосрочных коммерческих соглашений и контрактов.

Сотрудничество России и Украины в атомной области осуществляется в рамках Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Украины о научно-техническом и экономическом сотрудничестве в области атомной энергетики от 14 января 1993 г.[56] Позднее, в 1996 г., было дополнительно заключено межправительственное соглашение о сотрудничестве в области транспортировки ядерных материалов[57]. В последующие годы было подписано еще пять межправительственных соглашений, в том числе соглашения о строительстве энергоблока № 2 Хмельницкой АЭС, энергоблока № 4 Ровенской АЭС (в 2001 г.)[58], энергоблоков № 3 и № 4 Хмельницкой АЭС (в 2010 г.)[59]. Также в 2003 г. на уровне межправительственного соглашения была закреплена организация ЗАО *Совместное украинско-казахстанско-российское предприятие по производству ядерного топлива*[60]. И, несмотря на события 2004 г., когда изменение внутренней политической ситуации на Украине отразилось на линии внешней политики, проводимой государством, и привело к некоторой стагнации в отношениях России и Украины в атомной области, в настоящее время партнерство двух стран снова развивается.

На сегодняшний день на стадии реализации находятся несколько проектов, среди них строительство энергоблоков № 3 и № 4 Хмельницкой АЭС, организация совместного российско-украинского предприятия по производству ядерного топлива и осуществление поставок ядерного топлива на 14 из 15 украинских энергоблоков. Кроме того, завершена формализация участия Украины в Международном центре по обогащению урана, который организован на базе Ангарского электролизного химического комбината (г. Ангарск, Россия). Украинская сторона выкупила 10% акций центра и наравне с Арменией и Казахстаном стала полноправным партнером России в этом проекте[61]. К перспективным проектам сотрудничества относятся совместная добыча урана, обращение с ОЯТ и производство тихоходных турбин для АЭС.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЭНЕРГОБЛОКОВ

9 июня 2010 г. в Киеве было подписано Соглашение между правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о сотрудничестве в строительстве энергоблоков № 3 и № 4 Хмельницкой АЭС. Ввод в эксплуатацию запланирован на конец 2016 г., проектная мощность — 2000 МВт[62]. Статьей 4 данного Соглашения установлено, что «российская сторона обеспечит организацию финансирования в полном объеме, необходимом для проектирования, строительства и ввода в эксплуатацию энергоблоков № 3 и № 4, в том числе для оплаты товаров, работ, услуг, поставляемых из Российской Федерации на Украину или закупаемых на Украине, при условии частичного софинансирования с украинской стороны»[63]. Планируется, что до 50% поставок для достройки Хмельницкой АЭС могут обеспечить украинские производители[64]. Таким образом, будет задействован достаточно широкий сектор украинской экономики, обеспечив работой предприятия атомной отрасли.

На Хмельницкой АЭС запланировано строительство энергоблоков типа *ВВЭР-1000*. По соглашению основным подрядчиком является ЗАО *Атомстройэкспорт*[65] — ведущая инжиниринговая компания ГК *Росатом* по строительству объектов ядерной энергетики за рубежом[66]. *Атомэнергомаш*, активы которого также принадлежат ГК *Росатом*, изготавливает корпусы только для реакторов типа *БН*. Корпусы для реакторов типа *ВВЭР* в России производит только ОАО *Ижорские заводы*, которое не является аффилированым предприятием ГК *Росатом*. Будучи постоянным партнером ОАО *Атомстройэкспорт*, ЗАО *Ижорские заводы* может быть привлечено к изготовлению корпусов для реакторов, строительство которых предусмотрено российско-украинским соглашением. Однако в силу ограниченных производственных возможностей в год *Ижорские заводы* могут изготовить только ограниченное количество корпусов для реакторов типа *ВВЭР*. Помимо планов развития атомной энергетики внутри страны Россия сейчас участвует в нескольких проектах по строительству АЭС за рубежом (включая АЭС *Белене* в Болгарии[67], АЭС *Тяньвань* в Китае[68] и АЭС *Куданкулам* в Индии[69]), и все строящиеся энергоблоки — реакторы типа *ВВЭР-1000*. С учетом ограниченных возможностей *Ижорских заводов* для выполнения обязательств по всем контрактам и реализации собственных планов развития России необходимо привлекать к участию третьи стороны — закупать отдельные составляющие (в частности корпуса для реакторов) за рубежом. В данном случае возможно сотрудничество с французской компанией *AREVA* — партнером ОАО *Атомстройэкспорт* по нескольким проектам, включая АЭС *Белене* в Болгарии[70], и *Skoda*[71], производящей оборудование для реакторов типа *ВВЭР* и *РБМК*[72].

Несмотря на возможность привлечения иностранных партнеров для реализации планов строительства энергоблоков, в перспективе сотрудничество России и Украины в области строительства АЭС может вызвать проблему производственного обеспечения обязательств по контрактам. Помимо зарубежных проектов, согласно Энергетической стратегии России, до 2030 г. на территории России должны быть построены 20–40 энергоблоков предположительно типа *АЭС-2006*, которые в настоящее время находятся на стадии разработки, но должны быть основаны на проекте реактора типа *ВВЭР*[73]. Опираясь на действующую Энергетическую стратегию Украины и принимая заложенные в ней задачи за наиболее оптимистический из возможных сценариев развития атомной энергетики Украины, можно оценить, что до 2030 г. на территории могут быть построены от 14 до 21 энергоблока, причем каждый из них потенциально может быть построен в сотрудничестве с Россией. Принимая во внимание планы России по развитию своей атомной энергетики и полагая, что планы Украины будут полностью реализованы в сотрудничестве с российской стороной, перед атомной индустрией России и Украины может встать задача изготовления деталей и частей для

40–61 реакторов в ближайшие 20 лет. При этом возможные соглашения о строительстве АЭС на территории Украины не исключают аналогичные контракты российской стороны с другими странами. Таким образом, при реализации сценария, предполагающего строительство 61 энергоблока, даже с привлечением иностранных партнеров Россия не сможет в полной мере реализовать потенциал возможного сотрудничества без введения в эксплуатацию дополнительных производственных мощностей, а это потребует значительных инвестиций в атомную отрасль.

ПОСТАВКИ ЯДЕРНОГО ТОПЛИВА

В 2008 г. Украина заключила соглашение о поставках топлива с американской компанией *Westinghouse Electric Company*[74]. На сегодняшний день уже начаты коммерческие поставки изготовленного *Westinghouse* топлива[75]. Однако это топливо еще не сертифицировано и, по мнению экспертов Национальной комиссии радиационной защиты Украины, может стать источником экологической угрозы региону и сопредельной территории Черноморского бассейна. Кроме того, существенной проблемой является вывоз и переработка этого топлива, поскольку по контракту на *Westinghouse* такие обязательства возложены не были. На данный момент, отработанные ТВС производства *Westinghouse* помещаются в бассейн выдержки при АЭС, и вопрос об утилизации ТВС после срока выдержки пока не решен. Решение подписать контракт с *Westinghouse* было продиктовано стремлением к диверсификации географии поставок топлива, что в данной ситуации не в полной мере отвечает требованиям экономики и безопасности проекта.

На большинство работающих на Украине энергоблоков топливо поставляет *ТВЭЛ*[76]. Это топливо изготавливается по российским технологиям и целиком удовлетворяет спецификациям построенных на территории Украины реакторов. При этом, согласно заключенному контракту, *ТВЭЛ* вывозит все свое отработанное топливо для переработки и хранения в Россию.

В начале июня 2010 г. *ТВЭЛ* и *Энергоатом* подписали долгосрочный контракт на поставку ядерного топлива для украинских атомных станций. Сроки и цена контракта не были прокомментированы, однако ранее *Росатом* заявлял о готовности пойти на значительные уступки украинской стороне и сделать скидку на ядерное топливо до 1 млрд долл., если контракт будет подписан сроком на 15–25 лет[77]. Таким образом, российское ядерное топливо для украинской стороны дешевле американского почти на 20%, а также более эффективно и безопасно[78].

Поставки топлива на украинские АЭС — направление сотрудничества, которое будет осуществляться до тех пор, пока не будет построено и запущено в эксплуатацию совместное предприятие по изготовлению ядерного топлива. Российские поставки будут постепенно замещаться продукцией совместного предприятия.

СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЯДЕРНОГО ТОПЛИВА: НОВЫЙ ЭТАП ИНТЕГРАЦИИ

22 сентября 2010 г. правительство Украины утвердило победителя на строительство завода по производству ядерного топлива — компанию *ТВЭЛ*. Единственным конкурентом *ТВЭЛ* была американская компания *Westinghouse Electric Company*[79].

Основной причиной успеха российской компании называют ее готовность вкладывать в строительство собственные средства. Общий вклад в строительство составит около 6,6 млрд руб., из них 4,3 млрд руб. будут привлечены со стороны в качестве инвестиций[80]. Украинские АЭС (в настоящее время 14 из 15 энерго-

блоков) работают на топливе российского производства, и реализация проекта предприятия по изготовлению ядерного топлива совместно с Россией позволит Украине обеспечить свои АЭС топливом отечественного производства, снизив зависимость энергетики страны от иностранного поставщика, которым на данный момент является Россия.

В июне 2012 г. из-за проблем с топливом, поставлявшимся компанией *Westinghouse*, были остановлены несколько блоков Южно-Украинской АЭС. В данной ситуации вопрос о совместном российско-украинском предприятии по производству топлива встает особенно остро.

Для российской стороны участие в этом проекте также крайне выгодно, поскольку, помимо прочего, совместное с Украиной предприятие по изготовлению топлива по российской технологии предоставит импортерам продукта необходимую в соответствии с существующим сегодня пониманием альтернативу поставкам ТВЭЛ. Таким образом, будут соблюдены современные требования диверсификации поставщиков, и российская компания не потеряет часть своего рынка.

Согласно соглашению, заключенному между ГК *Ядерное топливо* и ОАО *ТВЭЛ*, совместное предприятие будет организовано в виде закрытого акционерного общества, в котором 50% плюс одна акция будет принадлежать ГК *Ядерное топливо*. На заводе по изготовлению топлива будут производиться ТВС для реакторных установок *ВВЭР-1000* либо «более перспективная конструкция, обеспечивающая более высокие эксплуатационные характеристики»[82]. Проектная мощность завода — 400 т урана в год[82]. В соответствии с соглашением российская сторона передает следующие технологии: снаряжение топливных стержней, изготовление топливных сборок, производство порошка диоксида урана, изготовление топливных таблеток, изготовление циркониевых комплектующих изделий топливных сборок, изготовление комплектующих изделий топливных сборок из нержавеющей стали. Передача акционерному обществу права «использования российских технологий и технической документации для организации на заводе производства технологических переделов на условиях неисключительных лицензий» осуществляется в виде взноса в уставный капитал акционерного общества, соучредителем которого является *ТВЭЛ*[83]. Передача технологии будет осуществлена до 2020 г.[84]

Завод по производству ядерного топлива «будет обеспечиваться услугами по обогащению урана, производимыми на российских предприятиях или поставляемыми ОАО *МЦОУ* с созданием механизма гарантированного обеспечения Завода этими услугами»[85]. В настоящее время Украина уже выкупила «корпоративные права по заводу по обогащению ядерного топлива на территории Российской Федерации»[86]. Детали взаимодействия *МЦОУ* и совместного предприятия при участии обеих сторон в обоих проектах пока прорабатываются.

Сейчас идет подготовка технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта *Завод ЯТ*, который расположится в Кировоградской области, возглавит О.В. Фисенко, стоимость строительства составит 500 млн долл.[87].

Совместное российско-украинское предприятие по изготовлению топлива отчасти дублирует ЗАО *СП УКРТВС*, основанное в 2001 г. ОАО *ТВЭЛ* (Россия), Фондом государственного имущества (Украина) и НАК *Казатомпром* (Казахстан)[88]. В соответствии с соглашением, заключенным сторонами, казахстанская сторона должна производить топливные таблетки, украинская — циркониевый прокат и комплектующие изделия для тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ) и ТВС, а российская компания осуществлять окончательную сборку ТВЭЛ и ТВС. В то же время по соглашению, заключенному между ГК *Ядерное топливо* и ОАО *ТВЭЛ*, топливные таблетки, которые в рамках трехстороннего соглашения должны были производиться казахстанской стороной, будут изготавливаться на совместном предприятии России и Украины[89]. С учетом того, что

СП УКРТВС создавался для обеспечения топливом украинских АЭС, а после создания совместного российско-украинского предприятия украинские АЭС будут работать на топливе отечественного производства, совместное украинско-казахстанско-российское предприятие фактически утратило свое первоначальное значение. После запуска завода по производству топлива на территории Украины *СП УКРТВС* потеряет рынок, на который оно было ориентировано, и, если оно не будет модифицировано, станет экономически нерентабельным[90]. Возможным вариантом развития трехстороннего сотрудничества может стать присоединение Казахстана к российско-украинскому предприятию, при этом форма и степень участия казахстанской стороны будут определяться дополнительными соглашениями между сторонами.

Реализация совместного предприятия по производству ядерного топлива — это перспективное направление сотрудничества, однако осуществление этого проекта связано с рядом трудностей.

Создание совместного предприятия по производству ядерного топлива наряду с вступлением Украины в *МЦОУ* — это качественно новый уровень интеграции атомных отраслей стран. Существенной проблемой в процессе интеграции является разница законодательств России и Украины. В соответствии с российским законодательством в атомную сферу возможно привлечение частного капитала, в то время как атомная отрасль Украины целиком принадлежит государству, и привлечение инвестиций из частного сектора невозможно. Полномасштабное сотрудничество требует синхронизации нормативной базы стран в области использования атомной энергии с тем, чтобы при реализации совместных проектов не возникало конфликтов. Еще одним возможным решением может быть введение новой формы собственности, при которой было бы возможно привлечение инвестиций из частного сектора без внесения изменений в законодательства стран.

Другой проблемой, связанной с интеграцией атомных отраслей России и Украины, является проблема общего рынка. Несмотря на то, что наличие предприятия по изготовлению топлива по российским технологиям выгодно скажется на перспективе строительства новых АЭС на территории Украины по российским технологиям, организация этого производства сократит объем российского экспорта ядерного топлива. Как только акционерное общество выйдет на международный рынок, предлагая топливо, изготовленное по российским технологиям, оно отсечет часть доли рынка, традиционно бывшей российской. На возможностях экспорта *ТВЭЛ* отразится объем поставок продукции совместного предприятия непосредственно на украинские АЭС, а также в Китай и другие страны.

Решением проблемы общего рынка в перспективе может стать модификация совместного предприятия. Согласно соглашению, на заводе будет организовано только производство ТВС для реакторов типа *ВВЭР-1000*. Однако если организовать несколько линий производства, которые бы позволяли изготавливать топливо не только для реакторов *ВВЭР-1000*, но и для *ТВС-квадрат*, это позволит решить вопрос с потерей одной из сторон доли рынка. В случае организации более универсального производства, где изготавливалось бы топливо не только для установок, построенных по российским проектам, но и для европейских моделей реакторов, сегмент рынка, на котором сможет конкурировать совместное предприятие, значительно увеличится, и вместо потери части рынка экспорт *ТВЭЛ* возрастет. Принимая во внимание нацеленность украинской стороны и на западный рынок[91], данный вариант развития событий весьма вероятен.

ДРУГИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Одним из перспективных направлений сотрудничества России и Украины может быть совместное производство тихоходных турбин для АЭС. В результате распада СССР предприятие по производству тихоходных турбин *Турбоатом* осталось на территории Украины (г. Харьков). В настоящее время в России такие установки пока не производятся[92], хотя уже осуществляется проект по созданию совместного российско-французского предприятия по производству турбин в г. Подольске (Россия), а компанией *Силовые машины* был заложен новый цех по производству таких турбин в г. Санкт-Перетбурге. Однако, согласно заявлению С. В. Кириенко, Россия выступает за диверсификацию поставщиков оборудования для АЭС[93]. Таким образом, проекты, в настоящее время реализуемые Россией, не исключают возможности сотрудничества российской стороны в области производства тихоходных турбин с Украиной. По словам С. В. Кириенко, для России выстроить интеграцию с украинской стороной было бы целесообразно — это удешевит и оптимизирует процесс производства[94]. Попытки наладить совместное производство уже предпринимались, однако успешными они не были. Россия не раз выражала готовность участвовать в совместном предприятии, но украинская сторона энтузиазма не проявляла. Несмотря на это, реализация подобного сотрудничества обеспечила бы более эффективное производство и была бы выгодна обеим странам, особенно с учетом планов строительства большого числа новых атомных энергоблоков как на территории России, так и на территории Украины.

Другим направлением возможного сотрудничества является совместная разработка урановых месторождений. Испытывая дефицит уранового сырья, для обеспечения потребности своей атомной энергетики в уране России, помимо разведки и разработки месторождений на своей территории, необходимо искать возможности для участия в совместных проектах по добыче урана за рубежом. В настоящее время в области геологоразведки и добычи урана Россия сотрудничает со многими странами ближнего и дальнего зарубежья, включая Казахстан, Армению, Австралию, Канаду и Намибию. Украина обладает богатейшими запасами урановой руды. Располагая 21 месторождением, в том числе Новоконстантиновским — крупнейшим урановым месторождением в Европе[95], она является одним из наиболее привлекательных партнеров в области добычи урана. Согласно заявлению Н. Я. Азарова, сделанного весной 2010 г., разработка урановых месторождений является одной из основных задач[96]. То же отражено и в действующей Энергетической стратегии Украины до 2030 г. Однако это требует больших финансовых и временных затрат, и для успешной реализации планов по разработке своих месторождений Украине необходимо искать возможные пути привлечения инвестиций. Таким образом, сотрудничество в сфере разработки месторождений и добычи урана взаимовыгодно для обеих сторон. Совершенно очевидно, что в интересах России добавить к уже имеющимся активам украинские месторождения, Украине же сотрудничество выгодно с точки зрения сокращения собственных затрат на разработку месторождений и приобретение сырья для топлива. Помимо прочего, с учетом реализуемого проекта по созданию совместного российско-украинского предприятия по производству ядерного топлива на территории Украины в непосредственной близости от Новоконстантиновского месторождения[97] сотрудничество сторон в области добычи и конверсии урана может быть удобно ввиду необходимости обеспечения завода по производству топлива гексафторидом урана в требуемом количестве.

Россия всегда выражала готовность участвовать в разработке прежде всего Новоконстантиновского месторождения и инвестировать необходимые средства пропорционально своей доле в уставном фонде специально образованного

совместного предприятия[98]. В то же время позиция украинской стороны в отношении сотрудничества с Россией в области разработки месторождения и добычи урана в течение последних лет несколько раз менялась. В ноябре 2009 г. в Киеве состоялось Пятое заседание Подкомиссии по вопросам атомной энергетики и ядерных материалов Комитета по вопросам экономического сотрудничества Украинско-российской межгосударственной комиссии[99], по итогам которого было достигнуто взаимопонимание сторон о «развитии сотрудничества в области геологоразведки, добычи и переработки урановых руд»[100]. На встрече премьер-министров Украины и России Н. Я. Азарова и В. В. Путина 30 апреля 2010 г. в г. Сочи намерение о сотрудничестве стран в области добычи природного урана на территории Украины было подтверждено[101], и в ближайшее время работы по разработке месторождения должны быть активизированы и прежде всего проведена его технико-экономическая оценка. Также должны быть определены условия и установлена организационно-правовая форма сотрудничества.

Еще одним перспективным направлением сотрудничества России и Украины является создание предприятия по обращению с ОЯТ. Принимая во внимание стремление Украины воссоздать на своей территории замкнутый ЯТЦ, основными стадиями которого являются добыча, конверсия, производство топлива и переработка ОЯТ, в интересах Украины, очевидно, организовать предприятие по переработке ОЯТ. Однако переработка ОЯТ, так же как и обогащение урана, является чувствительным этапом ЯТЦ и с учетом явного нежелания развивать на территории страны производства двойного применения, вероятно, что ОЯТ Украина предпочтет перерабатывать за пределами своих территориальных границ. Ранее Россия уже выражала желание организовать на своей территории международный центр по переработке и захоронению ОЯТ[102]. Таким образом, участие сторон в совместной инициативе по созданию международного центра по переработке ОЯТ по типу *МЦОУ* является взаимовыгодным в перспективе направлением сотрудничества. Организация центра позволит решить вопрос с обращением с ОЯТ, произведенного на совместном российско-украинском предприятии по производству ядерного топлива. Традиционно, ответственность за ОЯТ лежит на производителе свежего топлива, и так как топливо будет изготавливаться сторонами совместно, обращение с ОЯТ также будет областью совместной ответственности России и Украины. Организация совместной переработки ОЯТ решит также проблему обращения с топливом производства *Westinghouse*, которое в настоящее время хранится в бассейнах выдержки при энергоблоке, на котором оно используется.

Проблема обращения с РАО также является областью общего интереса России и Украины. Сотрудничество в этом направлении может включать совместную разработку и внедрение новых способов переработки ОЯТ и хранения РАО, которые бы снизили радиационное воздействие отходов на окружающую среду, и строительство хранилища РАО.

***

К сферам общего интереса России и Украины в области использования атомной энергии относятся разработка урановых месторождений и добыча урана, решение проблемы с обращением с ОЯТ и развитие производственных мощностей. Взаимовыгодным направлением сотрудничества также является совместное производство ядерного топлива и совместное обогащение урана. Кроме того, Россия заинтересована в освоении технологии по производству тихоходных турбин, а Украина все еще нуждается в поставках российского ядерного топлива и заинтересована в строительстве новых атомных энергоблоков на своей территории.

Все это является хорошей основой для интеграции атомных активов стран. Уже сейчас подписано соглашение о строительстве атомных энергоблоков № 3 и № 4 Хмельницкой АЭС, осуществляются поставки ядерного топлива. Согласно достигнутым соглашениям, реализуется проект по совместному российско-украинскому производству ядерного топлива; завершился процесс вступления Украины в *МЦОУ*.

Более подробная информация о взаимодействии России и Украины в разных областях доступна на страничке проекта «Россия–Украина: к новой архитектуре европейской безопасности — сообща» на сайте ПИР-Центра, http://ukraine-russia.pircenter.org

Таким образом, уже две из пяти стадий ЯТЦ Россия и Украина будут осуществлять совместно. Третьим совместно реализованным этапом ЯТЦ может стать предприятие по обращению с ОЯТ. Предложение о создании такого предприятия было озвучено российской стороной в рамках инициативы по созданию Глобальной ядерной инфраструктуры в 2006 г.[103], и ввиду остроты проблемы обращения с ОЯТ для каждой из сторон это является перспективным направлением возможного сотрудничества России и Украины.

Помимо новых контрактов на строительство на территории Украины атомных энергоблоков, перспективными также являются такие направления сотрудничества, как совместная разработка урановых месторождений, в том числе Новоконстантиновского, и совместное производство тихоходных турбин, а также развитие долгосрочной кооперации в строительстве и эксплуатации АЭС.

Реализация всех проектов взаимовыгодного сотрудничества позволит создать такую схему взаимодействия России и Украины в области использования атомной энергии, которая будет наилучшим образом отвечать интересам обеих стран и обеспечит оптимизацию производственного процесса. Однако для такого полномасштабного сотрудничества необходимо решить следующие задачи:

1. На совместном предприятии по производству ядерного топлива должны быть организованы линии производства топлива для реакторов разных типов, чтобы у совместного предприятия был выход на европейский рынок.
2. Производственные мощности России должны быть модернизированы. Возможен ввод в эксплуатацию новых дополнительных мощностей. Это позволит осуществить цели Энергетической стратегии России на период до 2030 г.
3. Между *МЦОУ* и совместным предприятием по производству топлива должны быть установлены договорные связи, регламентирующие порядок и характер их взаимодействия. Притом что и *МЦОУ,* и совместное предприятие — акционерные общества, они организованы по разному принципу. *МЦОУ* — многостороннее предприятие, участниками которого являются не только Россия и Украина. Поэтому для осуществления сотрудничества между двумя центрами должны быть установлены экономические связи.

Решение этих задач потребует времени, существенных капиталовложений, организационных усилий и стабильности, а успех работы по каждому из направлений будет зависеть как от политической и экономической ситуации, так и от взаимного желания и готовности стран сотрудничать.

Модель российско-украинского сотрудничества может быть распространена на другие страны СНГ с поправками на особенности внешней и внутренней политики стран и то, насколько развита их атомная отрасль. Сотрудничество может быть продиктовано стремлением получить прямую экономическую выгоду, целями обес-

печения национальной безопасности или необходимостью укрепления позиций государства на международной арене. Платформой для выстраивания кооперационных связей государств — членов СНГ может стать Комиссия государств — участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях.

Примечания

[1] Николай Азаров: «Жизнь в нашей стране не легкая». *КИД. Юго-восточная лига*. 2011, 21 марта. http://zadonbass.org/news/hot/message_27323 (последнее посещение — 23 марта 2011 г.).

[2] BP Statistical Review of World Energy (July 2010), http://bp.com/statisticalreview (последнее посещение — 20 апреля 2011 г.).

[3] Краткая справка по АЭС Украины. Atominfo.ru, http://www.atominfo.ru/news/air1219.htm (последнее посещение — 22 декабря 2010 г.).

[4] BP Statistical Review of World Energy 2010. Вычисления автора.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Газпром заявил о прекращении поставок газа на Украину. М. Дуров. Великая Эпоха. 2009, 1 января, http://www.epochtimes.ru/content/view/21472/3/(последнее посещение — 26 июля 2011 г.).

[8] Преимущества атомной энергетики. Атомстройэкспорт. Цит. соч.

[9] Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций, http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf (последнее посещение — 10 декабря 2010 г.).

[10] Деньги из воздуха. Энергосберегающие проекты могут быть профинансированы за счет международных программ борьбы с изменением климата. *Энергономика.* 2011, 14 февраля, http://energy.dsnews.ua/financing/97-dengi-iz-vozduha-energosberegajushie-programmy-mogut-byt-profinansirovany-za-schet-borby-s-izmeneniem-klimata (последнее посещение — 8 апреля 2011 г.).

[11] Украина зарабатывает на Киотском протоколе. *Минпром*. 2009, 23 февраля, http://minprom.ua/page8/news10127.html (последнее посещение — 10 апреля 2011 г.).

[12] Деньги из воздуха. Энергосберегающие проекты могут быть профинансированы за счет международных программ борьбы с изменением климата. *Энергономика.* 2011, 14 февраля.

[13] Там же.

[14] Украина зарабатывает на Киотском протоколе. *Минпром*. 2009, 23 февраля.

[15] Ветроэнергетика в Украине набирает обороты. Новости. Ветряки. 2009, 26 февраля, http://vetryaky.ru/tag/ветроэнергетика (последнее посещение — 28 июля 2011 г.).

[16] BP Statistical Review of World Energy 2010.

[17] Енергетична Стратегія України на період до 2030 р.

[18] Там же.

[19] Турбоатом. Российское атомное сообщество. 2011, 14 февраля, http://www.atomic-energy.ru/organizations/turboatom (последнее посещение — 8 апреля 2011 г.).

[20] Владимир Дзагуто. Россия и Украина объединятся на атомном уровне. Владимир Путин предлагает создать единый профильный холдинг. *КоммерсанЪ.* 2010, 28 апреля. С. 11.

[21] Новоконстантиновское месторождение урановых руд (Украина) все-таки отдали ВостГОКу. Информационно-аналитический центр Минерал, http://www.mineral.ru/News/39125.html (последнее посещение — 17 декабря 2010 г.).

[22] И. М. Неклюдов, В. К. Бронников, Ю. И. Кошик и В. С. Красноруцкий. Выступление «Ядерный топливный цикл Украины, состояние, задачи, международное сотрудничество» на международной конференции «Атомно-энергетический комплекс Украины: международное сотрудничество и кооперация, инвестиции, ядерно-топливный цикл», Киев, 2010, 24–25 июня, http://www.slideshare.net/AtomNews/ss-4634287 (последнее посещение — 15 декабря 2010 г.).

[23] Енергетична Стратегія України на період до 2030 р.

[24] Николай Азаров: «Жизнь в нашей стране нелегкая». Цит. соч.

[25] Раде предложили денонсировать «ядерное» соглашение с РФ. *ЛІГА. Новости.* 2011, 16 марта, http://news.liga.net/news/N1107716.html (последнее посещение — 23 марта 2011 г.).

[26] Николай Азаров: «Жизнь в нашей стране не легкая». Цит. соч.

[27] Там же.

[28] В Украину начались коммерческие поставки ядерного топлива. *ЛІГА. Новости.*2011, 10 февраля, http://news.liga.net/news/N1104075.html (последнее посещение — 22 мая 2011 г.).

[29] Загрузка активной зоны энергоблока № 5 Запорожской АЭС запланирована на 2012 г., что связано с необходимостью придерживаться существующего графика планово-предупредительных ремонтов (В Украину начались коммерческие поставки ядерного топлива. *ЛІГА. Новости.* 2011, 10 февраля, http://news.liga.net/news/N1104075.html).

[30] Источник: Кабмин намерен вложить 205 млн долларов в строительство завода по переработки урана. *РБК-Украина*. 2010, 25 октября, http://www.rbc.ua/rus/top/show/istochnik-kabmin-nameren-vlozhit-250-mln-doll-v-stroitelstvo-25102010084900 (последнее посещение — 1 декабря 2010 г.).

[31] Украина намерена израсходовать $1,5 млрд на безопасность АЭС. *РИА Новости. Украина.* 2011, 18 апреля, http://ua.rian.ru/economy/20110418/78714675.html (последнее посещение– 28 апреля 2011 г.).

[32] Интервью автора с А. Л. Покрищенко, советником посольства Украины. Посольство Украины в Российской Федерации. Москва. 2010, 9 декабря.

[33] Урановой геологии — 65 лет. Пресс-служба Роснедр. Федеральное агентство по недропользованию — Роснедра.2010, 13 октября, http://www.rosnedra.com/article/3578.html (последнее посещение — 10 ноября 2010 г.).

[34] Информация о концерне. ОАО «Концерт Росэнергоатом», http://www.rosenergoatom.ru/rus/about/info/(последнее посещение — 14 декабря 2010 г.).

[35] Ядерные объекты на территории России, http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/90455/160871/4392485 (последнее посещение — 13 декабря 2010 г.).

[36] РФ намерена освоить производство аналогичных выпускаемым «Турбоатомом» тихоходных турбин для АЭС. *Транспортный бизнесс*. 2010, 9 июня, http://tbu.com.ua/news/rf_namerena_osvoit_proizvodstvo_analogichnyh_vypuskaemym_turboatomom_tihohodnyh_turbin_dlia_aes.html (последнее посещение — 8 апреля 2011 г.).

[37] Сергей Кириенко. Росатом будет сотрудничать с украинским Турбоатомом при производстве турбин. *Regnum.* 2007, 2 июля, http://www.regnum.ru/news/851154.html (последнее посещение — 8 апреля 2011 г.).

[38] Решение о строительстве завода СП Альстром-Атомэнергомаш примут до конца ноября — Кащенко. *Atominfo.ru*. 2010, 12 ноября, http://www.atominfo.ru/news3/c0760.htm (последнее посещение — 19 мая 2011 г.).

[39] Там же.

[40] С. В. Кириенко цит. по: РФ намерена освоить производство аналогичных выпускаемым «Турбоатомом» тихоходных турбин для АЭС.

[41] Урановой геологии — 65 лет. Цит. соч.

[42] Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. Министерство энергетики Российской Федерации, http://minenergo.gov.ru/activity/energostrategy/.../Energostrategiya-2030.doc (последнее посещение — 19 декабря 2010 г.).

[43] Урановый холдинг «АРМЗ». Стратегия развития. Официальное интернет представительство кампании, http://www.armz.ru/company/strategy/(последнее посещение — 17 мая 2011 г.).

[44] Россия и Намибия намерены сотрудничать в добыче урана. *РИА Новости.* 2010, 20 мая, http://rian.ru/politics/20100520/236517878.html (последнее посещение — 20 мая 2011 г.).

[45] Там же.

[46] Урановый холдинг «АРМЗ». Стратегия развития. Цит. соч.

[47] Россия будет покупать уран в Австралии. *Зеркало недели*.2010, 11 ноября. http://news.zn.ua/news/58604 (последнее посещение — 30 ноября 2010 г.)

[48] ARZM transaction. Uranium One official site, http://www.uranium1.com/indexu.php (последнее посещение — 17 декабря 2010 г.).

[49] Россию не пускают к американскому урану. Сделка по покупке Uranium One может сорваться. *Коммерсант*. 2010, 8 октября, http://www.kommersant.ru/doc/1517938 (последнее посещение — 14 апреля 2011 г.).

[50] Урановый холдинг «АРМЗ». Стратегия развития. Цит. соч.

[51] Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.

[52] Там же.

[53] АЭС-2006. Актуальные проекты. Об атомной энергии. Атомэнергопром. http://www.atomenergoprom.ru/nuclear/actual/actual1/(последнее посещение — 16 декабря 2010 г.)

[54] Интервью автора с Сергеем Маргеловым, специалистом отдела СНГ Департамента международного сотрудничества ГК *Росатом*. 2010, 17 декабря.

[55] Интервью автора с А. Л. Покрищенко.

[56] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Украины о научно-техническом и экономическом сотрудничестве в области атомной энергетики от 14.01.1993.

[57] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Украины о сотрудничестве в области транспортирования ядерных материалов от 12.04.1996.

[58] Соглашение между правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о сотрудничестве в завершении сооружения и пуска в промышленную эксплуатацию на территории Украины энергоблока № 2 Хмельницкой и энергоблока № 4 Ровенской атомных электростанций от 14.12.2001.

[59] Соглашение между правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о сотрудничестве в строительстве энергоблоков № 3 и 4 Хмельницкой АЭС от 09.06.2010.

[60] Соглашение между правительством Республики Казахстан, правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о содействии в развитии и деятельности закрытого акционерного общества «Совместное украинско-казахстанско-российское предприятие по производству ядерного топлива» от 13.05.2003.

[61] Сайт МЦОУ, http://www.iuec.ru/(последнее посещение — 12 декабря 2010 г.).

[62] Соглашение между правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о сотрудничестве в строительстве энергоблоков № 3 и 4 Хмельницкой АЭС от 09.06.2010.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] О нас. Атомстройэкспорт. http://www.atomstroyexport.ru/about/rus/1 (последнее посещение — 12 декабря 2010 г.).

[67] АЭС «Белене» (Болгария). Текущие проекты. Сделано нами. Атомстройэкспорт, http://www.atomstroyexport.ru/project/rus/8 (последнее посещение — 18 декабря 2010 г.).

[68] Тяньваньская АЭС (Китай). Текущие проекты. Сделано нами. Атомстройэкспорт, http://www.atomstroyexport.ru/project/(последнее посещение — 18 декабря 2010 г.).

[69] АЭС «Куданкулам» (Индия). Текущие проекты. Сделано нами. Атомстройэкспорт, http://www.atomstroyexport.ru/project/rus/10 (последнее посещение — 18 декабря 2010 г.).

[70] Партнеры. О компании. Атомстройэкспорт, http://www.atomstroyexport.ru/partners/ (последнее посещение — 19 декабря 2010 г.).

[71] Вместе. *Атомстройэкспорт*, http://www.atomstroyexport.ru/partners/(последнее посещение — 20 декабря 2010 г.).

[72] Продукция и услуги. Skoda, http://www.skoda-js.cz/ru/products-and-services/index.shtml (последнее посещение — 20 декабря 2010 г.).

[73] АЭС 2006. Атомэнергопром. Цит. соч.

[74] В Украину начались коммерческие поставки ядерного топлива. Цит. соч.

[75] Там же.

[76] ТВЭЛ выиграл тендер на строительство завода по изготовлению ядерного топлива. *Ъ-Online*. 2010, 22 сентября, http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1508534 (последнее посещение — 16 октября 2010 г.).

[77] Vladimir Fedorenko. Russia, Ukraine may create nuclear joint venture– Rosatom CEO. *RIA Novosti.* 2010, 30 апреля, http://en.rian.ru/world/20100430/158819171.html (последнее посещение — 9 сентября 2010).

[78] Украина, ядерный ренессанс и Россия. *Проект «ФЛОТ2017»*, http://flot2017.com/show/opinions/29942 (последнее посещение — 1 октября 2010).

[79] ТВЭЛ выиграл тендер на строительство завода по изготовлению ядерного топлива. *Ъ-Online*. 2010, 22 сентября, http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1508534 (последнее посещение — 16 октября 2010 г.).

[80] Ядерный триумф. Россия победила США в принципиальном тендере на строительство завода по производству ядерного топлива на Украине. *Деловая газета Взгляд*. 2010, 6 сентября, http://www.vz.ru/economy/2010/9/6/430679.html (последнее посещение — 1 октября 2010).

[81] Соглашение между Государственным концерном «Ядерное топливо» (Украина) и открытым акционерным обществом «ТВЭЛ» (Российская Федерация) о сотрудничестве при организации в Украине производства ядерного топлива для реакторных установок типа ВВЭР — 1000 по российским технологиям.

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] Ядерный триумф. Цит. соч.

[85] Соглашение между Государственным концерном «Ядерное топливо» (Украина) и открытым акционерным обществом «ТВЭЛ» (Российская Федерация). Цит. соч.

[86] Ю. А. Бойко. Выступление на конференции «Энергетические проблемы Европы и вопросы российско-украинского сотрудничества», Киев, 2010, 7 декабря.

[87] Конференция *Международная кооперация в ядерном топливном цикле* в рамках выставки *АТОМЭКСПО-2012*. 2012, 6 июня.

[88] УкрТВС в октябре может перераспределить акции. Atomnews.ua на Atominfo.ru, http://www.atominfo.ru/news/air7407.htm (последнее посещение — 22 декабря 2010 г.).

[89] Соглашение между Государственным концерном «Ядерное топливо» (Украина) и открытым акционерным обществом «ТВЭЛ» (Российская Федерация).

[90] На данный момент «СП УКР ТВС» не занимается активной хозяйственной деятельностью.

[91] Интервью автора с А. Л. Покрищенко.

[92] РФ намерена освоить производство аналогичных выпускаемым «Турбоатомом» тихоходных турбин для АЭС. *Транспортный бизнес*. 2010, 9 июня.

[93] Сергей Кириенко в «РФ намерена освоить производство аналогичных выпускаемым «Турбоатомом» тихоходных турбин для АЭС».

[94] РФ намерена освоить производство аналогичных выпускаемым «Турбоатомом» тихоходных турбин для АЭС. *Транспортный бизнес*. 2010, 9 июня.

[95] Казенное предприятие «Кировгеология». Геологоразведочная экспедиция № 37. История эеспедиции, http://www.geos-37.kr.ua/history.html (последнее посещение — 18 мая 2011 г.).

[96] Азаров сдаст России еще и урановые месторождения.*Украина сегодня*. 2010, 21 мая, http://www.ua-today.com/modules/myarticles/print_storyid_33151.html (последнее посещение — 17 мая 2011 г.).

[97] Новоконстантиновское месторождение географически располагается в районе г. Желтые Воды (Украина), там же, где была выбрана площадка для строительства завода по производству ядерного топлива.

[98] Украина намерена привлечь РФ к разработке Новоконстантиновского месторождения урана. *РБК–Украина.* 2007, 21 августа, http://news.bigmir.net/business/3129/(последнее посещение — 20 мая 2011 г.).

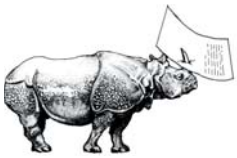
[99] Татьяна Гожулянина. Новости атомной энергетики. Перспективы сотрудничества. Официальный сайт ВостГОК, http://vostgok.com.ua/index.php?go=news38 (последнее посещение — 18 мая 2011).

[100] Там же.

[101] В. Путин и Н. Азаров обсудят в Сочи 30 апреля вопросы развития сотрудничества между РФ и Украиной, http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100429220216.shtml (последнее посещение — 3 мая 2011 г.).

[102] World Nuclear Association. Russia's Nuclear Fuel Cycle. International Cooperation, http://www.world-nuclear.org/info/inf45a_Russia_nuclear_fuel_cycle.html#International_Outlook (последнее посещение — 30 апреля 2011 г.).

[103] Yury Yudin. Multilateralization of Nuclear Fuel Cycle: Assessing the existing proposals. UNIDIR/2009/4. Geneva: UNIDIR, 2009. P. 26.



Владимир Орлов

ОТ ФУКУСИМЫ И ПАРЧИНА — К ХЕЛЬСИНКИ И ПРО

«Первый Препком — комом». Действительно, первая сессия Подготовительного комитета (Препкома) к Обзорной конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) подвержена высокому риску провала: участники ДНЯО как бы разминаются в начале обзорного цикла, встречаясь спустя два года после Обзорной конференции. Комом вышел первый Препком предыдущего обзорного цикла, в 2007 г., когда дискуссия зависла на сугубо организационных моментах, и у сторон не было политической воли двинуться хоть на йоту вперед.

Препком-2012, тоже венский, как и в 2007 г., *комом* не вышел, провалом не стал. Если не ожидать от первого Препкома чудес — а чудес на Препкомах по определению ждать не стоит, как и вообще преувеличивать их роль в обзорном процессе, то венский Препком прошел неплохо и завершился скорее на позитивной ноте.

Напряженно работал секретариат, тон задавал трудолюбивый председатель первого Препкома австралийский посол Питер Уолкотт. И не нашлось желающих поставить ему подножку: иранский посол при МАГАТЭ Али Асгар Солтанийе был увлечен кулуарными дебатами, подготавливая визит гендиректора МАГАТЭ Юкия Амано в Иран, и у него явно не было инструкций из Тегерана идти на обострение; египтяне тоже работали кулуарно, хотя и часто брали слово — прежде всего от имени 116 государств Движения неприсоединения (ДН).

Помимо ДН, на Препкоме проявили себя еще две неформальные группировки — давно функционирующая, да так и не раскрывшая, к удовлетворению государств–обладателей ядерного оружия, свой потенциал Коалиция за новую повестку дня (Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, Швеция и Южная Африка) и Инициатива по нераспространению и разоружению (Австралия, Канада, Чили, Германия, Япония, Мексика, Нидерланды, Польша, Турция и ОАЭ).

Впрочем, первый Препком не подразумевал серьезной дискуссии по проблемам выполнения заключительного документа Обзорной конференции 2010 г., включая План действий в области ядерного разоружения, и звучали вполне предсказуемые заявления: от приветствий в адрес России и США в связи с вступлением в силу нового СНВ до критических замечаний в их же адрес, что процесс ядерного разоружения идет слишком медленно и рискует вообще застопориться.

Три слова, которые чаще всего звучали либо в выступлениях, либо в кулуарах Препкома, были *Фукусима*, *Парчин* и *Хельсинки*. И вот почему.

Авария на японской АЭС *Фукусима-1* пришлась как раз на отчетный период для этого Препкома. Она дала повод многим государствам провести ревизию взглядов на *ядерный ренессанс*, достаточно радужных в мае 2010 г. и уже куда более скепти-

ческих в мае 2012 г. В то же время год, отделивший участников Препкома от аварии на Фукусиме, позволил сделать эту ревизию более хладнокровной и взвешенной. Препком, как и предшествовавший ему Саммит по ядерной безопасности в Сеуле, еще раз показал, что взгляды большинства государств–участников ДНЯО обращены все-таки в сторону атомной энергетики; ее будущее не ставится под сомнение, если, конечно, более жесткие подходы к безопасности объектов атомной энергетики будут воплощены в жизнь как урок Фукусимы.

Парчин редко звучал в зале заседаний, зато именно о нем постоянно говорили в кулуарах Препкома. Пустят или не пустят иранцы инспекторов МАГАТЭ на все задворки этого военного завода? По сути, Парчин стал временной лакмусовой бумажкой, по которой замерялась серьезность намерений Ирана по поиску компромисса и развязок вокруг своего ядерного досье. Большинство вовлеченных в иранскую проблематику делегатов склонялось к тому, что сейчас впервые появились хорошие шансы начать развязывание, узел за узлом, иранской ядерной проблемы и что апрельское заявление, сделанное шестеркой в Стамбуле о том, что решение этой проблемы должно базироваться на нормах ДНЯО, является хорошей отправной точкой. Но одновременно некоторые наиболее проницательные делегаты обращали внимание на нервозность в той части зала, где была табличка «Соединенные Штаты»: казалось, что между Вашингтоном и Веной не всегда была отлажена коммуникация или же что американская делегация вообще прибыла в Вену без инструкций.

Наконец, *Хельсинки*. В отсутствие других интриг интрига вокруг судьбы Конференции по зоне, свободной от ОМУ и средств его доставки (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, которая решением Обзорной конференции 2010 г. должна состояться в текущем году, особенно занимала делегатов. С сообщением о проделанной работе выступил спецкоординатор финн Лааява. Хотя он был назначен еще в октябре прошлого года, сказать ему оказалось почти что нечего. Мне рассказывали, что Лааява, чувствуя, насколько малы шансы на успех предприятия, именуемого «Конференция 2012 г. по ЗСОМУ», предпочитает воспринимать свою работу как игру в шахматы, интеллектуальную тренировку. Это — правильный подход, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно проведенные месяцы бесед со странами региона и другими ключевыми игроками. Но *драйва* от Лааявы точно не ощущается, а это резко снижает настрой на поиск решений в преддверии того, что еще имеет шансы стать конференцией по ЗСОМУ. В своих 28 пунктах, обращенных к участникам Препкома, Лааява не сказал ни о времени проведения конференции, ни о возможных контурах повестки дня… слишком скудно для отчета о полугодовой работе.

Многие из делегатов Препкома знали или догадывались, какому нажиму подвергается спецкоординатор с тем, чтобы конференция вообще не состоялась в установленные сроки. Называется масса причин, почему 2012 год — это нереально. Главная причина, конечно же, — продолжающаяся нестабильность на Ближнем Востоке, продолжающееся брожение, порожденное *арабской весной*. Конечно, говорят и о том, что *в* нынешних условиях Израиль пока не готов приехать в Финляндию…

Полагаю, что в самой американской администрации нет единства по поводу вопроса, проводить или не проводить конференцию по ЗСОМУ в текущем году. Не раскрою тайны, если напомню, что вообще-то 2012 г. появился в документе Обзорной конференции 2010 г. с подачи Соединенных Штатов (египтяне были готовы к 2013 г.). Возглавлявшая делегацию США Эллен Таушер и сейчас (в начале мая с. г.) говорит мне о том, что конференция *должна* состояться в 2012 г. Но ряд ее коллег по администрации — иного мнения. В Вашингтоне не чувствуют в себе сил, по крайней мере на период обамовской предвыборной кампании, уговорить Израиль принять полноценное участие в конференции в Финляндии.

В заложниках этой вашингтонской неопределенности оказались все участники первого Препкома. Лааява стремился показать, что *процесс идет*, что, как хлад-

нокровный северный человек, он просто предпочитает не спешить, не *ажитировать*... Арабские участники Препкома воспринимают его усилия с сочувствием, без критики, но — с нарастающим разочарованием. Впрочем, похожее разочарование вызвал доклад Лааявы и в целом в зале. На вопрос о том, есть ли у спецкоординатора свои домашние заготовки — например, проект повестки дня конференции, который мог бы стать основой для дальнейшей работы по ее практической подготовке, Лааява отвечает отрицательно.

Не определен даже круг тех государств, которые будут приглашены на Конференцию. Здесь определенный прогресс есть. Так, становится ясно, что определение Ближнего Востока будет использоваться то же, что в документах конца 1980-х гг. Это означает, что ящик Пандоры не откроют, и что ни Турция, ни Пакистан в качестве полноправных участников конференции приглашены не будут. А как быть с Палестинским государством? Спецкоординатору советуют: *пригласить* надо всех региональных игроков, без изъятия. А там уж дело каждого — ехать или не ехать.

Иран пока официально не подтвердил своего участия в конференции. В то же время по неофициальным каналам иранцы сигнализируют, что серьезных препятствий для их приезда в Финляндию не существует, особенно в случае дальнейшего прогресса на переговорах с *шестеркой*.

Те делегации на Препкоме, которые имеют прямое отношение к Конференции по ЗСОМУ (а, помимо государств региона, это США, Великобритания и Россия), пока заштриховали в своих календарях карандашом несколько чисел — вряд ли больше недели — во второй декаде декабря. Но — не более чем карандашом, и ластик всегда под рукой. *Wall Street Journal* в последний день Препкома вышла с характерной статьей, где обсуждалось, что Препком не приблизил, а лишь еще больше отдалил возможность Конференции по ЗСОМУ; грамотные утечки.

И все понимают, что, даже если Конференция по ЗСОМУ все-таки соберется в определенный ей решением государств–участников ДНЯО от 2010 г. срок, это не будет результатом, но лишь началом затяжного процесса, следующие этапы которого могут быть ежегодными, а конечная цель — формирование на Ближнем Востоке ЗСОМУ — в Хельсинки-2012 вряд ли имеет шанс стать ближе.

Эффективный председатель Препкома Уолкотт, не имея отягчающих обстоятельств в повестке дня, завершил Препком динамично, на полдня раньше намеченного. Вообще, ритм Препкомов наводит на мысль: а не поторопились ли участники конференции 1995 г., когда решили удлинить Препкомы и нагрузить их дополнительными функциями? За исключением третьего Препкома, который предшествует конференции и несет на себе серьезную смысловую нагрузку, два предыдущих могли бы вполне укладываться в неделю каждый.

Однако, когда председатель уже завершал свою работу и традиционно предоставил слово для финальных комментариев немногочисленным желающим, тревожная струна вдруг зазвучала. Не уверен, что ее услышало большинство делегаций, которые мыслями были, должно быть, уже на обеде или на пути в аэропорт. Еще менее уверен, что ее услышало большинство делегаций, потому что перевод на английский был скверный: вероятно, и переводчик был мыслями где-то еще (случай, нетипичный для такого уровня мероприятий). А между тем слово взял глава российской делегации Михаил Ульянов и сделал два важных заявления.

Первое было связано с Хельсинки-2012. Россия жестко отмежевывалась от тех, кто ставил под сомнение целесообразность проведения Конференции по ЗСОМУ в текущем году. Надо работать над приближением конференции, а не находить оправдание для того, чтобы провалить ее, не начав, — такова была главная мысль Ульянова. Конечно, в зале было известно о разногласиях между Россией и США по вопросу о конференции по ЗСОМУ. Но часть делегаций удивлялась, почему Россия вела себя так мягко, не желая прилюдно критиковать американцев. Теперь они удивились максимально жесткому тону России — если только смогли преодолеть преграды некачественного перевода.

Но это было еще далеко не все. В своем выступлении за несколько минут до завершения Препкома глава российской делегации по сути поставил под вопрос возможность реализации Статьи VI ДНЯО в том виде, как это ожидается, в частности, в результате решения Обзорной конференции 2010 г., так как Соединенные Штаты и НАТО взяли курс на торпедирование взаимосвязи между наступательными и оборонительными вооружениями через формирование глобальной системы ПРО.

Трудно в это поверить, но *ПРО*, в отличие от Хельсинки или Парчина, не было ключевым словом все эти две венские недели, о нем как-то предпочли подзабыть, а российская делегация до поры до времени тоже тему ПРО не педалировала. Складывалось впечатление, что в зале царит благодушное нежелание углубляться в вопросы противоракетной обороны, мол, поворчит-поворчит Россия, да и проглотит. Заявление Ульянова должно было перечеркнуть это благодушие: о какой Статье VI, о каком дальнейшем разоружении говорить, если основы стратегической стабильности будут подорваны? (В этот же день стало известно о том, что Владимир Путин не поедет на *восьмерку* в Кэмп-Дэвид).

Не знаю, многие ли услышали в зале этот сигнал. Но как минимум одна делегация не просто услышала, но выступила со своим заявлением, где также жестко критиковала планы США в области ПРО, развивая мысль российских коллег. Это была делегация Китая.

ПРОТИВОБОРСТВО КИТАЯ И США В АЗИИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

В мае 2012 г. состоялся четвертый раунд китайско-американского стратегического и экономического диалога. Стороны согласились начать стратегические консультации по азиатским вопросам — таким образом, АТР переместился в центр стратегического диалога двух стран. Однако диалог и сотрудничество — далеко не единственная сторона взаимодействия Китая и США в данном регионе.

В начале 2012 г. Азиатско-Тихоокеанский регион был объявлен важнейшей зоной интересов США. В апреле произошло обострение территориальных противоречий между Китаем и военным союзником США Филиппинами в Южно-Китайском море; были проведены масштабные военно-морские учения России и КНР. Китай продолжает наращивать военную мощь и увеличивать военный бюджет, а США не упускают возможности усилить свои позиции в регионе путем укрепления союзных военно-политических связей с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Австралией.

Таким образом, в американо-китайских отношениях в Азии присутствует переплетение взаимозависимости и соперничества. Насколько долгосрочна эта тенденция? Может ли соперничество двух держав спровоцировать в регионе опасную поляризацию сил? Какова реакция региональных игроков на различные перипетии отношений США и Китая? Какой должна быть в данной ситуации позиция России? Об этом размышляют участники расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, проведенного совместно с Центром АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ.

В дискуссии приняли участие старший научный сотрудник ИМЭМО РАН В. Б. ***Амиров****, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН А. В.* ***Воронцов****, профессор кафедры востоковедения, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ А. Д.* ***Воскресенский****, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД РФ Ю. А.* ***Дубинин****, директор Московского филиала Фонда Макартуров И. А.* ***Зевелев****, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН Е. А.* ***Канаев****, профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ С. И.* ***Лунев****, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН Д. В.* ***Мосяков****, президент ПИР-Центра В. А.* ***Орлов****, научный сотрудник ПИР-Центра, редактор международного издания журнала Индекс Безопасности Е. Н.* ***Петелин****, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ Н. В.* ***Стапран****, директор Центра АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ В. В.* ***Сумский****, ведущий научный сотрудник отдела исследований современной Азии РИСИ В. Ф.* ***Терехов****, декан гуманитарного факультета МИФИ, директор Института международных отношений, профессор кафедры*

международных отношений Б. М. ***Тулинов****, член дирекции ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН Г. И.* ***Чуфрин****.*

ВИКТОР СУМСКИЙ (ЦЕНТР АСЕАН ПРИ МГИМО): Тема нашего заседания внешне выглядит как региональная, но по существу она глобальная, и связано это с целым рядом обстоятельств. *Во-первых*, центр мировой экономической активности перемещается в Восточную Азию, и поэтому проблемы этого региона неизбежно приобретают глобальные измерения. *Во-вторых,* смещение центра мировой экономической активности в этом направлении и темпы этого смещения стали результатом бурного роста Китая. Именно усиление его региональных позиций дает эффект превращения в глобального игрока. Кое в чем он не только сравнялся с такими экономическими гигантами, как США и Япония, но и превзошел их: в 2010 г. показатель товарооборота КНР со странами АСЕАН приблизился к 300 млрд долл. (у США этот показатель вдвое меньше). *В-третьих*, во всем, что Китай и США делают за пределами Восточной Азии, США так или иначе руководствуются фактором Китая, Китай — фактором США. Поэтому тему отношений США и Китая в Азии нужно ставить в более широкий контекст, частью которого будут и ЕвроПРО, и *арабская весна*, плавно переросшая в арабскую осень, и другие события подобного масштаба.

На первый план выходит сложнейшее переплетение взаимозависимости и соперничества в американо-китайских отношениях. Насколько долгосрочна эта тенденция? Вероятно ли перерастание этого соперничества в опасную поляризацию региональных сил, которая могла бы раскачать азиатскую экономическую лодку? Какова реакция региональных игроков на различные перипетии отношений США и Китая? Каким пространством маневра располагают региональные игроки в условиях нарастающего американо-китайского противоборства?

Россия уже достаточно четко обозначила свой интерес в Восточной Азии, связав его с проблемой модернизации дальневосточных и сибирских территорий. Россия естественным образом не заинтересована в том, чтобы под влиянием противоречий между двумя державами ситуация в Восточной Азии обострялась, негативно отражаясь на экономическом самочувствии региона. Не может Россия и целиком присоединяться к одной из сторон в случае нарастания противоборства. Что же мы реально могли бы сделать для ослабления тенденции к поляризации?

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ПРОЕКЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ВЛАДИМИР ТЕРЕХОВ (РИСИ): Американо-китайские отношения — это проблема номер один в современной внешней политике. От того или иного разрешения этой проблемы будет зависеть ответ на ключевой вопрос истории — вопрос о войне и мире, о возможности большой и серьезной войны. Предыдущая геополитическая игра, известная как холодная война, окончена. Сегодня закладываются основы новой такой игры — главным образом, в АТР. Ее основным содержанием становится сложный комплекс американо-китайских отношений.

Общая направленность этих отношений определяется влиянием двух эффектов, действующих прямо противоположным образом. Первый из них, связанный с *благотворным влиянием торговли*, ассоциируется с именем великого философа эпохи Просвещения Шарля Монтескье: в середине XVIII в. он предложил европейцам, измученным непрерывными войнами, больше торговать, и тогда просто не останется времени на войны. Второй можно назвать *эффектом Фукидида*[1]. Он выражается в том, что усиление позиций одного государства влечет за собой враждебность другого. Воздействие этих эффектов испытывают и японо-китайские, и китайско-индийские отношения, да и отношения между большинством других стран на протяжении веков.

Тезис об экономической взаимозависимости США и Китая обоснован. Каждая из этих стран друг для друга — второй по значимости (после Европейского Союза) торговый партнер. Китай является главным держателем американских долговых обязательств, обладает огромным валютным резервом в долларах. Правда, в сфере экономических отношений имеются и серьезные проблемы. Основной из них США считают манипулирование обменным курсом юаня по отношению к доллару со стороны Китая, с чем якобы связано гигантское отрицательное сальдо двусторонней торговли для США. На требования США повысить курс юаня Китай отвечает, что его экспортно-ориентированная экономика и так работает на грани рентабельности (всего несколько процентов). В целом экономическая взаимозависимость США и Китая — гарантия пусть конкурентного и сложного, но продолжительного мирного сосуществования.

На этом фоне, однако, проступает все больше признаков того, что начинает работать *эффект Фукидида*. Значительная часть американского истеблишмента встревожена всесторонним и быстрым развитием Китая. Позиция нынешней администрации двояка. С одной стороны, она стремится побудить КНР к встраиванию в существующий миропорядок в качестве ответственного участника, с другой — придерживается *стратегии страхования рисков* чуть ли не по всему периметру китайских границ (исключая, разумеется, границу с Россией). На это указывает, в частности, программная статья Хиллари Клинтон в журнале *Foreign Policy*[2].

Негативная реакция Китая на подобное поведение носит не только вербальный характер. Когда после таинственного потопления корвета *Чхонан* США начали серию военных учений на Корейском полуострове и в окружающем его водном пространстве, Китай провел собственные масштабные военные учения с участием всех видов вооруженных сил.

ЕВГЕНИЙ ПЕТЕЛИН (ПИР-ЦЕНТР): Может сложиться впечатление, что баланса между китайско-американским соперничеством и сотрудничеством не существует. Я хотел бы на примере китайско-американских отношений в сфере энергетики продемонстрировать не только точки соприкосновения интересов, но и необходимость поддержания стабильных взаимоотношений между двумя странами.

Прежде всего, Китай и США являются крупнейшими в мире потребителями первичной энергии. Долгое время США занимали первую позицию, в 2,5 раза опережая ближайших конкурентов — Россию и Китай, в 4 раза — Японию и Германию. Только в 2009–2010 гг. Китай (2,4 млрд т) опередил США (2,3 млрд т) по потреблению энергии. Отношения между крупнейшими потребителями энергии предполагают конкуренцию за сферы влияния в различных регионах мира с целью доступа к энергетическим ресурсам, а также территориальные споры.

Но в энегетических отношениях с США у Китая сегодня другие приоритеты. Текущая 12-я пятилетка (2011–2015 гг.) — крайне важный период для развития КНР, поскольку именно в этот период Китаем будет пройдена так называемая *точка Льюиса* — пик максимальной доли населения в рабочем возрасте. В последующие годы эта доля будет только снижаться. Другими проблемами роста китайской экономики сегодня являются дефицит энергоресурсов и стремительное ухудшение экологической ситуации. Чтобы продолжить развитие, стране необходим переход от экстенсивной к интенсивной модели, что в энергетической сфере предполагает построение высокоэффективной низкоуглеродной экономики. Это требует от Китая развертывания конструктивного диалога с развитыми странами (прежде всего, с США) для поиска соответствующих технологий и инвестиций.

Сотрудничество Китая с Соединенными Штатами в энергетике развивалось на протяжении трех десятилетий. Первые контакты были предприняты еще в конце 1970-х гг. В 1997 г. в силу вступило соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Его целью было усиление сотрудничества по вопросам развития ядерных технологий и ядерного нераспространения. Тем

не менее, сотрудничество было прекращено после так называемого *Доклада Кокса* и последующих обвинений в китайском ядерном шпионаже.

Сотрудничество было возобновлено лишь в мае 2004 г., когда стороны подписали меморандум о взаимопонимании по вопросу сотрудничества в области энергетической политики. Первые встречи в рамках меморандума прошли в 2005 и 2006 гг. Министр энергетики США Сэмюел Бодман заявил, что США и КНР должны укреплять сотрудничество в области энергетической безопасности, способствующее экономическому росту двух стран. США призывают Китай совместными усилиями отвечать на вызовы, стоящие перед глобальным энергетическим рынком.

В 2006 г. состоялся первый китайско-американский форум по вопросам глобальной экономики, в повестке дня которого первое место заняли вопросы энергетической безопасности, механизмов энергетического рынка и сотрудничества в области чистой энергетики. Форум положил начало американо-китайскому стратегическому экономическому диалогу, результатом которого явилось подписание в декабре 2006 г. протокола по энергетической эффективности и возобновляемой энергии и меморандума о взаимопонимании, предполагающего закрепление за корпорацией *Westinghouse* возможности строительства четырех энергоблоков *AP-1000* в Китае. Это должны были быть первые энергоблоки третьего поколения в Китае. Меморандум также предполагал возможность передачи технологии. Сегодня энергоблоки находятся в стадии строительства.

В ноябре 2009 г. во время визита президента США Барака Обамы в Пекин стороны согласовали семь совместных программ и инициатив в области чистой энергетики. Речь идет о создании Американо-китайского исследовательского центра чистой энергетики, инициативе по совместной разработке и выпуску электромобилей, совместном плане действий в области энергоэффективности, программе американо-китайского партнерства по возобновляемым источникам энергии, инициативе «Уголь XXI века», инициативе по сланцевому газу и программе американо-китайского энергетического сотрудничества.

Остановлюсь подробнее на самых важных из этих программ.

Американо-китайский исследовательский центр чистой энергетики учрежден в январе 2011 г. В течение 5 лет в фонд Центра решено вложить 150 млн долл. для развития новых энергетических технологий.

Совместный план действий в области энергоэффективности предполагает разработку системы норм и проверок для промышленных предприятий, обмен опытом в сфере маркирования предприятий по уровню энергоэффективности, а также ежегодное проведение Американо-китайского форума по энергоэффективности. В рамках данного плана действий создан и функционирует Китайско-американский союз по проблемам энергоэффективности — некоммерческая организация, объединяющая ключевых экспертов в области энергоэффективности обеих стран. В сотрудничестве с Государственным советом по защите природных ресурсов США союз разработал первую широкомасштабную программу по внедрению технологий энергоэффективности в провинции Цзянсу (Китай). Позднее такие программы были разработаны для Пекина и Шанхая.

Американо-китайское партнерство по возобновляемым источникам энергии предполагает предоставление технологических и аналитических ресурсов, а также обмен опытом в рамках взаимодействия между региональными субъектами обеих стран для поддержки развития возобновляемых источников энергии. В рамках партнерства, в частности, в 2009 г. подписано соглашение по строительству солнечной электростанции мощностью 2 ГВт между *First Solar* и местным правительством Ордоса (Внутренняя Монголия). Проект является частью программы строительства особой демонстрационной зоны в Ордосе с солнечными, ветровыми, водными электростанциями и электростанциями на биомассе совокупной мощностью 11,95 ГВт.

Наиболее интересной для Китая является инициатива по продвижению сотрудничества в области чистого использования угля — «Уголь XXI века». Ведь именно уголь, имеющий в китайском энергобалансе долю до 70%, является основной причиной ухудшения экологической ситуации в стране. Практические шаги в рамках инициативы включают:

- грант Агентства по торговле и развитию США китайской фирме *China Power Engineering and Consulting Group Corporation* на разработку исследования по строительству электростанции комбинированного цикла комплексной газификации в Китае с использованием американских технологий;
- соглашение с американской компанией *Peabody Energy* о ее участии в *GreenGen*, партнерском проекте нескольких крупных китайских энергетических компаний с целью разработки угольной электростанции с нулевыми выбросами[3];
- создание совместного предприятия между *General Electric* и китайской компанией *Shenhua Group*, которое будет заниматься развитием проектов газификации угля и других соответствующих технологий;
- соглашение между американской AES (через дочернюю компанию *Climate Solutions Asia*) и китайскими фирмами *Shenzhen Dongjiang Environmental Recycled Power Company* и *Songzao Coal and Electricity Company* о создании совместного предприятия по использованию метана, отводимого из угольной шахты в Чунцине, для выработки электроэнергии и сокращения выбросов парниковых газов.

Важным технологическим вызовом для китайских компаний на континенте является разведка и добыча сланцевого газа[4]. При этом у американских энергетических корпораций имеется значительный опыт в этой сфере. Инициатива по сланцевому газу предполагает использование опыта США, проведение совместных исследований по разработке потенциальных запасов сланцевого газа в КНР, а также привлечение инвестиций в эту сферу. Так, в феврале 2012 г. компания *Шеврон* заявила о начале совместной с китайскими партнерами разведки месторождений сланцевого газа в Китае в Цяньнаньском бассейне (Гуйчжоу).

Наглядным примером реализации сотрудничества между американскими и китайскими компаниями служит проект газовой электростанции *Таи Янгун* (Пекин), которую отличают высокая эффективность и низкие выбросы (эффективность электростанции — 58–79%, в то время как по стране средний показатель 45%). Электростанция построена к Олимпиаде-2008 в Пекине и оборудована турбинами с использованием технологий *General Electric*.

Важную роль в продвижении энергетического взаимодействия между Китаем и США сыграли региональные структуры, прежде всего АТЭС. Энергетическое сотрудничество в рамках АТЭС с 1990 г. координируется постоянным секретариатом рабочей группы по энергетике. В рамках энергетического направления деятельности АТЭС функционирует Азиатско-Тихоокеанский энергетический исследовательский центр, создаются специализированные рабочие группы по направлениям — статистические обзоры, энергетическая эффективность и энергосбережение, экология энергетики, обмен технологиями, разработка минерально-сырьевых ресурсов. По итогам дискуссий в рамках АТЭС была сформулирована Инициатива в области энергетической безопасности, первый вариант которой был одобрен в 2001 г. на саммите АТЭС в Шанхае. Итоговый документ 2004 г. представляет собой комплекс краткосрочных и долгосрочных мер, нацеленных на обеспечение бесперебойного снабжения экономик АТЭС энергоносителями. Содержание Инициативы расширялось в соответствии с рекомендациями министров энергетики АТЭС и лидеров экономик-участниц. Инициатива нацелена на развитие сотрудничества в области мониторинга, обработки и обмена данными

о мировом производстве и потреблении углеводородов, на создание стратегических топливных резервов, на диверсификацию источников энергии и пропаганду использования СПГ, на повышение роли ядерной энергетики, энергоэффективности, внедрение альтернативных источников энергии и новых энергосберегающих технологий, на обеспечение безопасности морских коммуникаций.

Кроме того, в январе 2006 г. между Китаем, США, Австралией, Индией и Южной Кореей создано Азиатско-Тихоокеанское партнерство в области чистого развития и климата. Целью партнерства является разработка зеленых технологий, обеспечение энергетической безопасности и борьба с загрязнением атмосферы.

Рассуждая о конфликтном потенциале между странами, важно принимать во внимание их ключевые интересы и задачи развития. Энергетическая сфера взаимодействия между Китаем и США наглядно демонстрирует возможности развития насыщенного конструктивного диалога, сдерживающего конфликтные тенденции в рамках двусторонних отношений.

ВЯЧЕСЛАВ АМИРОВ (ИМЭМО РАН): Придя к власти в США в начале прошлого десятилетия, администрация Джорджа Буша-младшего сделала стратегический выбор в пользу поддержки вступления Китая во Всемирную торговую организацию. В целом же внимание этой администрации концентрировалось на Афганистане и Ираке, в ущерб Юго-Восточной Азии и Восточной Азии вообще. Администрации Барака Обамы пришлось заново поворачиваться к этому региону. Именно туда отправилась в свою первую зарубежную поездку госсекретарь Хиллари Клинтон, сделавшая это вполне намеренно. В своей недавней статье для журнала *Foreign Policy* она пишет, что США потратили 60 лет на строительство трансатлантической безопасности, теперь же переходят к строительству тихоокеанской безопасности и приложат к этому необходимые усилия. Понятно, что это связано с Китаем. Кстати, о России, о российских интересах в регионе, о котором сегодня идет речь, в статье, как и во многих выступлениях тех или иных представителей США, не говорится ни слова. Это тоже нужно иметь в виду.

Соединенные Штаты при первой администрации Буша попытались активизировать свое участие в различных экономических интеграционных форматах в АТР, но мало что получилось. Поэтому нынешней администрации пришлось в срочном порядке продавливать подписание соглашения о свободной торговле с Южной Кореей, которое *зависло* в Конгрессе. Идея создания Транстихоокеанского партнерства (которая возникла без участия США, но которой США в последнее время начали уделять пристальное внимание) связана с тем, что Китай сначала удивил Японию предложением заключить соглашение о свободной торговле со странами АСЕАН, а затем продвинулся в этом быстрее Японии. Затем последовало предложение о создании финансового пула в Восточной Азии (что можно считать откликом на финансовый кризис 1997–1998 гг., больно ударивший по целому ряду стран региона).

Продвижение идеи Транстихоокеанского партнерства (ТТП) — это попытка Соединенных Штатов перехватить инициативу. В последние годы произошла активизация политики альянсов, в частности в отношениях США с Индией, Японией и Южной Кореей, а также Австралией. Размещение воинских контингентов в Австралии (2500 человек) — продолжение курса на перегруппировку американских вооруженных сил на Тихом океане, одобренного Дональдом Рамсфельдом еще в 2004 г. Это долгосрочная стратегия создания инфраструктуры, которая бы позволяла вооруженным силам США быстрее и более гибко реагировать на различные ситуации, возникающие в регионе (вплоть до природных катаклизмов). Все эти шаги — прежде всего ответ на активизацию Китая, на повышение удельного веса Китая в экономике и в региональных делах, на постепенный переход Китая к более активной внешней и внешнеэкономической политике.

И все же отношения Соединенных Штатов и Китая носят скорее характер стратегического взаимодействия, чем конфронтации. С точки зрения интересов России это гораздо выгоднее, чем любая конфронтация между этими государствами. Конфронтация неинтересна и для других партнеров США и Китая в данном регионе.

2011 г. показал нам смену акцентов. Например, визит Ху Цзиньтао в начале года проходил уже в менее формальной обстановке, чем до этого проходили визиты руководителей КНР в США. В 2011 г. активизировался диалог по военной линии. Впервые состоялась конференция губернаторов Соединенных Штатов и руководителей китайских провинций. Большой шаг вперед — это разделение стратегического диалога на собственно стратегический и экономический. В 2011 г. была достигнута договоренность о начале диалога по вопросам АТР. И опять же, Россию здесь не видят. Нам необходимо сделать все возможное для того, чтобы не остаться в стороне от идущих в регионе процессов.

ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ: ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АЗИИ

ТЕРЕХОВ: Опасная двусмысленность в нынешнем состоянии американо-китайских отношений нигде не проявляется столь отчетливо, как в Тайваньской проблеме. За 60 с лишним лет Китай ни на шаг не приблизился к решению своей стратегической задачи — присоединению Тайваня. Само содержание Тайваньской проблемы сводилось к принципиальной несовместимости исходных позиций США и Китая. Дуглас МакАртур на слушаниях в Конгрессе в 1951 г. сказал: «Потеря Тайваня отодвинет наши границы до побережья Калифорнии». Вполне вероятно, что такое отношение определяет позиции США и на сегодняшний день. КНР же рассматривает Тайвань в качестве своей неотъемлемой территории, а процесс восстановления территориальной целостности считает своим внутренним делом. Изменения в стиле публичной риторики не привели к изменению содержательной ее стороны.

После избрания в 2008 г. на пост президента Тайваня Ма Инцзю, руководителя партии Гоминьдан, начался процесс снижения напряженности в Тайваньском проливе, сопровождавшийся стремительным ростом двусторонней торговли и взаимных инвестиций. В 2010 г. было заключено рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве. Судя по всему, стратегической целью Ма Инцзю является снижение уровня военного противостояния в Тайваньском проливе и максимально долгое сохранение специфического, де-факто независимого статуса Тайваня при дальнейшем развитии крайне выгодных торгово-экономических связей с КНР. Напомню, что Ма Инцзю давно придерживается *принципа трех нет*, а именно: нет независимости, нет воссоединению, нет угрозе военной силой. Это никак не согласуется со стратегией Китая по присоединению Тайваня. К маневрам вокруг Тайваньской проблемы вполне может подключиться такой весомый региональный игрок, как Япония. Тайваньская проблема влияет на все другие проблемы в отношениях Китая и с соседними странами, и с Соединенными Штатами. Я пока не вижу бесконфликтного выхода из нее.

Районом взаимных военных демонстраций становится Южно-Китайское море, где между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии уже длительное время ведутся споры по поводу принадлежности архипелага Спратли. Этот архипелаг занимает исключительно важное стратегическое положение, поскольку находится вблизи важнейшего маршрута транспортировки углеводородов (в Японию по этому пути поступает около 90% углеводородов из Персидского залива). Кроме того, в районе архипелага залегают крупные запасы нефти и газа, которые уже частично разрабатываются Китаем, Филиппинами, Вьетнамом.

СУМСКИЙ: Проблема Южно-Китайского моря используется нынешней администрацией США — и используется эффективно — для целей, для которых рань-

ше не удалось использовать ни Тяньаньмэнь, ни Тибет, ни Тайвань, ни Синьцзян, ни секту Фалунгунь, ни Нобелевскую премию мира. Ведь соответствующие вопросы муссировались американцами с целью вбить клин между Китаем и остальной Азией. Ухватившись за проблему Южно-Китайского моря, они наконец-то добились своего.

За последние три года Китай не высказывал применительно к островам Южно-Китайского моря никаких претензий, которых он не высказывал бы в прошлом. Тем не менее, упорно делается акцент на том, что *агрессивность* Китая возрастает, и он становится источником угрозы для региональных соседей. А они весьма восприимчивы к подобным посылам, ибо исключительные экономические успехи Китая вызывают неоднозначные чувства. Опасения по поводу того, что рано или поздно эти успехи обернутся демонстрацией военной силы, прямо-таки витают в воздухе.

Вместе с представлениями о растущей китайской агрессивности насаждается представление об исключительной важности, в связи с проблематикой Южно-Китайского моря, таких вещей, как *безопасность морских коммуникаций* и *свобода судоходства*. Подобными клише пестрит сегодня огромное количество материалов, посвященных Южно-Китайскому морю. С моей точки зрения, вопрос о безопасности морских коммуникаций абсолютно надуман. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не нарушались и не будут нарушены в этой акватории, через которую проходит, по разным данным, от 2/5 до половины всей мировой морской торговли, а также перевозятся огромные партии углеводородов. Суть дела в том, что морские коммуникации не являются собственностью какого-то отдельного государства или участника мировой торговли, они являются общим достоянием. В их безопасности заинтересованы все — и Китай, и США, и Япония, и если бы каким-либо образом их безопасность была нарушена, мы бы мгновенно узнали это по резкому ухудшению состояния мировой экономики. На морских коммуникациях в Южно-Китайском море все спокойно, и все инциденты, которые там происходят, к морским коммуникациям как таковым отношения не имеют.

А вот проблема свободы судоходства действительно есть. Дело в том, что США под свободой судоходства понимают свободу ведения военной деятельности в чужих 200-мильных экономических зонах. Вести эту деятельность именно в Южно-Китайском море для американцев важно по той причине, что на острове Хайнань обустраивается одна из главных баз военно-морского флота КНР, в том числе подводного. Замеры конфигурации дна, глубин и других показателей, на основе которых можно было бы вычислять маршруты движения китайских подводных лодок, делаются американскими кораблями-разведчиками чуть ли не в ежедневном режиме.

Протяженное тихоокеанское побережье Китая обложено еще с начала 1950-х гг. американскими военными базами так, что реально развернуться в военно-морском отношении он может лишь в акватории Южно-Китайского моря. Перспектива превращения Китая в военно-морскую державу, перспектива создания глубоководного флота связана именно с этой акваторией. Оттого он и претендует на то, чтобы владеть ею целиком.

В общем, американцы сумели оформить свою линию поведения применительно к Южно-Китайскому морю с помощью такой фразеологии, которая позволила им подтянуть к себе поближе страны АСЕАН. Осязаемые результаты американского *маневрирования* вокруг Южно-Китайского моря — трещины по линии Китай–АСЕАН, осложнения в двусторонних отношениях Китая и Вьетнама, осложнения в двусторонних отношениях Китая и Филиппин, внутренние осложнения в самой АСЕАН.

АЛЕКСЕЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ (МГИМО(У) МИД РФ): Я хочу оспорить тезис о том, что ничего не изменилось в отношениях КНР и Тайваня. Напротив, произош-

ли принципиальные вещи. Первое — это рост товарооборота. КНР превратилась в основного торгового партнера Тайваня, поставила его в торгово-экономическую зависимость от себя. Второе — произошло военное усиление Китая. Некоторых японцев это заставило думать о том, что США готовы пожертвовать Японией в случае непредвиденного разворота событий. Тогда что же говорить о Тайване? Китай закупил *Варшавянку* — от 9 до 12 подводных лодок, которые если и не позволяют устанавливать блокаду, то представляют существенную проблему для того, чтобы авианосная группа могла вплотную приблизиться к Тайваню и защищать его. С военно-технической точки зрения, это новый поворот в ситуации вокруг Тайваня.

Что же касается островов в Южно-Китайском море, то и здесь произошли очень большие изменения. Проблема островов была всегда. Однако в последнее время Китай начал строить аэропорты — сейчас на этих островах их уже четыре; у Китая появился самолет *Су-27*; Китай приобрел у Израиля систему дозаправки в воздухе; Китай строит авианосец. Положение об островах в Южно-Китайском море появилось в концепции фундаментальных интересов, а в области фундаментальных интересов Китай на компромиссы не идет.

И наконец, вопрос о судоходстве. Китай всегда болезненно относился к проблемам судоходства через Малаккский пролив. Четыре-пять лет назад китайские военные открыто стали говорить, что поставки нефти через Малаккский пролив — это большая стратегическая проблема. Если посмотреть на карту, то станет понятно, что значит суверенитет над этими островами, оспариваемый шестью странами. Эти острова находятся в 1000 км от Китая и в 500 км от Вьетнама. Что значит «1000 км от Китая»? Это 200 миль экономической зоны, плюс 1000 км, плюс система дозаправки, которая позволяет их военным образом защищать, и получается проекция границ Китая на 1500 км.

СУМСКИЙ: Когда я говорил, что ничего не изменилось, то имел в виду официальную позицию Китая по островам Южно-Китайского моря. Масштабы его притязаний остаются теми же, какими они были 40 лет назад.

Немного о том, откуда пошло представление, что отныне КНР относится к островам Южно-Китайского моря как к предмету своих фундаментальных интересов. В марте 2010 г. в Китай приезжала небольшая делегация Совета национальной безопасности США, чтобы обсудить вопрос о том, как сблизить позиции двух стран по отношению к Ирану, и там обсуждался весь спектр вопросов американо-китайских отношений. Есть данные, что именно тогда — на переговорах с американцами, а не в общении с кем-то из регионального окружения — и прозвучала формула *фундаментальные интересы* применительно к островам Южно-Китайского моря. Характерно, что США не поспешили сообщить об этом остальному миру. Эту честь предоставили японскому агентству *Киодо Цусин* спустя три месяца, накануне очередной сессии Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ). Тем самым была подготовлена почва для выпадов в адрес Китая, которые допустила на заседании АРФ Хиллари Клинтон и которые откровенно раздосадовали китайцев.

СЕРГЕЙ ЛУЗЯНИН (ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН): Хотел бы сделать две небольшие ремарки. Первое: В.Б. Амиров справедливо отметил, что противостояние между Китаем и США невыгодно всем соседним странам, включая Россию. Однако взглянем на проблему с другой стороны. Во время советско-американского противостояния Китай извлек из него максимум выгоды. Сегодня складывается новая дихотомия — китайско-американская. России логичнее было бы отойти в сторону, *сесть на гору*. Две страны не допустят вооруженного противостояния, но политически они будут противостоять друг другу, сдерживать друг друга, и России выгодно было бы наблюдать за этим военным сдерживанием и противостоянием, не участвуя напрямую.

И второе. Я согласен с В.В. Сумским и с А.Д. Воскресенским в том, что Южно-Китайское море — это эпицентр, о котором много пишут и говорят. Сегодня мы наблюдаем новое качество региональной политики Китая, включая политику в отношении Южно-Китайского моря. Важная причина — в том, что США пытаются придать многосторонний характер поискам урегулирования китайско-вьетнамского, китайско-филиппинского и иных территориальных споров. Но Китаю подобные пути урегулирования невыгодны. Ведь и в правовом, и в региональном, и в политическом аспекте такой подход соответствует американским правилам игры. Именно с этим связана более жесткая позиция, которой в последние годы стал придерживаться Китай.

КИТАЙ *VS* США: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНА

ГЕННАДИЙ ЧУФРИН (ИМЭМО РАН): Современные американо-китайские отношения имеют сложный, многоплановый характер. Они развиваются в диапазоне взаимозависимости, в первую очередь, экономической, и конфронтации по политическим и военно-стратегическим и экономическим вопросам. Эти отношения носят динамичный характер. Было бы ошибочно с нашей стороны зафиксировать слепок сегодняшней ситуации и полагать, что на этом развитие отношений США и Китая остановится.

Я полагаю, что нам нужно учитывать еще две группы факторов, которые влияют на характер отношений. Первая группа факторов носит ситуативный характер. Наиболее очевидной в этом плане является внутриполитическая борьба в самих США в преддверии президентских выборов, которая в значительной степени диктует поведение и республиканцев, и демократов, и поведение президента Обамы: он и на Гавайях, и на Бали, и в Австралии. Республиканец Ромни выступает с жесткой критикой Китая, но в то же самое время скупает предприятия в штате Огайо, переносит их на территорию Китая, *выгоняет на улицу* американских рабочих.

Но есть и фундаментальные противоречия. Они характеризуются изменением баланса сил, и это необратимый процесс. Изменение баланса сил наиболее очевидно в экономической и военной сферах. Китай — пока не сверхдержава, но это уже глобальная, а не региональная держава. Соответственно формируется и модус реагирования на все процессы, которые происходят не только вблизи Китая, но и в мире. Для Китая вопрос о безопасности морских коммуникаций гораздо более актуален, чем для Соединенных Штатов. В современных условиях доставки значительной части ресурсов с Африканского континента в Китай этот вопрос приобретает огромное значение. И это определяет, или может определять, динамику отношений России с Китаем, поскольку мы в состоянии предложить наиболее надежные пути доставки энергоресурсов через территорию России и, при нашей поддержке, через территорию Центральной Азии. Открываются реальные возможности развития взаимодействия между Россией и Китаем в свете того меняющегося баланса сил, который мы наблюдаем.

СЕРГЕЙ ЛУНЕВ (МГИМО(У) МИД РФ): В обозримом будущем останется только три очевидных мировых центра. Это США, Китай и Индия. Сохранятся ли в качестве таких мировых центров Европа, Япония, Россия, на данный момент не столь очевидно. Возможно, и сохранятся, но только при очень благоприятных стечениях обстоятельств и при очень активной работе своих политических и экономических элит. Хотел бы обратиться к формирующемуся южноазиатскому центру и посмотреть, каковы там реакции на развитие отношений Китая и США.

Характер индийско-американских отношений очень сильно изменился за последние 20 лет. В течение всего периода шло заметное улучшение отношений и повышение их уровня, так что сейчас появилась возможность говорить о стратегическом диалоге между Индией и США.

За этим улучшением отношений стоят серьезные изменения, происходящие и в мире, и на самом субконтиненте. Индия приблизилась к статусу великой державы по всем четырем параметрам (экономическому, военному, политическому, цивилизационно-культурному). Одновременно резко упало значение этих показателей у Пакистана. Американо-пакистанские отношения, которые раньше назывались стратегическими, перестали быть таковыми.

Экономическое сотрудничество США и Индии развивается достаточно быстрыми темпами, и вплоть до последнего времени США были главным экономическим партнером Индии (замечу в скобках, что сейчас это место занимает КНР). В 1960-е гг. начинается третья волна индийской миграции — в развитые страны. Основная часть населения, если не брать во внимание зону Персидского залива, направлялась в США. Сейчас в США проживают порядка 3 млн американских граждан индийского происхождения, причем положение они занимают исключительное, поскольку речь шла о миграции индийской элиты. Среди этнических диаспор они занимают второе место по душевому доходу, 2/3 представителей индийской диаспоры имеют высшее образование. Одно из знаковых событий 2006 г. — подписание Соглашения 123 по сотрудничеству в ядерной энергетике. США, недавно критиковавшие Индию за испытания ядерного оружия, согласились на сотрудничество в ядерной сфере, на поставки Индии ядерного топлива, за что Индия берет на себя обязательства разделять гражданскую и военную ядерные программы.

Внутри Индии наблюдаются разные взгляды на сотрудничество с США. Проамериканские силы представляет Индийский национальный конгресс. В оппозиции к развитию отношений с Соединенными Штатами выступают как левые, что естественно, так и правые, что иногда не всем понятно. Правая оппозиция, *Бхаратия джаната парти* (Индийская народная партия), как гораздо более националистическая сила, чем Индийский национальный конгресс, недовольна развитием отношений с США, особенно в военно-политической и ядерной сферах.

В целом в Индии достаточно хорошо относятся к США, что нетипично для азиатской страны. Россию в Индии меньше критикуют, но и восхищаются ею меньше, чем США. При этом Индия, чья главная внешнеполитическая цель — превращение в великую державу, выступает против однополярного мира. Безоговорочное господство США индийцев не устраивает. Для Индии независимый внешнеполитический курс всегда был принципиален, и в этом — главная причина определенных расхождений.

Как ни парадоксально, но по основным проблемам мировой политики Индия голосует в ООН так же, как Китай. В чем-то Индия стремится лавировать между США и Китаем. Для такого лавирования нужны точки соприкосновения с Китаем.

20 лет проходила нормализация индийско-китайских отношений. Нормализация основывалась на трех вещах. *Во-первых*, ни Индия, ни Китай не желали однополярного мира. *Во-вторых*, и у той, и у другого были сильны опасения по поводу угрозы со стороны исламского экстремизма и радикализма, что во многом позволяет развивать связи и в треугольнике Россия–Индия–Китай (РИК). Наконец, между Индией и Китаем активно развивались экономические связи. Сейчас их торговый оборот составляет 65 млрд долл., это 10% всего внешнеторгового оборота Индии. Но есть и ряд факторов, сдерживающих развитие китайско-индийских отношений.

Первый из них — это Пакистан в качестве стратегического партнера КНР. Есть основания полагать, что первые испытания пакистанского ядерного оружия осуществлялись в 1980-е гг. на территории КНР. Сотрудничество продолжается и в настоящее время. Ракеты и средства доставки ядерного оружия — в основном китайские.

Второй фактор — это место Индии в стратегии окружения Китая, проводимой США. Впрочем, в настоящее время Индия скорее проводит политику балансиро-

рования между США и Китаем, пытаясь избежать одностороннего примыкания к кому-то из них.

В ближайшие 10–15 лет сотрудничество в форматах РИК и БРИКС будет расширяться. Индия связывает с ними возможность движения к многополярному миру, где Южная Азия с центром в Индии станет одним из основных игроков.

ДМИТРИЙ МОСЯКОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): Мы воспринимаем отношения Индии и Китая в более позитивном ключе, чем они есть на самом деле. На конференции по Южно-Китайскому морю в Ханое, состоявшейся 4–5 ноября 2011 г., индийские представители выступали очень эмоционально и в очень антикитайском духе. Это чувствовалось, например, когда они касались проблем штата Аруначал-Прадеш, Тибета, Аксай-Чина. Многие их заявления звучали, мягко говоря, алармистски. Они спрашивали: зачем Китаю провоцировать индийскую враждебность, выдвигая претензии и на северо-востоке, и в Гималаях, если китайская задача в течение ближайших 10–15 лет — совместно выступать по ключевым вопросам? Какой тогда смысл в постоянном разжигании напряженности?

ЛУНЕВ: Многие проблемы достались Индии (как и Пакистану) в наследство от бывших колониальных хозяев. Скажем прямо, Аруначал-Прадеш — территория, захваченная и включенная в состав Индии британскими колонизаторами.

Что касается провокаций со стороны Китая, на которые сетуют индийцы, то отмечу следующее. Что такое американо-индийские маневры на границе с КНР? Не что иное, как провокация со стороны Индии. Как понимать заявление индийского министра обороны о том, что Китай — соперник Индии номер один? Здесь идет сложная политическая игра в чисто азиатской манере, в которой индийцы тоже прибегают к провокациям.

НИКОЛАЙ МАЛЕТИН (МГИМО(У) МИД РФ): АСЕАН, как и Юго-Восточная Азия, очень медленно превращалась из объекта международных отношений в субъект международных отношений. Этот процесс шел более успешно в политической сфере, в сфере безопасности, но очень задержался в экономической сфере, и преждевременно утверждать, что АСЕАН полностью состоялась как экономическая группировка.

АСЕАН выжила после холодной войны только потому, что выбрала, с учетом расстановки сил, правильный путь развития. Когда биполярному миру пришел конец, некоторые полагали, что АСЕАН прекратит свое существование, поскольку это дитя холодной войны. Но асеановцы оказались в выигрышной позиции, поскольку стали выступать в сложной региональной обстановке в роли посредника. Самостоятельно решать серьезные экономические и политические вопросы, а также вопросы безопасности они, безусловно, не могли. С экономической точки зрения они предложили свою зону свободной торговли — АФТА в 1991 г. Для обеспечения безопасности был взят курс на то, чтобы объединить все 10 стран Юго-Восточной Азии, приглушив противоречия между ними. В 1994 г. эта линия привела к созданию Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ) с участием многочисленных диалоговых партнеров Ассоциации. Тем самым оформилась та посредническая роль, которую Ассоциация и прежде стремилась играть в восточноазиатских делах.

Вместе с тем, хотя сейчас за АСЕАН официально закреплено *водительское место* в делах регионального сотрудничества, тут больше символики, чем действительного лидерства. Все-таки экономические рычаги, которыми располагает АСЕАН, сравнительно слабы. То же относится к рычагам непосредственного давления или оказания влияния на развитие международных отношений в регионе. Центральным в асеановских политических усилиях, усилиях в сферах безопасности и экономики является элемент балансирования.

В 1997 г. в разгар финансового кризиса было принято решение о проведении ежегодных встреч в формате АСЕАН+3 (Южная Корея, Япония, Китай). В рамках этой схемы АСЕАН рассчитывала извлечь известную выгоду из соперничества Японии и Китая как более или менее равновесных игроков, но в 2005 г. бурно развивающийся Китай опередил замедлившую ход Японию, первым договорившись о создании зоны свободной торговли с АСЕАН. События экономического характера привели к тому, что Япония не может выступать активным конкурентом Китаю, и сейчас в этом вопросе Японию заменили Соединенные Штаты. Но если японо-китайское соперничество обещало выгоды странам АСЕАН, то американо-китайское соперничество чревато серьезными проблемами и для всей Ассоциации, и для отдельных ее членов.

АЛЕКСАНДР ВОРОНЦОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): В диалог Китая и США в его конфликтном и неконфликтном измерении самым непосредственным образом вовлечен Корейский полуостров. В 2010 г. произошло обострение межкорейских отношений — затонул южнокорейский фрегат *Чхонан*, в чем Юг обвинил Север. Далее началась серия американо-южнокорейских маневров, официально направленных на то, чтобы сдержать агрессивность Северной Кореи, показать ей пагубность провокационного поведения.

Понятно, что внешне эта военно-политическая активность была адресована КНДР, но по сути дела — Китаю. США и Запад были крайне недовольны той однозначной политической поддержкой, которую Пекин оказал Пхеньяну, отказом от широкого применения санкций, принятых в рамках известных резолюций Совета Безопасности. Вопрос поставили четко: с кем ты, Китай? С нами или с этим отвратительным диктаторским режимом? Если ты с ним, то против тебя будет объединенный альянс США и их союзников со всеми вытекающими последствиями, и вся их военная активность, так раздражающая Китай, примет постоянный характер. Как мы знаем, такая постановка вопроса не дала желаемого эффекта, и Китай продолжает делать то, что делал.

Экономическое сотрудничество КНР с КНДР возрастает, присутствие КНР в экономике КНДР расширяется. Китай выступает за отказ от упрямого использования санкций, за четкое разделение военных и невоенных аспектов. Китай считает необходимым использовать санкции таким образом, чтобы они не повлияли отрицательно на гражданский сектор экономики КНДР, и придерживается позиции, что санкции должны быть направлены конкретно против военных программ, прежде всего ракетно-ядерных.

Нынешнее руководство Республики Корея во главе с Ли Мён Баком избрало путь конфронтации с КНДР. Эта администрация — одна из наиболее проамериканских администраций Республики Корея. Если предшествующие администрации в рамках военно-политического союза с США пытались, насколько возможно, держаться в стороне от американо-китайских разногласий, то сейчас мы видим, что Республика Корея однозначно выступает на стороне США и вносит свой вклад в политику *страхования рисков*. Главная военная база США переносится в Пхёнтхэк, что на берегу Желтого моря. Еще одна новая база строится на острове Чеджудо, причем делаются заявления, будто она не будет использована американцами против Китая (приводится забавный аргумент, что база находится слишком близко к Китаю и потому уязвима для китайского удара), но это убеждает далеко не всех, в том числе в самой Корее.

На данном этапе мы видим, что выбор Китая — в пользу поддержки КНДР, в пользу недопущения коллапса и распространения сценариев, получивших широкое и успешное развитие на Ближнем Востоке. В Сеуле много говорят о том, что распространение ближневосточных сценариев на дальневосточный регион объективно и неизбежно. Китай же продолжает придерживаться прежней линии — демонстрирует решимость не допустить коллапса режима в КНДР, резкого изменения баланса сил и роста напряженности на Корейском полуострове.

Сейчас Корейский полуостров даже в большей степени, чем прежде, — зона, где Китай и США соперничают, но в то же время пытаются сотрудничать. Китайский трехфазовый план возобновления шестисторонних переговоров изучается. Какое-то движение в этом направлении наблюдается, но, похоже, что партнеры по шестисторонним переговорам не спешат их перезапустить. И это при том, что благодаря активным усилиям китайской и российской дипломатии КНДР на высшем уровне подтвердила готовность к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров. Если и в Пекине, и в Москве такую позицию приветствуют, то в Вашингтоне и Сеуле — настаивают на предварительных условиях. Правда, их перечень сокращается, но полностью это требование не снимается. Трудно сказать, когда эти переговоры возобновятся, но, по крайней мере, это один из каналов взаимодействия между Пекином и Вашингтоном.

Закончу констатацией, что сценарий прямого столкновения между Китаем и США — страшный сон и для обеих Корей, и для всех стран региона, ибо в подобном случае неизбежно пришлось бы принимать чью-то сторону. При этом Республика Корея — в силу союзнических обязательств и в силу курса, избранного в последнее время — глубже, чем раньше, вовлекается в американскую стратегию, направленную против Китая.

НАТАЛЬЯ СТАПРАН (МГИМО(У) МИД РФ): Одним из интересных проявлений динамики присутствия США в АТР являются отношения в треугольнике США–Япония–Австралия. В 2007 г. Япония заключила договор о сотрудничестве в области безопасности с Австралией — подобный договор у нее есть только с США. Таким образом, происходит формирование треугольника. Как он вписывается в общую политику США в регионе?

Основы текущей политики США в АТР были заложены в 2004 г. В последние годы, как уже отмечалось сегодня, наблюдается рост американо-китайского противостояния в разных сферах. Однако в целом можно выделить не одну, а две одновременных тенденции — противоборство и взаимозависимость. С одной стороны, американцы пытались включиться в интеграционные процессы в Азии, с другой — последовательно укрепляли свои военно-политические альянсы с отдельными странами. Хорошим шансом заявить свои позиции в регионе было председательство США в АТЭС, однако реализовать идею *объединения союзников* не удалось ни через АТЭС, ни через Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Именно в этом контексте стоит рассматривать хоть и небольшое, но агрессивное передислоцирование контингента в 2,5 тыс. военнослужащих в Австралию.

Япония, так же как и большинство остальных стран региона, не заинтересована в эскалации противоречий и противостояния между США и Китаем. Япония не готова принимать ту или иную сторону. Японцы видят в Соединенных Штатах гаранта своей безопасности, но одновременно Япония, предоставляя серьезный денежный транш АСЕАН, подтверждает свою заинтересованность в хороших отношениях с соседями по региону. США не прибегают к увеличению контингента ни в Южной Корее, ни в Японии, они выбирают Австралию. Это, на мой взгляд, сигнализирует о том, что азиатские партнеры и союзники все-таки не принимают Соединенные Штаты. По большому счету, это признак бессилия США в регионе.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР): Недавно я побывал в той точке ЮВА, где сходятся три границы — таиландская, лаосская и мьянманская. Другими словами — в легендарном *Золотом треугольнике*, где сейчас происходят примечательные события. Традиционно *Золотой треугольник* известен как *опиумный регион*. Правда, сейчас в ходу не столько опиаты, сколько метамфетамины, да и пути транспортировки изменились. Но в общем это по-прежнему криминальный центр ЮВА. Кто сейчас верховодит в этом центре? Верховодят там китайцы. Они взяли в аренду острова по Меконгу, принадлежащие Лаосу, открыли там свои казино, где фактически отмывают средства, вырученные от наркоторговли ими самими, а заодно, по-видимому, представителями местных военных и криминалитета. Так что пози-

ция у китайцев интересная: им принадлежит и экономическое, и криминальное верховенство.

Местное население, включая силы безопасности, пытается их приструнить. Когда я находился в Чиан Сене, силы полиции Таиланда расправились с тринадцатью китайскими матросами, которые приплыли в *Золотой треугольник* на двух речных торговых судах, — кажется, собирать дань с подконтрольных им наркоторговцев. Как реагируют на это китайцы? В данном случае речь уже не о криминальных авторитетах, а о государственной машине КНР. Китай отзывает все свои торговые суда, которые находятся на Меконге (а их порядка тридцати). Таиланду (а заодно и двум другим государствам — Мьянме и Лаосу) фактически ставится ультиматум, но довольно-таки красиво. Мол, эти торговые суда возобновят свои рейсы только под военным эскортом, состоящим из пяти кораблей с экипажами примерно в тысячу человек. Судя по всему, соседние государства с этим смирятся, если уже не смирились. Вот так, пользуясь гибелью своих граждан, пусть и заподозренных в уголовных деяниях, власти Китая форсируют проникновение, в том числе военное, на интересующие их пространства.

Настроения местных жителей очень противоречивы: с одной стороны, китайцев явно недолюбливают. С другой стороны, те же местные жители знают лучше всех: сколько-нибудь значимое сокращение экономического присутствия Китая обернется для них безработицей и безысходностью. Американский фактор уже никого особенно не греет. Ну, тренируют американцы тайских пограничников, борцов с наркоторговлей, но это — уже как бы между прочим. Уйдут США — и мало кто заметит. А вот без Китая там рухнет все. Китай собственные минусы переводит в плюсы, шантажирует соседей и делает это весьма умело. Думаю, даже временные отступления в Мьянме, где Китаю мешают строить нужную ему дамбу, будут каким-либо образом переведены в плюс. Все это должно быть уроком и для России, потому что поведение Китая показывает: он умеет добиваться своего, несмотря на сложное или даже негативное отношение к нему в регионе.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В РЕГИОНЕ С УЧЕТОМ СОСТОЯНИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ДМИТРИЙ МОСЯКОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): Первая дилемма, с которой сталкивается Россия, выстраивая свою политику в АТР, — как строить базовые отношения в данном регионе? Чему отдать предпочтение: развитию двусторонних отношений или же многосторонним форматам сотрудничества? На пути развития двусторонних связей вполне вероятны перекосы — скажем, в виде предпочтительных связей с Вьетнамом, который всегда был одним из наших союзников и центром приложения наших усилий в этом регионе. Ну, а уже дальше могут встать Малайзия, Сингапур, где-то между ними и Вьетнамом окажется Мьянма. С другой стороны, если мы сделаем акцент на многостороннем взаимодействии, то в каком формате — АТЭС, ВАС, ТТП? Какая из платформ такого рода наиболее перспективна в плане защиты наших интересов, обеспечения нашего регионального присутствия?

Второй круг вопросов связан с расколом, который американо-китайские противоречия порождают и внутри АСЕАН, и в правящих элитах отдельных стран, входящих в Ассоциацию. Формируется три группы стран и три основные фракции элит — проамериканская, прокитайская и нейтралистская. Классический пример нейтралистской позиции — позиция Индонезии. Она старается позиционировать себя как сила, способная успокоить ситуацию и ищущая для этого дипломатические пути. Но каковы реальные возможности нейтралистских сил? Насколько сильны те элиты, которые видят в АСЕАН самостоятельную политическую силу, способную кого-то уравновесить? Насколько надежны эти силы? Ведь потенциал центристов на этапе обострения противоречий, как правило, убывает. Конечно, России

было бы желательно иметь дело с нейтралистскими силами. Но где уверенность, что в разгар конфликта они не утратят жизнеспособность?

Третий круг вопросов, встающих перед нами, касается экономического присутствия. Четыре наших энергетических компании — *Башнефть*, *Лукойл*, *Зарубежнефть* и *ТНК-ВР* — уже практически выходят на шельф Вьетнама. Они участвуют в тендерах на разработку месторождений ряде зон Южно-Китайского моря. Но там ведь возможны всякие инциденты и недружественные жесты. Не окажемся ли мы по результатам таких происшествий стороной в конфликте, не поставим ли под угрозу свои позиции?

Четвертый круг вопросов связан с военными делами, включая торговлю оружием. С одной стороны, у нас на глазах разворачивается гонка вооружений, строится китайский флот, флот Вьетнама (который тоже получает шесть российских подводных лодок), открывающая немалые возможности для поставщиков вооружений. Но тут ведь при очевидных выгодах есть и угрозы, вплоть до втягивания в конфликты, которые нам совершенно ни к чему.

Пятый круг проблем — это вопрос восприятия России. Такое впечатление, что нас в регионе не замечают. Как с этим быть? Стоит ли нам подключаться к процессам, которые там происходят, и каким образом? В общем, конечно, стоит. И прежде всего в экономической сфере. Но есть и вопрос о цене подключения. Насколько мы реально в состоянии занять ту позицию, то место, на которое претендуем?

Предлагаю поговорить об этих проблемах, разложить их по полочкам и постараться понять, каковы наши реальные шансы в АТР.

ОРЛОВ: Выгодно ли России противостояние Китая и США в регионе? Соглашусь с некоторыми выступавшими в том, что плюсы есть.

Первое Цинично говоря, втягивание США и Китая (если мы, конечно, будем *умной обезьяной*, и все произойдет без нашего участия) в определенную конфронтацию может облегчить России некоторые задачи.

Второй момент связан с противоракетной обороной. Очень интересно в Восточной Азии аукается ЕвроПРО. Китайцы сильно переживают по поводу непоследовательности России, которая вроде бы осуждает американскую ПРО, но одновременно... предлает сотрудничать в ее создании. Китайцы этого не понимают, пытаются объяснить Москве, что глобальная ПРО США — наша общая головная боль. Выступление Д. А. Медведева в ноябре 2011 г. стало для Китая серьезным, позитивным знаком того, что Россия имеет самостоятельную позицию, и многое будет зависеть от перспектив взаимодействия России и Китая по данному вопросу.

Третий момент. Если американо-китайская конфронтация будет нарастать (а у меня есть впечатление, что она будет нарастать), Россия не сможет вечно находиться над этой схваткой. Наверное, есть вероятность (и вовсе не обязательно — только риск), что мы скорее окажемся вместе с Китаем, чем с Соединенными Штатами.

С кем важнее для России работать в регионе — с группами стран или с отдельными странами? Наверное, как всегда в таких случаях, ответ — и так, и этак. Даже опыт Евросоюза на это указывает, хотя там проблемы несколько иные. На мой взгляд, Вьетнам, являясь нашим основным партнером в области атомной энергетики, должен им оставаться: борьба за Вьетнам ведется серьезная.

Я продолжаю настаивать на том, что России следует поспешить с выдвижением в Мьянму, которая все время шлет нам сигналы: «Идите к нам, уравновесьте китайцев!». Мы же пока, к сожалению, не сыграли на опережение, и место балансира в этой стране стремятся занять США.

ИГОРЬ ЗЕВЕЛЕВ (МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ ФОНДА МАКАРТУРОВ): Сначала обращу внимание на некоторые мысли, которые уже были озвучены, близки

мне и созвучны тональности моих последующих ремарок. Выделю замечание В.В. Сумского: открывая заседание, он отметил, что тема нашей встречи выглядит как региональная, но на самом деле она глобальная. Соглашусь и с суждениями о многоплановости и динамичности отношений между КНР и США.

Считаю, что во втором десятилетии нашего века китайский фактор будет во все большей степени определять американскую политику в отношении России. В свою очередь, в китайской политике в отношении России постепенно усилится роль американского фактора. Может быть, второй из упомянутых процессов будет развиваться более медленно. Тем не менее, в среднесрочной перспективе у нас одновременно появляются и новые риски, и возможности укреплять свои внешние позиции, несмотря на серьезнейшие внутренние проблемы.

Конечно, серьезные аналитики в Пекине понимают, что американо-российский антикитайский альянс — не такая уж серьезная угроза. И точно так же вряд ли кто-то в Вашингтоне боится китайско-российского антизападного союза. Но рассуждать-то надо не в категориях союзов, а в категориях мягкого балансирования, временных дипломатических коалиций по тому или иному поводу. И тогда позиция России оказывается достаточно важной и для Пекина, и для Вашингтона. Как мне представляется, и это уже отмечалось сегодня в отношении стран АСЕАН, американские отношения с Японией, Кореей и даже Индией во все большей степени определяются китайским фактором. И это в Вашингтоне во все меньшей степени скрывают.

Пока еще дело не дошло до ситуации, которая была в эпоху холодной войны. Китайский фактор пока еще не заслоняет в глазах США все остальное, что ни происходит в мире. Но тенденция движения в эту сторону очевидна. КНР будет все в большей степени позиционировать себя как глобальную державу, и именно по мере этого значение России с точки зрения США будет возрастать.

Уже отмечалось, что политика Барака Обамы в отношении КНР до самого недавнего времени продолжала политику Джорджа Буша, направленную на превращение Китая в *ответственного держателя акций* современного миропорядка и одновременно хеджирование рисков, связанных с ростом военной силы КНР. Если мы проанализируем официальные военные документы США, то заметим, что в последние годы там сквозит настороженность в отношении Китая. В 2008 г. Национальный совет по разведке впервые стал оперировать понятием многополярности, чего американцы избегали делать ранее, и это связано с Китаем. В 2010 г. 4-летний *Обзор оборонной политики* уже содержал призывы к управлению риском конфликта во взаимоотношениях с Китаем. И, наконец, в 2011 г. в военной стратегии США уже прямо выражается серьезная озабоченность по поводу масштабов и целей модернизации китайских вооруженных сил, их напористости в космосе, киберпространстве и Мировом океане. Там же говорится, что США будут выделять соответствующие ресурсы, дабы противостоять этому. На фоне подобных вещей все, что говорится в этих документах про Россию, выглядит как дружеское похлопывание по плечу.

До самого недавнего времени в США существовало противоречие между такой вот риторикой документов военного ведомства и разведки, с одной стороны, а с другой — официальной политической риторикой, где преобладала тема вовлечения Китая в сотрудничество.

Сейчас это противоречие стало сглаживаться. Начало этому было положено в статье Хиллари Клинтон в *Foreign Policy*, где анализ ситуации начинается с тезиса о необходимости укрепления военных союзов США в регионе. Россия объективно может оказаться в положении государства, которое, обладая меньшим потенциалом, чем два мировых тяжеловеса, тем не менее, может выбирать поочередно в качестве партнера то одного, то другого. В некоторых случаях и того, и другого, и это все будет определяться конкретной ситуацией. На мой

взгляд, несмотря на все слабости России на международной арене, ни одна другая держава не имеет таких возможностей, чтобы выступать в роли *swing state*. Но интеллектуально мы к этому пока не готовы, а, возможно, не вполне готовы и дипломатически.

Однако есть позитивные изменения. Недавно я закончил в соавторстве с Эндрю Качинсом работу, посвященную эволюции внешнеполитических дебатов в России с 1992 г. до наших дней. Среди прочего, мы пришли к выводу о постепенном отдалении внешнеполитического дискурса от вопросов национальной идентичности России. В 1990-е гг. внешнеполитический дискурс (не на уровне экспертов, а более широкий, включающий в себя заявления политиков и т. д.) был фактически продолжением дебатов славянофилов и западников. Но постепенно именно китайский фактор заставил экспертов и политиков быть более конкретными и учитывать реалии структуры международных отношений, а не какие-то идеологические вещи. Тем не менее, идеология продолжает играть гигантскую роль. Сегодня уже прозвучало не раз, что отношение к Китаю становится вопросом внутриполитической борьбы в странах Азии, да и в России тоже.

ЕВГЕНИЙ КАНАЕВ (ИМЭМО РАН): Хочу затронуть вопрос о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) и о том, что нам целесообразно делать в этой связи. С моей точки зрения, ТТП — самый неудачный проект, инициированный американцами со времен СЕАТО. Американцы говорят, что ТТП позволит им вернуться в Азию в экономическом плане. Обратившись к цифрам, увидим, что товарооборот Вьетнама, ведущего переговоры о присоединении к ТТП, составил с таким будущим партнером, как Чили, 329,5 млн долл. При этом товарооборот того же Вьетнама с Южной Кореей — более 10 млрд, а с Китаем, который вряд ли когда-либо присоединится к ТТП, — почти 30 млрд долл. Получается, что объективной экономической основы у этого проекта нет.

Сейчас американцы и их будущие партнеры по ТТП не могут прийти к согласию относительно того, каким будет этот формат. США хотят заключать соглашения о свободной торговле на двусторонней основе, а их партнеры говорят о том, что им нужны унифицированные правила. Не понимаю, как американцы могут решить эту проблему в отношениях с Малайзией, если у них на двустороннем треке не первый год буксуют переговоры о свободной торговле. Вот еще один знак того, что экономическая база этого проекта оставляет желать лучшего.

Есть и другие причины, по которым этот проект забуксует достаточно быстро.

Во-первых, Китай не присоединился и не присоединится к ТТП, поскольку

- опасается американского диктата в рамках этой структуры;
- участниками ТТП стали страны, которые либо имеют договоры о военном сотрудничестве с США, либо, наподобие Вьетнама, развивают с ним военные связи;
- свой интерес к партнерству анонсировал Тайвань.

Во-вторых, успешные проекты многостороннего сотрудничества вырастают на почве коллективных интересов, а не по команде (как хотелось бы американцам). Вспомним договор СЕАТО, инспирированный ими, из которого не получилось ни чего путного. Вспомним, сколько было попыток запустить многосторонний диалог до образования АСЕАН. Эти вещи должны созреть. В случае с ТТП такой готовности нет. Те методы кавалерийского наскока, к которым питают слабость американцы, в Восточной Азии понимания не находят.

В-третьих, раскрутка ТТП совпадает по времени с событиями в Ливии, в других ближневосточных странах, где попираются принципы суверенитета и невмешательства, столь важные, например, для АСЕАН и ее членов. Это способно вызвать

определенную эмоциональную реакцию у восточных азиатов, которые привыкли к другим вещам.

Что в этой ситуации делать России? На что нам делать ставку, какие многосторонние форматы отвечают нашим интересам, а какие — нет? ТТП — это то, от чего нам надо бы дистанцироваться по целому ряду причин. *Во-первых*, мы просто не готовы к ускоренной либерализации. *Во-вторых*, кроме экономических мотивов есть и политические. В стратегии США Транстихоокеанское партнерство увязано с соответствующей линией относительно Южно-Китайского моря, с расширением доступа к военным базам в Австралии и тому подобными вещами. В целом, это не консолидирующий, а разобщающий проект. *В-третьих*, он не подходит нам по репутационным причинам. Ведь зачем мы вступили в Восточноазиатский саммит, зачем нас туда пригласили? Чтобы мы по-своему отвечали за поддержание равновесия на восточноазиатской арене. Я думаю, курс на более сбалансированную систему сотрудничества в рамках Восточноазиатского саммита и российское участие в саммите — это напрямую взаимосвязанные вещи. Словом, с какой стороны ни посмотреть, ТТП — не наш формат сотрудничества.

На мой взгляд, дел в Азии у нас предостаточно и без ТТП, и делать надо то, что делали до сих пор, только быстрее и активнее. Развивать энергетику, модернизировать Транссиб, возрождать Северный морской путь (что, между прочим, позволит разгрузить Малаккский пролив). Разумеется, проблем много и их нужно решать. Но мы не стоим на месте, мы двигаемся, и это уже очень неплохо.

МОСЯКОВ: У вас нет ощущения, что ТТП — это прообраз антикитайского политического союза, и что какие-то страны будут туда вступать в поисках некоего зонтика, защиты? Почему такие чисто политические соображения не могут двигать теми странами, которые ощущают наибольший вызов со стороны Китая и ищут гарантии самосохранения? С учетом этих обстоятельств, какая-то перспектива у ТТП может быть.

КАНАЕВ: Тенденция к конфронтации, конечно, есть, а политика с экономикой увязаны у американцев, как всегда, прочно. Почему же тогда такие давние союзники США в Юго-Восточной Азии, как Таиланд и Филиппины, не спешат в ТТП? Да и в случае с Японией и Южной Кореей решены еще далеко не все вопросы.

Думаю, огромное число людей, а в какой-то степени и мир в целом, пребывают сейчас в состоянии усталости от идей либерализации, переживают ощущение исчерпанности ожиданий, порожденных этими идеями. Нужно понимать, что и Таиланд, и Филиппины, и Южную Корею, и Японию тянут в ТТП, но они упираются. Индонезия туда, насколько я могу судить, отнюдь не стремится, а Вьетнам и в самом деле руководствуется не экономическими, а политическими причинами.

ТУЛИНОВ: Я бы хотел взглянуть на некоторые аспекты той темы, которую мы сегодня обсуждаем, с точки зрения высоких технологий и точных наук.

Недальновидная позиция развитых стран, в первую очередь Соединенных Штатов, привела к тому, что в Китае был построен ряд высокотехнологичных наукоемких производств, в том числе и самых современных. В разговорах с разработчиками проскальзывала такая мысль, что в Китае науки нет, но это отнюдь не так. Да, в Китае есть проблемы с наукой и образованием, но в последние 20–25 лет они вкладывают значительные средства в их развитие. Представители социально активных слоев получают образование за рубежом — в лучших американских, европейских университетах, формируются свои, китайские научные школы.

Дефицит в области прикладной науки и технологий компенсируется притоком образованных мигрантов, в том числе и российских специалистов. В то же время выходцы из Китая, работающие в американских научных центрах, являются не только носителями научно-технологических знаний. Они остаются носителями

национальных ценностей и психологии. В последние годы Китай развернул программу по возврату ученых на родину, предлагая им соответствующие зарплаты, возможности работы на высококлассном оборудовании, социальные гарантии. И ученые возвращаются, причем не поодиночке, а целыми научными школами. Нечто подобное мы пытаемся реализовать в России. Но возникает много проблем из-за того, что ощущение необходимости вернуться на родину и продолжить работу здесь не свойственно массе современных россиян. А у китайцев это есть, благодаря чему их страна получает и носителей новых знаний, и разработчиков нового поколения технологий. И хотя до сих пор подобные процессы не придали по-настоящему сильного ускорения китайской экономике, тигр исподволь готовится к прыжку.

ТЕРЕХОВ: Сегодня уже обсуждалось, что для России была бы более актуальна роль *swing state*, но мне кажется, что главная проблема заключается в том, чтобы быть *state*. Главная наша проблема заключается в отсутствии проектности — у нас нет проекта строительства страны. Сначала надо понять, что мы за страну строим, какие перед ней стоят проблемы, и тогда уже станет ясно, какие технологические решения для этого потребуются. Помимо научно-технологических знаний нужны и другие инструменты — в частности, социальные технологии.

Итак, мы должны стать государством. Когда появится некий потенциал, тогда мы уже сможем свинговать, иначе балансировать будут нас. Заполнять вакуум нужно, прежде всего, в нашей собственной части АТР, то есть в Сибири и на Дальнем Востоке. *Черная метка* уже была послана Мадлен Олбрайт в 2007 г., и я бы ее не игнорировал. Соответственно, нужно разработать стратегию освоения 2/3 нашей территории. У меня сильное впечатление, что если не будет у нас этой стратегии, а это один из основных элементов развития государства, то упомянутые пространства будут осваивать без нас. В рамках этой большой проблемы есть частные — проблема северных территорий в споре с Японией и так далее. Есть одна большая проблема строительства государства и фактически 2/3 ее территории.

МОСЯКОВ: Те противоречия между США и Китаем, которые развиваются на наших глазах, носят глобальный характер и создают самые разнообразные возможности для будущего развития России. В конечном счете, все зависит от того, как будут развиваться события в нашей стране, как (и до какой степени) будут решаться те вопросы, о которых мы говорили. Результаты прямо скажутся на состоянии наших внешних дел, на наших возможностях соучаствовать в урегулировании проблем регионального и глобального масштаба. Будущее России — в руках самой России.

РОССИЯ СВИНГУЕТ. И ЭТО ХОРОШО

СУМСКИЙ: Вернемся напоследок к образу мудрой обезьяны, сидящей на горе и наблюдающей за схваткой двух тигров в долине. Меня всегда, а особенно сегодня, когда мы дошли до *swing state*, забавляло несоответствие этого образа реальному поведению обезьяны. Те, кто хоть раз видел живых обезьян, знают, что им несвойственно засиживаться на одном месте. И если уж чему-то их повадки соответствуют, то, пожалуй, модели, предложенной И. А. Зевелевым. Негоже обезьяне сидеть на вершине, она должна курсировать по склонам, она должна все время что-то делать, чтобы участники схватки не чувствовали себя единственными действующими лицами и не забывали о ее существовании.

Коль скоро отношения Китая и США, столь важные для судеб мира, сложны и динамичны, то столь же сложной и динамичной должна быть политика России. Последний тезис Владимира Федоровича о том, что сначала нужно сделать государство, а уж потом — свинговать, логичен, но только в реальной истории так не бывает. Делать приходится все сразу. В нынешней ситуации у меня появляется ощущение,

что мы постепенно входим в *ритм свинга*, и в то же время постепенно отстраиваем государство. Неизвестно, когда и чем закончатся эти процессы, но важно, что они начинают идти синхронно.

Статья Хиллари Клинтон наглядно свидетельствует о том, что в 2011 г. американцы зачем-то рискнули одновременно испортить отношения и с Китаем, и с Россией. Меня немного забавляет мысль, что если о России не сказано в чьей-то статье, посвященной Азии, то это подтверждает незавидность нашего положения в регионе. Бывают ведь и статьи, так сказать, программирующего плана, написанные не для того, чтобы отразить реальное положение дел, а для того, чтобы показать, чего хотелось бы автору. Хиллари Клинтон повторяет, как заклинание, свой излюбленный тезис о неизбежности «американского лидерства в АТР», но та ли это цель, к которой устремлен сегодня остальной АТР? Перечисляя американских партнеров в Азии, автор доходит и до Казахстана, и до Монголии. Неужели Россия заметна в азиатском контексте меньше, чем эти величины? Неужели для нее не могло найтись места в этом немаловажном тексте? Но вот ведь не нашлось, и это говорит о многом.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ: Азиатская часть АТР – также важнейший мировой полигон модели политической модернизации, которая воспринимается не как чистая вестернизация, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократических форм правления и местной политической культуры. Регион также очень важен с точки зрения того конфликтного потенциала, который там заложен, и тех множащихся вызовов и угроз безопасности, которые напрямую затрагивают и интересы Российской Федерации. [...] Существует очень серьезная опасность внутриполитической дестабилизации в ряде стран региона. Регион важен и с точки зрения того, что сейчас именно туда перемещается центр военно-политического соперничества между государствами. Именно в АТР находятся пять государств с самыми крупными по численности армиями – это США, Китай, Индия, КНДР и Российская Федерация. Это тот регион, где происходит резкое наращивание военных расходов, военных потенциалов. В развитых странах процесс сейчас обратный, и лидирующие позиции по темпам роста, помимо Соединенных Штатов, занимают сейчас Китай, Япония, Индия и Южная Корея. И поэтому любой из дремлющих конфликтов может обернуться очень большой бедой. Важно проявлять большое внимание к этим региональным конфликтам.

Индекс Безопасности. 2011. №2 (97). С.90

США, при всей их колоссальной мощи, взяли на себя непосильную ношу. Если в холодной войне у них был один противник, подлежавший сдерживанию, то в эпоху многополярности *на грани сдерживания* работают уже как минимум с тремя силами — исламским миром, Китаем и Россией. Особенно четко смотрелось это при Буше-младшем. Когда Обама пришел в Белый дом, то речь пошла о необходимости *перезагрузок* со всей упомянутой тройкой. Но будем смотреть правде в глаза: обещания так и остались обещаниями, и если тенденции, преобладающие сейчас, получат развитие, то сдерживать-то придется все остальное человечество. Ведь исламский мир, плюс Китай, плюс Россия — это, по большому счету, оно и есть.

Соединенные Штаты сделали все, чтобы подтолкнуть Китай и Россию друг к другу, и в обозримом будущем этот импульс будет действовать. В статье Хиллари Клинтон присутствует один очень важный мотив, который абсолютно неприемлем как для России, так и для Китая — выстраивание будущей системы азиатской безопасности на основе американских военно-политических союзов. В Европе новую систему безопасности уже как бы достраивают посредством расширения НАТО. Надо ли нам и Китаю ждать, когда американцы пойдут таким же путем и в Азии? Мне кажется, пора придать той совместной инициативе по азиатской безопасности, которую выдвинули в 2010 году Россия и Китай, несколько менее лапидарный характер. Слова, что безопасность должна быть неделима и универсальна, пора открыто расшифровать как напоминание о том,

что безопасность не может базироваться ни на чьих военно-политических союзах. Пора выложить эту карту на стол и сказать, что Россия и Китай возражают против американского сценария, а без них никакой азиатской системы безопасности ни у кого не получится.

На какие многосторонние азиатские форматы нужно ориентироваться России? Е. А. Канаев хорошо рассказал нам про ТТП, и я бы добавил, что АТЭС тоже, в сущности, не наш проект. Когда-то системную либерализацию торгово-экономических отношений продавливали через Всемирный банк и МВФ, потом это пробовали сделать через АТЭС, потом через ВТО. Теперь настал черед ТТП, а желанного результата все нет. Видимо, магистральная линия развития проходит в стороне от этой идеи. Считаю, что по состоянию дел на сегодня площадка, подходящая нам более всего, это ВАС. Тут нам есть что предъявить, и в регионе это примут.

Но есть и другая площадка, не упоминавшаяся здесь, куда было бы неплохо *закинуть* идею о том, что мы не прочь туда войти. Это — АСЕАН+3. Сделать из северо-восточной тройки четверку, и в рамках этого формата активизировать сотрудничество с Японией, Южной Кореей и Китаем — это вариант, тем более что реальная экономическая интеграция развивается в АТР именно в этой зоне.

Целиком согласен с тем, что нужно поднимать Сибирь и Дальний Восток. С этим, я думаю, не поспорит никто. И еще один немаловажный момент. Если на деле реализуется то, о чем говорил И.А. Зевелев, или о чем сейчас говорил я, то это ведь не пройдет без следа и для нашей культурной идентичности. Ведь для проведения политики этого рода нужна та мера сбалансированности и прагматизма, которая была присуща азиатам и в глубокой древности, и сейчас. Это вещи, залегающие в Азии на стыке традиции и современности. Показав себя подобным образом, мы будем приняты как азиаты. Так что проблема идентичности не вторична в этом вопросе. Нас примут как своих, если мы поведем себя с умом.

Примечания

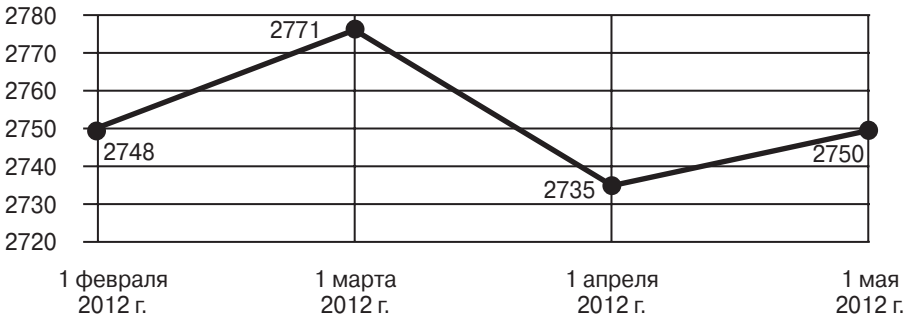
[1] Фукидид считал причиной начала Пелопонесских войн резкое усиление Афин, воспринятое Спартой как вызов, на который нужно реагировать как можно более оперативно.

[2] Clinton Hillary. America's Pacific Century. *Foreign Policy*. 2011, November. http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (последнее посещение — 10 мая 2012 г.).

[3] *GreenGen* — проект стоимостью в 1 млрд долл., предусматривающий строительство электростанции мощностью 650 мВт с нулевыми выбросами углекислого газа благодаря улавливанию углерода. Электростанция строится сейчас в Тяньцзине.

[4] На территории КНР располагаются огромные запасы сланцевого газа — около 36,1 трлн м^3. Планируется, что в 2015 г. добыча сланцевого газа в Китае составит 6,5 млрд м^3 в год.

График 1. **Индекс международной безопасности *iSi* в феврале–мае 2012 г.**



➥ ***Галия Ибрагимова, Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Мехди Санаи, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Константин фон Эггерт.*** **ИНДЕКС *ISI* ЗА ФЕВРАЛЬ–МАЙ 2012 г.: УСТОЙЧИВАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ**

➥ ***Юрий Федоров.*** **ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ИЗБИТЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

➥ ***Дмитрий Евстафьев.*** **ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЗУБЫ ДРАКОНА, ИЛИ ВСХОДЫ ДЕМОКРАТИИ**

ИНДЕКС *iSi* ЗА ФЕВРАЛЬ–МАЙ 2012 г.

УСТОЙЧИВАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Зимой–весной 2012 г. Индекс международной безопасности *iSi* демонстрировал разнонаправленную динамику. На 1 февраля Индекс международной безопасности составил **2748 пунктов**. 1 марта 2012 г. значение *iSi* повысилось на 23 единицы и стало равно **2771 пункту**. На 1 апреля Индекс **снизился** на 36 единиц до отметки **2735 пунктов**. К 1 мая показатель **повысился** на 15 единиц и достиг **2750 пунктов**. Изменчивость показателей *iSi* связана с сохраняющейся напряженностью на Ближнем Востоке и в государствах Африки, неопределенностью после смерти Ким Чен Ира политического режима в КНДР, возросшей террористической угрозой в мире, продолжающимся экономическим кризисом в зоне евро. В Сирии усилилось противостояние между правительственными войсками и оппозицией. 21 марта Совет Безопасности ООН принял заявление, в котором поддержал предложения спецпосланника по урегулированию ситуации в Сирии Кофи Аннана и призвал все стороны конфликта к сотрудничеству. Возобновившиеся переговоры между Ираном и *шестеркой* международных посредников не привели к каким-либо существенным результатам. КНДР осуществила запуск ракеты большой дальности, но он окончился неудачей. Государства ЕС подписали бюджетный пакт, ограничивающий финансовую политику стран–членов еврозоны.

Сехларе ***Макгетланенг (Южно-Африканская Республика)****, глава исследовательской программы управления и демократии Африканского института южноафриканских исследований — по электронной почте из Претории*: Главные угрозы безопасности Африки — изменение климата, ухудшение экологической обстановки и продовольственный кризис. Особенно остро эти проблемы стоят перед государствами Сахеля — Чада, Мали, Мавритании, Нигера. Война в Ливии и смещение силами НАТО режима Муаммара Каддафи привело к огромному потоку беженцев из Джамахирии в африканские государства. Наибольшее число беженцев было зафиксировано в Чаде. Это обострило продовольственный кризис в стране. Бедность, а также социальная и экономическая политика, проводимая государствами Африки, ведут к гуманитарной катастрофе. Большинство стран континента продолжают зависеть от импорта продовольствия, неолиберальная среда вокруг ведет к крайней неустойчивости цен на продукты и невысокой покупательской способности. Нет поводов ожидать, что ситуация улучшится. Это повышает уязвимость стран перед гуманитарной катастрофой.

Сдвиг в политике африканских государств от конфликтов между странами к противоречиям внутри стран — это качественный шаг к завершению процессов деколонизации. К тому же, консолидация Африки открывает возможности для скорейшего решения политических и социально-экономических проблем. Жители региона осознают, что для преодоления сложностей необходимо решать внутренние проблемы. Несмотря на то, что в отношениях развитых капиталистических держав с африканскими государствами преобладает контроль, доминирование, эксплуатация, для африканских политиков предпочтительнее сохранение статус-кво, а не поиск внешних врагов. Данные подходы в политике позитивно воздействуют на безопасность Африки.

- **Африка и Ближний Восток**. Нестабильной сохранялась ситуация на Ближнем Востоке и в государствах Африки. В Сирии продолжились столкновения между армией и повстанцами. Власти усилили военное давление на мятежников, вытеснив их из городов Маарат-Нааман и Хан-Шейхон; ожесточенные столкновения имели место в Дамаске, Хомсе, Растане и Дераа. 4 февраля Россия и Китай заблокировали принятие в Совете Безопасности ООН резолюции по Сирии, расценив ее как несбалансированную. 25 февраля на встрече группы *Друзей Сирии* в Тунисе 60 стран-участниц признали оппозиционный *Сирийский национальный совет* законной властью в стране. 26 февраля в Сирии прошел референдум по проекту новой конституции, большинство избирателей поддержали его. Кофи Аннан был назначен спецпредставителем ООН и Лиги арабских государств по урегулированию сирийского кризиса. Спецпредставитель разработал план мирного урегулирования ситуации в Сирии и призвал все стороны конфликта к сотрудничеству. 21 марта Совет Безопасности ООН принял заявление, в котором поддержал предложения Кофи Аннана, а 14 апреля одобрил проект резолюции по Сирии, предусматривающий отправку в страну группы наблюдателей. 16 апреля в Дамаск прибыла первая группа наблюдателей ООН. Власти приступили к выполнению плана Аннана, ситуация в стране несколько стабилизировалась.

  В **Египте** прошли массовые манифестации в поддержку кандидатов, баллотирующихся на пост президента страны с требованием к военным передать власть гражданским силам. Для участия в президентских выборах было зарегистрировано 13 кандидатов. *Братья мусульмане*, получившие на парламентских выборах в ноябре–декабре 2011 г. большинство в парламенте, обещали не выдвигать своего кандидата в президенты, но вопреки обещаниям кандидатом от партии стал председатель Партии свободы и справедливости Мухаммед Мурси. Выборы президента страны состоялись 23–24 мая 2012 г.

*Мехди **Санаи (Иран)**, доктор политологии, руководитель Центра по изучению России, Центральной Азии и Кавказа — по телефону из Тегерана*: Ситуация на Ближнем Востоке улучшилась. Этому поспособствовали независимые позиции России и Китая в Совбезе ООН по Сирии. Попытки США и союзников склонить Китай на свою сторону не увенчались успехом. Обострившаяся в начале года ситуация вокруг иранской ядерной программы несколько стабилизировалась. Опасения, что Персидский залив станет ареной военных действий против Ирана, не оправдались: американцы, европейцы, израильтяне понимают, что армия Ирана сегодня сильнее, чем раньше, и в случае начала войны сможет ответить. Прошедший в Стамбуле первый раунд переговоров между *шестеркой* международных посредников и Ираном в очередной раз продемонстрировал намерения нашей страны решать проблему мирными и законными способами в рамках МАГАТЭ. В ходе переговоров наметились некоторые попытки договориться: в частности, США заявили, что могут согласиться на обогащение Ираном урана до 5%. Это — свидетельство того, что компромисс возможен. Однако наметившиеся улучшения вовсе не означают, что кризис на Ближнем Востоке преодолен. Скорее, появились более адекватные пути его преодоления. Не думаю, что в регионе произойдут какие-либо серьезные изменения до тех пор, пока в США не пройдут выборы президента страны и не будет сформирован новый подход к ближневосточному кризису.

В **Йемене** 21 февраля прошли досрочные выборы президента, новым президентом страны стал Абд Раббу Мансур Хади. Во время голосования на избирательных участках на юге страны вспыхнули столкновения между полицией и сепаратистскими группировками. В стране активизировались боевики *Аль-Каиды.* В ходе столкновений с ними правительственным войскам удалось занять захваченный город Зинджибар.

В **Ливии** 27 апреля Национальный переходный совет Ливии отправил в отставку переходное правительство страны. Причиной такого шага названа некомпетентность членов исполнительного органа и неспособность министров справиться со сложной ситуацией в стране. В стране продолжились бои между группировками бывших повстанцев из городов Мисурата и Зинтан, не стихают межплеменные столкновения

В **Бахрейне** произошли столкновения между полицией и шиитскими демонстрантами, требующими равных прав с правящим суннитским меньшинством.

В феврале **Иран** провел очередные военно-морские учения в Ормузском проливе, цель которых — защитить свои ядерные объекты от возможной атаки со стороны Израиля. 15 февраля иранские ученые ввели в эксплуатацию новые центрифуги для обогащения урана и загрузили тегеранский реактор собственным ядерным топливом. 3 марта в стране состоялись выборы в парламент страны; оппозиция одержала на них победу. 14 апреля Иран и *шестерка* международных посредников провели в Стамбуле переговоры по ядерной программе Исламской республики. Между тем, США и шесть государств, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского, залива договорились создать единую систему противоракетной обороны, которая будет направлена против Ирана.

В **Ираке** на севере страны курды прекратили поставки нефти на юг из-за невыполнения центральным правительством финансовых обязательств.

В **Турции** 1 мая парламент создал многопартийный комитет, который будет заниматься разработкой новой конституции страны. В настоящее время в стране действует конституция, принятая в 1982 г. В ней особая роль в обществе отводится армии. В марте в стране возобновились столкновения сил безопасности с боевиками Курдской рабочей партии. Ожесточенные бои произошли в восточной провинции Бингель.

*Евгений **Сатановский (Россия)**, президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы*: Ближний Восток погружается в состояние тотальной исламизации. В Сирии армия ведет тяжелые бои. Несмотря на хорошую подготовку и неплохие вооружения, военным не удается легко одолеть повстанцев. Мобилизация радикалов идет по всему региону. Одобрение Совбезом ООН предложений спецпосланника по урегулированию ситуации в Сирии Кофи Аннана — пустая затея. Можно ожидать, что план сирийского урегулирования провалится, так же как провалились попытки Аннана урегулировать ситуацию на Кипре, в Западной Сахаре или в Руанде. Вследствие дипломатической позиции России и Китая в ООН иностранную интервенцию в Сирии ожидать не следует.

Повышается вероятность начала военной кампании против Ирана, усиливается противостояние аравийских монархий и Израиля с режимом в Тегеране. Нестабильность будет сохраняться в Сахеле, Сахаре, Йемене.

Израиль–Палестина. В марте обострилось палестино-израильское противостояние. В секторе Газа Израиль ликвидировал главу группировки *Комитеты народного сопротивления* Зухейра Аль-Кейси. После этого палестинские радикалы подвергли территорию Израиля ракетному обстрелу; в ответ израильские ВВС нанесли серию новых авиаударов по Палестинской автономии. В апреле на Западном берегу реки Иордан имели место столкновения между палестинскими манифестантами и израильскими службами безопасности. В мае Израиль легализовал три временных поселения на Западном берегу реки Иордан, что вызвало критику мирового сообщества.

Судан и **Южный Судан** при посредничестве Африканского союза 1 февраля подписали соглашение о ненападении. Тем не менее, в апреле между армиями двух стран вспыхнули вооруженные столкновения в спорном нефтеносном районе Хеглик. 27 апреля Судан разбил войска Южного Судана и восстановил суверенитет над районом. Совбез ООН потребовал прекратить противостояние и пригрозил новыми санкциями.

В **Мали** 22 марта совершен государственный переворот, власть в стране захватили военные. 6 апреля туареги овладели контролем над северными районами страны и заявили о создании независимого государства Азавад.

В **Гвинее-Бисау** 13 апреля произошел государственный переворот, власть захватили военные.

- **Афганистан–Пакистан.** В феврале в Афганистане вспыхнули массовые протесты, спровоцированные сожжением Корана американскими солдатами на военной базе США. Представители НАТО принесли официальные извинения афганскому народу. В марте талибы заявили о приостановке мирных переговоров с США из-за невыполнения Вашингтоном условий для их продолжения. В апреле в стране вспыхнули ожесточенные столкновения между правительственными силами безопасности и талибами. Резко возросла угроза терактов. Была организована серия взрывов в Кабуле. 2 мая Барак Обама посетил с необъявленным визитом Кабул. В ходе встречи президента США с президентом Афганистана Хамидом Карзаем было подписано соглашение о стратегическом партнерстве между двумя странами после вывода американских войск из Афганистана в 2014 г. В соот-

*Константин фон **Эггерт (Россия)**, член Королевского института международных отношений, обозреватель радио Коммерсант FM — по телефону из Москвы*: Состояние международной безопасности стремительно ухудшается. Запуск Северной Кореей ракеты большой дальности, хотя и потерпел фиаско, повысил градус напряженности. Негативно на безопасность в мире влияет ситуация в Сирии и усиливающееся противостояние между правительственными войсками и оппозицией. Всплеск насилия в стране перерос в настоящую гражданскую войну, что не предвещает скорого исхода в затянувшемся сирийском кризисе. Обостряется ситуация вокруг Ирана и его ядерной программы. Опасность представляют уже не сами по себе санкции США и Евросоюза против Исламской республики, а то, как режим аятолл намерен реагировать на них. Не меньше вопросов возникает вокруг ответной реакции Ирана на угрозы Израиля нанести удар по его ядерным объектам. Если Иран намерен реагировать жестко, то это выльется в затяжную конфронтацию, ведущую к дестабилизации и так непростой ситуации на Ближнем Востоке.

ветствии с соглашением, США берут на себя обязательства по финансовой поддержке и обеспечению безопасности Афганистана на срок до 2024 г. — взамен американские военные смогут остаться в стране и после окончания вывода войск в 2014 г. Договор закрепляет за Кабулом статус главного союзника США среди стран, не входящих в НАТО.

В Пакистане весной происходили столкновения между суннитами и шиитами.

- **Корейский полуостров.** В феврале КНДР ввела мораторий на ядерные испытания в обмен на продовольственную помощь США. 30 марта КНДР испытала ракеты малой дальности. 13 апреля осуществила запуск ракеты большой дальности. Он окончился неудачей: пролетев всего несколько минут, ракета упала в море. Южная Корея и Япония выступили с жесткой критикой действий КНДР по запуску ракет. США расценили запуск ракеты как нарушение моратория на ракетные испытания и объявили о приостановке поставок продовольствия КНДР. В ответ Пхеньян официально объявил о прекращении моратория. 28 апреля американский спутник зафиксировал в КНДР новые работы на ядерном полигоне.
- **Европейский союз**. 2 марта на саммите Евросоюза в Брюсселе был принят Договор о бюджетной стабильности (Бюджетный пакт). Документ направлен на обеспечение более строгой финансовой дисциплины и преодоление долгового кризиса в регионе. Чехия и Великобритания отказались подписывать документ. На саммите также была одобрена вторая программа помощи Греции.

*Пал **Дунай (Венгрия)**, руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта*: Механизм финансовой стабильности, одобренный Европейским советом, нацелен на содействие экономическому развитию и финансовой консолидации Евросоюза. Но государствам–членам ЕС необходимо самостоятельно принять множество мер для укрепления экономического положения. Меры по финансовой консолидации государств ЕС — это наиболее значимое достижение Европейской комиссии. Ожидается, что дефицит в государствах зоны евро уменьшится. В отношении стран, которые откажутся следовать принятым мерам, будут вводиться превентивные санкции. Это очень важные шаги, способствующие повышению финансовой дисциплины.

С другой стороны, в случае очередного финансового кризиса у некоторых государств может возникнуть искушение выжить за счет увеличения дефицита бюджета. Это вновь может ударить по экономикам других стран, но принятые меры не допустят повторения подобной ситуации. В ходе нынешнего кризиса создалось впечатление, что Евросоюз не хочет, чтобы любое государство по своему усмотрению покидало интеграционный блок, не говоря уже о государствах, входящих в зону евро. Подобный расклад означает, что те страны, которые не в состоянии поддерживать устойчивым экономический курс, будут финансироваться за счет перераспределения ресурсов в других государствах ЕС. Возникают сомнения по поводу того, как долго будет действовать подобный перераспределительный механизм. Ведь гарантии, что экономически слабое государство вернет долги сильному, — отсутствуют.

В самой **Греции** в мае премьер-министр Лукас Пападимос подал в отставку. В стране прошли досрочные парламентские выборы. Ни одна из партий не набрала абсолютного большинства.

Во **Франции** 6 мая состоялся второй тур президентских выборов. Победу одержал лидер Социалистической партии Франсуа Олланд, за него проголосовали 53% избирателей.

В Италии, Испании, Эстонии, Греции, прошли демонстрации против экономической политики властей.

- **Постсоветское пространство**. В **России** 4 февраля прошли массовые акции противников и сторонников власти. 4 марта в стране прошли выборы президента. Победу одержал Владимир Путин. 10 марта оппозиция вновь провела санкционированный митинг против итогов президентских выборов.

  Российско-киргизские отношения весной 2012 г. оказались на грани нового противостояния. Президент Киргизии Алмазбек Атамбаев обвинил Москву в неуплате аренды за размещение военной базы в Канте и пригрозил ее закрытием. В ответ российские власти предложили руководству Киргизии пересмотреть ключевые межправительственные соглашения в гидроэнергетике и оборонной промышленности. Москва настаивает на предоставлении ей контрольных пакетов целого ряда объектов.

*Андрей **Кортунов (Россия)**, генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы*: Состояние безопасности в мире имеет тенденцию к снижению. Накопилось много факторов, которые дестабилизируют ситуацию в России и мире. Единственным позитивным событием стало то, что протестное движение, которое возникло в Москве и охватило другие города нашей страны в конце прошлого года, не вышло за конституционные рамки, не привело к дестабилизации внутриполитической ситуации и не перекинулось на соседние государства СНГ. В Совете Безопасности ООН сохраняются серьезные разногласия по сирийскому вопросу, что препятствует принятию существенных решений по урегулированию ситуации. Трудно ожидать, что проблема вокруг Сирии будет быстро и безболезненно решена. Не устранена угроза нанесения превентивного удара со стороны Израиля и США по Ирану, что представляет опасность не только для сопредельных стран региона, но и для России. Вряд ли ситуация *рассосется* сама по себе. Не следует ожидать, что КНДР пойдет на уступки и произойдет качественное изменение вокруг ситуации с ядерной программой страны. Сохраняющиеся разногласия между Россией и США по вопросу о противоракетной обороне ведут к напряженности и снижению уровня глобальной безопасности. Эти негативные тенденции, проявляющиеся сегодня, будут сохраняться. В целом, 2012 г. будет сложным периодом для мировой политики по нескольким причинам. *Во-первых*, продолжит действовать инерция сложившегося политического и экономического кризиса в мире. *Во-вторых*, в текущем году произойдет смена власти в США, Китае, России, Франции. Период предвыборных кампаний — это время глобальных рисков и непредсказуемости. *В-третьих*, не исключено, что летом произойдет осложнение международной экономической ситуации и сползание мира в очередной финансовый кризис, а это значит, что повысятся политические риски.

Напряженными оставались узбекско-таджикские отношения. 1 апреля Узбекистан прекратил поставки газа в Таджикистан. Ташкент объяснил, что приоритетными являются поставки газа в Китай, а для Таджикистана ресурсов не хватает. Тем не менее 16 апреля поставки газа в Таджикистан возобновились.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность**. 3–4 мая Россия провела международную конференцию «Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности». В ней приняли участие более 200 представителей военных ведомств, специалистов и экспертов из 50 стран, в том числе из 28 государств НАТО. В ходе конференции российская сторона с помощью компьютерной презентации попыталась продемонстрировать, что система противоракетной обороны, разворачиваемая в Европе, несет угрозу для стратегических ядерных сил России, и обозначила меры, которые будут приняты для парирования угрозы. Представителям НАТО доводы России показались неубедительными. США заявили, что могут дать политические гарантии ненаправленности ПРО против России.

  25 марта в Сеуле состоялся международный саммит по ядерной безопасности. На нем было принято коммюнике с призывом укреплять физическую ядерную безопасность и снижать угрозу ядерного терроризма.

  Индия 19 апреля испытала новую межконтинентальную баллистическую ракету. В ответ 25 апреля **Пакистан** испытал стратегическую ракету *Хатф-4*.

  20–21 мая в Чикаго (США) состоялся очередной саммит НАТО. На нем было объявлено о начале масштабной военной реформы альянса и принята концепция *умной обороны*. Концепция предусматривает более эффективное использование военного потенциала при меньших затратах в условиях финансовых сложностей у государств-членов организации. На саммите НАТО также было объявлено о создании первой фазы ПРО.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В **Аргентине** 22 февраля в результате железнодорожной аварии погибли более 50 человек.

  В **Конго** 4 марта на складе боеприпасов произошел взрыв, жертвами стали более 200 человек.

  В **Швейцарии** 14 марта в результате автокатастрофы школьного автобуса погибли 28 человек, большинство из них дети.

Фарход ***Толипов (Узбекистан)****, независимый политолог — по телефону из Ташкента*: Посольство Таджикистана в Ташкенте в начале апреля сделало недружелюбное заявление о том, что Узбекистан блокирует проезд поездов и поставки газа в Таджикистан и тем самым стремится дестабилизировать обстановку в этой республике. Это вызвало новую волну напряженности в узбекско-таджикских отношениях на официальном уровне. Неоднозначным остается вопрос о выходе Казахстана и Узбекистана из объединенной энергосистемы Центральной Азии. Разрыв этой системы может обострить ситуацию взаимного недоверия между странами региона и еще больше усугубить проблемы региональной интеграции. Из позитивных событий, которые могут способствовать спокойному развитию ситуации в Центральной Азии, следует отметить начало функционирования Северного маршрута доставки грузов и вывода войск из Афганистана.

Сержио ***Дуарте (Бразилия)****, посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Бразилиа*: Международная безопасность стремительно понижается по четырем основным причинам. Ядерные державы по-прежнему не намерены брать на себя конкретные, необратимые, верифицируемые, правовые обязательства по сокращению своих ядерных арсеналов. Подобная неуступчивость угрожает вылиться в ядерную гонку вооружений в космическом пространстве. Неядерные державы чувствуют свою уязвимость перед ядерными, что провоцирует их на создание и распространение собственного ядерного оружия. Отсутствие ясности вокруг ядерной программы Ирана и нежелание руководства страны давать какие-либо внятные объяснения мировому сообществу по этому вопросу — еще одна глобальная угроза. КНДР осуществила запуск двух ракет малой дальности, что усилило напряженность на Корейском полуострове. Нет поводов для надежды, что ситуация в мире улучшится летом 2012 г.

В **России** в городе Тюмень 2 апреля произошла авиакатастрофа, погибли более 30 человек.

В **Пакистане** 20 апреля при заходе на посадку разбился пассажирский самолет, погибли 127 человек.

Крупные теракты совершены в Афганистане, Турции, Ираке, Таиланде, Пакистане, Сирии, Сомали, Колумбии.

Антиправительственные демонстрации имели место в Сенегале, Бангладеш, на Мальдивах.

В марте в городе Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района **КНР** вспыхнули столкновения с участием местных жителей, есть жертвы.

В **Индии** на саммите БРИКС 28 марта подписано соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах.

В **Аргентине** 11 апреля у посольства Великобритании вспыхнули массовые беспорядки из-за Фолклендских островов.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ИЗБИТЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Утверждения, что международная политика и вся мировая система вступили в период бурных изменений, стали банальностью. Однако большинство оценок и прогнозов, подготовленных правительственными ведомствами, корпорациями и академическими экспертами, как, впрочем, и стереотипы массового сознания, де-факто исходят из неизменности существующих трендов. Эпицентр глобальной экономики и политики перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Развитие событий там определяется соперничеством США и Китая, превращающегося в гипердержаву XXI в. Россия была, есть и будет главным поставщиком газа в Европу, а страны Персидского залива — нефти на мировой рынок. В закат Европы и США поверили уже авторы популярных статей на эту тему. Список такого рода аксиом нынешнего стратегического мышления достаточно длинный.

Между тем развитие событий все острее ставит вопрос — в какой мере существующие представления о развитии международной системы требуют коррекции? Неясно, правда, можно ли на него ответить. Так, автор бестселлера «Черный лебедь» Насим Талеб пишет: «Мы прогнозируем дефициты бюджета и цены на нефть на тридцатилетний срок, не понимая, что не можем знать, какими они будут следующим летом. Совокупные ошибки в политических и экономических прогнозах столь чудовищны, что когда я смотрю на их список, мне хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я не сплю. Удивителен не масштаб наших неверных прогнозов, а то, что мы о нем не подозреваем. Это особенно беспокоит, когда мы ввязываемся в смертельные конфликты: войны непредсказуемы по самой своей природе (а мы этого не знаем)»[1]. Для таких суждений есть немало оснований. Но, возможно, дело не в неспособности человеческого мышления предвидеть изменения сформировавшихся тенденций. Скорее, причина лежит во взаимоотношениях экспертного сообщества, бюрократических и политических элит, корпораций и масс-медиа. Немалую роль играет механизм формирования и эволюции политических стереотипов.

Последние возникают как отражение — относительно адекватное или частично искаженное — тех или иных элементов окружающей действительности. Однако будучи инерционными, они со временем приходят во все большее противоречие с меняющейся реальностью. Но и массовое сознание, и элиты, как правило, отвергают точки зрения, не укладывающиеся в систему установившихся представлений. В свою очередь, экспертное сообщество, единственно способное систематически выявлять и оценивать новые тренды, склонно не корректировать устаревающие взгляды, а приспосабливаться к доминирующим мнениям. А правящие группы заинтересованы в том, чтобы экспертные круги поддерживали их стратегические установки, и в этих целях закрепляют или формируют соответствующие стереотипы[2].

Дайан **Джаятиллека (Шри-Ланка)**, *Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа*: Переговоры США с талибами деморализуют всю суть военной кампании Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Сами талибы понимают, что следует выдержать некоторое давление до тех пор, пока Вашингтон не выведет весь контингент из страны. Талибы обладают мощной военной и идеологической базой и признаются серьезной политической силой в стране. В Южной Азии сдержанно относятся к переговорам США с талибами, но приветствуют любой политический диалог, осознавая, что американцам вряд ли удастся выиграть эту войну. Несмотря на большие потери в ходе афганской кампании, США и их союзники не спешат создавать архитектуру безопасности, включающую в себя все стороны, заинтересованные в стабилизации ситуации в Афганистане. Но если талибы останутся, кондоминиум стран, включающий Россию, Китай, Пакистан, Индию и Иран жизненно необходим для поддержания безопасности в соседних с Афганистаном регионах. Многое будет зависеть от динамики политических процессов в Пакистане.

На мой взгляд, для того, чтобы вернуть Афганистан в лоно цивилизованных стран, необходимо принять ряд неортодоксальных решений. Важно начать развивать в ИРА институт гражданского общества, вернуть в страну сотни и тысячи образованных людей, принадлежавших ранее Коммунистической партии Афганистана и Народно-демократической партии. Эти силы должны войти в состав нового коалиционного правительства и сформировать национально-демократический характер его развития.

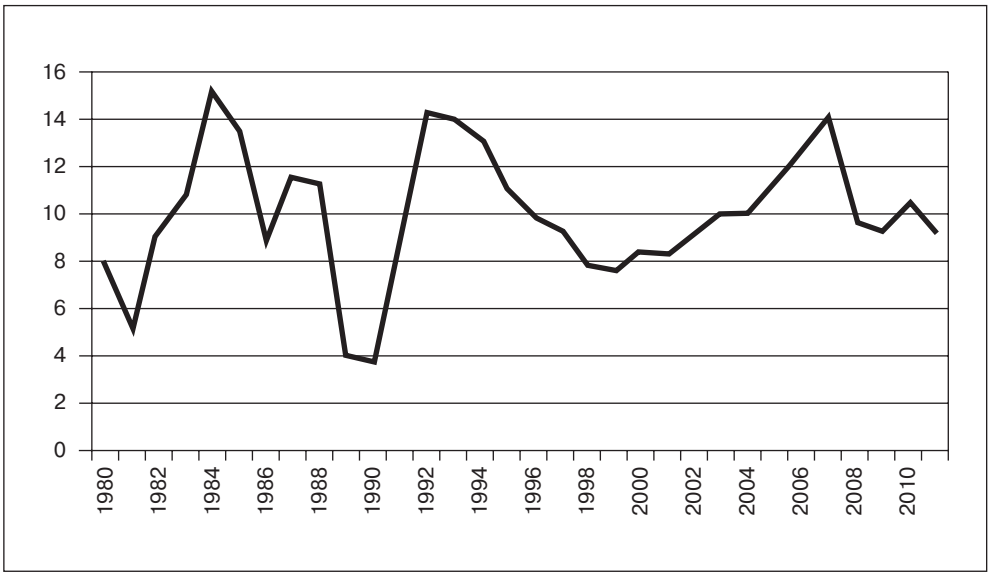
КИТАЙСКИЙ КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

Считается, что в обозримой перспективе Китай выйдет примерно на один уровень с США по экономической, а затем и по военной мощи. В результате возникнет новая, относительно стабильная глобальная система, основанная на американо-китайской биполярности. Европа, не говоря уже о России, окончательно отойдет на второй план. Масс-медиа нередко рисуют малопривлекательную картину того, как загадочные правители Китая, вдохновленные бессмертными идеями Сунь-цзы, в тихих кабинетах Чжуннаньхая разрабатывают рассчитанные на десятилетия вперед планы мирового господства.

За тридцать лет, прошедших с начала глубоких экономических реформ, Китай добился грандиозных успехов. В 2011 г. ВВП Китая составил по текущему обменному курсу около 7,3 трлн долл., или примерно половину соответствующего показателя США, а пересчитанный по паритету покупательной способности ВВП достиг умопомрачительной величины — 11,3 трлн долл. — около 14% мирового ВВП[3]. На 500 млн человек (с 85% в начале 1980-х гг. до примерно 12–14% в конце 2000-х гг.) сократилось количество людей, живущих в условиях абсолютной бедности, то есть не имеющих средств для удовлетворения базисных потребностей в пище, жилье, одежде и энергии. Начиная с 1992 г. темпы роста ВВП не опускались ниже 8% в год, а в 2000-х гг. составили в среднем около 10%. В декабре 2011 г. золотовалютные резервы Китая достигли 3,2 трлн долл., тогда как в 1995 г. они не превышали 75 млрд долл.

Это оказывает гипнотическое воздействие на общественное мнение и профессиональных экономистов, умеющих лишь экстраполировать существующие тенденции. Однако имеются серьезные основания сомневаться в блестящем будущем Китая. Десять лет назад ведущий американский синолог Минсин Пей писал: «Внешнему миру Китай являет собой картину многообещающего и динамичного развития. Размер его потенциального рынка, стабильно высокие темпы роста, недавнее вступление в ВТО сделали Срединное царство средоточием прямых иностранных капиталовложений. […] Но за кружащей голову картиной прогресса и процветания скрывается совершенно иная реальность, замаскированная сверкающими образами Шанхая, Пекина и других городов приморской зоны. Будущее

Рис. 1. **Темпы роста ВВП Китая, 1980–2011 гг., %[4]**

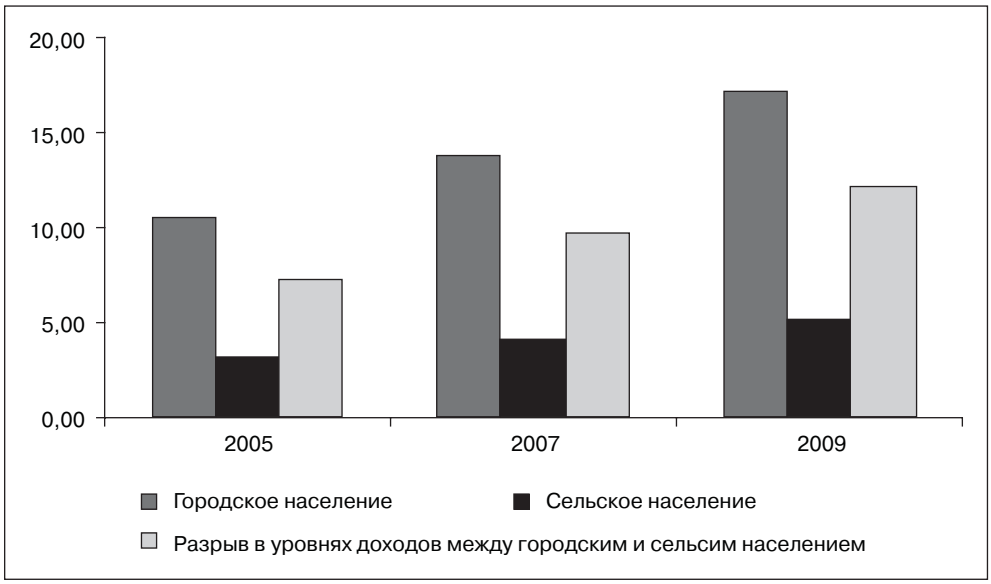


Китая и западных интересов в этой стране зависит от того, как новые лидеры Китая справятся с этой мрачной реальностью»[5].

Сегодня такие оценки более чем актуальны. Несмотря на рост благосостояния масс острые социальные проблемы Китая далеки от разрешения. В последние месяцы нарастают признаки серьезного экономического кризиса. В начале 2012 г. на поверхность вышли разногласия в руководстве КПК.

В ноябре 2011 г. китайские власти почти в два с половиной раза повысили уровень прожиточного минимума для сельских районов, доведя его до 2300 юаней в год (около 1 долл. в день по текущему курсу), что примерно соответствует критерию абсолютной бедности, установленному Всемирным банком (1,25 долл. по ППС в день на человека). В результате, численность нищего населения в Китае оценивается в 128 млн человек. Более 40% населения страны — почти 600 млн человек, главным образом, в сельских районах, живут в условиях относительной бедности. Их доход составляет менее 2 долл. по ППС на человека в день[6]. В особо тяжелом положении находятся 150–200 млн сельских жителей, вынужденных выезжать в города для заработка. Не имея местной прописки, они лишены доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, получают заниженную заработную плату и находятся в полной зависимости от работодателей.

Рис. 2. **Доходы городского и сельского населения Китая (тыс. юаней)[7]**



Быстрый экономический рост Китая сопровождался увеличением разрывов в уровнях жизни между городскими и сельскими районами; а также между наиболее состоятельной и самой обездоленной частями населения.

К концу 2000-х гг. разница между среднегодовыми доходами городских и сельских жителей превысила 12 тыс. юаней, тогда как в середине прошлого десятилетия она равнялась 7 тыс. юаней. В 2007 г. коэффициент Джини составил 0,49[8]. Судя по всему, его рост с тех пор не останавливался. Считается, что, если этот показатель достигнет 0,6, общество подойдет к грани социального взрыва. Сохраняется глубокая дифференциация между провинциями, где концентрируются инвестиции и относительно современные производства, главным образом в приморской зоне на востоке страны, с одной стороны, и центральными и западными районами, с другой.

Таблица 1. **Дифференциация регионов Китая по уровню экономического развития**[9]

	ВВП на душу населения (тысяч долл.)		Доля населения в 2011 году (%)
	1978	2011	
I группа	0,946	12,765	4
II группа	0,213	9,178	12
III группа	0,243	7,541	17
IV группа	0,220	5,279	21
V группа	0,156	4,336	37
VI группа	0,167	2,904	9

Наиболее развитые регионы Китая, принадлежащие к I и II группам, сопоставимы по уровню доходов с Бразилией и некоторыми другими странами среднего уровня. Там сосредоточена большая часть среднего класса, технической интеллигенции, исследовательские центры, проживает 16–20% населения. На протяжении многих лет в них направлялось более 50% национальных капиталовложений в основной капитал и более 90% иностранных инвестиций[10]. На другом полюсе — обширные зоны, с примерно 45% населения страны, сходные по уровню и качеству жизни с такими государствами, как Фиджи, Тонга, Эль Сальвадор или Босния и Герцеговина.

Но дело не только в самих по себе различиях в уровнях развития тех или иных регионов. В результате обостряется конкуренция за бюджетные средства и иностранные инвестиции, расходятся экономические и, соответственно, политические интересы. Наряду с приморскими провинциями восточного побережья, специфические интересы характерны для северо-восточного Китая, южных районов, крупнейшей провинции Сычуань и так далее. Само по себе это обстоятельство не приводит к политической дезинтеграции. Однако в сочетании с другими дестабилизирующими факторами, например, в случае политического или экономического кризиса такие контрасты могут оказаться опасными для единства страны.

В этой связи привлекают внимание участившиеся в последние месяцы сообщения о надвигающемся экономическом кризисе Китая, начало которому может положить коллапс банковской системы. В конце прошлого десятилетия, под воздействием финансового кризиса в США и Европе, китайское руководство в очередной раз сделало ставку на увеличение инвестиций, чтобы сохранить высокие темпы экономического роста. Это обусловлено глубокими особенностями китайской экономики, которую любят сравнивать с велосипедом, на котором можно удержать равновесие, только двигаясь вперед. «Пока темпы экономического роста высокие, — писал, например, профессор Университета Кукмин в Сеуле А.Н. Ланьков, — уровень жизни растет у всех социальных слоев. Он растет по-разному. Молодой финансист в Шанхае думает, будет ли он покупать *Porsche,* или *Jaguar*. В это время бедный крестьянин решает, что впервые в жизни он может позволить себе не велосипед с моторчиком, а настоящий мопед. И тот, и другой счастливы, уровень жизни растет у всех, хотя разрыв продолжает возрастать. Но это происходит, поскольку велосипед движется вперед. Если велосипед затормозит — будут большие проблемы»[11].

Большую часть инвестиций составили банковские кредиты, в том числе выданные местным властям. По одним данным, в 2011 г. государственный долг Китая мог бы составить почти 40 трлн юаней (около 5,8 трлн долл. по текущему курсу) или около половины ВВП[12]. По другим данным в 2011 г. он мог достигнуть 89 или даже 160% ВВП. Точные оценки задолженности китайских властей получить крайне трудно, если вообще возможно, поскольку значительную ее часть составляют так называемые спрятаные займы, полученные провинциальными правительствами в теневом финансовом секторе[13]. Доля последнего в общем объеме выданных кредитов достигла 50%[14].

Как бы то ни было, масштабы надвигающегося банковского кризиса весьма велики, поскольку большая часть инвестиций предназначена для инфраструктурных проектов, не дающих быстрой отдачи, и строительства. Огромные средства оказались замороженными, в том числе в неликвидной недвижимости. Накапливаются *плохие долги*, угрожающие подорвать банковский сектор. «Экономика Китая — это огромный пузырь, — отметили в начале 2012 г. специалисты ИМЭМО РАН. — Его особенность заключается в сочетании избыточных мощностей в промышленности, инфляции, огромной безработицы, дополняемых пузырем в недвижимости. Пузыри, скорее всего, лопнут, оказав серьезное негативное воздействие на мировой рынок. События последних лет доказали несостоятельность экспортной стратегии. Ее продолжение в прежнем виде невозможно. Былых конкурентных преимуществ Китай уже не имеет. Китай не в состоянии служить локомотивом мировой экономики»[15].

В известной мере этот вывод подтверждается аналитиками Всемирного банка, опубликовавшего в начале 2012 г. пространный доклад с типичным для современного либерального мейнстрима заглавием «Китай–2030. Строительство современного, гармоничного, творческого общества с высокими доходами»[16]. Содержательно доклад сфокусирован на двух проблемах. Первая — анализ сложившейся в Китае ситуации. Вторая — детально разработанные рекомендации, как преодолеть наступающий кризис, представляющие интерес, главным образом, для любителей абстрактных экономических изысканий. Хотя эти рекомендации сами по себе вполне разумны — дальнешее распространение рыночных механизмов и институтов, развитие человеческого потенциала, приоритетное внимание к экологическим проблемам и так далее, реализация их крайне проблематична, поскольку требует существенной коррекции политической системы.

Однако диагноз поставлен достаточно ясно: Китай столкнулся с проблемами, типичными для стран, находящихся в *ловушке дохода среднего уровня*. Это маловразумительное словосочетание означает, что факторы, обусловливавшие быстрое экономическое развитие страны, либо уже исчерпаны, либо близки к этому. «Факторы и преимущества, обусловливавшие быстрый рост [на первом этапе перехода к среднему уровню дохода — *Ю. Ф.*] — низкая стоимость рабочей силы и легкая адаптация технологий, исчезают, когда страны достигают среднего или выше среднего уровня развития. Становится необходимым искать новые источники роста»[17]. Расшифровывая этот тезис, авторы доклада пишут: «Страны с низким уровнем дохода успешно конкурируют на международных рынках, развивая трудоемкие и малозатратные производства на основе полученных из-за рубежа технологий. Быстрый рост производительности труда [в начальный период — *Ю. Ф.*] обусловлен перетоком капитала и рабочей силы из низкопроизводительного сельского хозяйства в промышленность, где производительность намного выше. Но при выходе на средний уровень дохода приток рабочей силы сокращается, а зарплата растет, подрывая конкурентоспособность»[18].

В целом это краткое, но точное описание эволюции китайской экономики за последние тридцать лет. Нынешняя ситуация в Китае осложняется еще и тем, что в результате политики снижения рождаемости численность населения практически стабилизировалась. Предполагается, что она достигнет максимума в районе 2020 г., лишь незначительно — на 2–3% — увеличившись по сравнению с нынешним уровнем, и затем начнет снижаться. В итоге увеличивается доля старших возрастных групп и демографическая нагрузка на каждого работающего, исчерпываются возможности увеличения рабочей силы в результате возрастающего притока трудоспособной молодежи.

Выход из этой ловушки, как показывает опыт нескольких стран, невозможен без технологической и социальной модернизации. Вопрос о том, в какой мере китайская элита способна модернизировать социальные и политические институты, остается спорным. Но есть другая сторона дела. Помимо всего прочего, должна быть обновлена технологическая база большей части экономики, что требует колоссальных затрат. Еще важнее, что страна не может просто заимствовать из-за рубежа современные технологии, но должна создавать свои собственные. Интел-

лектуальный капитал стал одним из главных, может быть, самым главным фактором, определяющим перспективы социально-экономического развития страны и ее положение в мировой системе.

Непреодоленная научно-техническая отсталость — одно из самых слабых мест Китая. Хотя по отдельным направлениям НТР он добился определенных успехов, по общему уровню научного и технологического развития страна заметно отстает от развитых государств и России. Пилотируемый космический полет был осуществлен в Китае в 2003 г., в СССР и США это было сделано в начале 1960-х гг. До сих пор в Китае нет разделяющихся боеголовок индивидуального наведения. Иными словами, по уровню развития ракетно-космических технологий Китай отстает от России на 30–40 лет. Похожая ситуация в авиастроении. Прототипом самого современного китайского боевого самолета *Чэнду J-10* послужил израильский истребитель *Lavi*, оснащенный при этом российскими двигателями. Между тем, способность создавать космическую и авиационную технику гражданского и военного назначения является одним из ключевых показателей развития научного и технологического потенциала Китая, страны, стремящейся самостоятельно разрабатывать и производить современную военную технику.

Разумеется, китайское руководство не жалеет средств на создание мощного научно-технического потенциала. Во второй половине 2000-х гг. расходы на НИОКР растут примерно на 12% в год. В 2010 г. они составили около 150 млрд долл. В стране издается 4700 научных и технических журналов[19]. Однако эффективность этих услий невелика, по крайней мере, до настоящего времени. Примерно 95% всех патентов, выданных китайским исследователям и инженерам властями КНР, представляют собой «инновации, вносящие лишь незначительные изменения в существующие конструкции»[20]. Количество патентов, полученных китайскими авторами за пределами Китая, то есть признанных на международном уровне, минимально. Так, американское патентное ведомство U. S. Patent and Trademark Office в 2010 г. выдало китайским исследователям примерно в 15 раз меньше патентов, чем, например, японским.

Таблица 2. **Количество патентов, выданных U. S. Patent and Trademark Office (тысячи)[21]**

	1995	2000	2005	2010
США	55,6	84,7	74,3	107,1
ЕС	16,3	25,2	21,3	30,7
Япония	21,8	31,3	30,4	44,9
Китай	0,168	0,326	0,744	3,2
Россия	0	0	0,222	0,385

Есть и другие показатели, свидетельствующие о том, что Китай намного отстает от США, ЕС и Японии в научно-технической области. В частности, на США, Европейские государства и Японию приходится примерно по 30% патентов, имеющих высокую глобальную ценность, тогда как Китай входит по этому показателю в группу государств, которым в 2000-е гг. принадлежало в общей сложности от 5 до 6% патентов такой категории[22]. Иными словами, расхожее представление о Китае как о формирующейся гипердержаве XXI в., как минимум, требует серьезной коррекции. Страна, неспособная самостоятельно создавать высокие технологии гражданского и военного назначения мирового уровня, по самой своей природе не может быть гипердержавой. Признаков того, что Китай преодолевает отставание в научно-технической области, пока нет.

*Ирма **Аргуэльо (Аргентина)**, председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса*: Резко обострились отношения между Аргентиной и Великобританией из-за Мальдивских/Фолклендских островов. Замороженный конфликт угрожает перерасти в активную фазу. Официальный Буэнос-Айрес на всех международных форумах поднимает проблему милитаризации Южной Атлантики в связи с активизацией британских атомных подлодок близ границ государств региона. Великобритания не признает начала новой конфронтации с Аргентиной. Тем не менее, напряженность растет. В Колумбии повстанческая группировка ФАРК захватила в заложники французскую журналистку. Растет нестабильность в Венесуэле из-за прогрессирующей болезни Уго Чавеса. Прогнозы относительно улучшения его состояния пессимистичные. Чавес принял решение отказаться от участия в работе комитета по правам человека Организации американских государств. Президентский Саммит Америк в апреле 2012 г. продемонстрировал новые разногласия в отношениях США с некоторыми государствами Южной Америки. Аргентина и Боливия приняли решения национализировать крупнейшие нефтяные компании в своих странах. Это вызвало жесткую критику Испании и других государств Европейского Союза.

Одновременно все более вероятным является сценарий нарастания в Китае экономического, а затем политического кризиса, последствия которого предсказать крайне трудно, если вообще возможно. Одним из признаков его приближения является рост неомаоистских настроений. *Идеи Мао* в их модернизированном варианте становятся элементом массового сознания. Распространяется миф о бывшем властителе Китая как о борце за интересы простых людей. Если эти тренды сохранятся, то возможен социальный взрыв, *новая культурная революция*, острие которой будет направлено против реформ и их носителей. Но, как и в период *культурной революции*, недовольство дезориентированных масс будет использовано политическими силами в борьбе за власть.

О том, что такое развитие событий не исключено, свидетельствует падение в марте 2012 г. одного из руководителей Компартии Китая Бо Силая, шефа партийной организации крупнейшего китайского мегаполиса Чунцин, которому прочили членство в состоящем из 9 членов Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК, высшем органе власти в стране. Мировые СМИ оживленно комментировали крах Бо Силая, обсуждая подробности скандала, связанного с его коррупционными махинациями и убийством в Чунцине британского бизнесмена, делового партнера и. возможно, бойфренда жены партийного руководителя мегаполиса. Но, похоже, устранение Бо Силая с политической арены, было вызвано тем, что он содействовал распространению в Чунцине неомаоистских настроений. Можно предположить, что верхушка китайской Компартии всерьез обеспокоилась, что Бо Силай, опираясь на растущее недовольство масс, а возможно, и части госаппарата, может прорваться к власти и пересмотреть нынешнюю стратегию развития страны.

СЛАНЦЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В политических и академических кругах, масс-медиа и общественном мнении широкое распространения получило представление о том, что после распада СССР и окончания холодной войны международные отношения в растущей мере определяются борьбой за сокращающиеся природные ресурсы, прежде всего

месторождения нефти и газа. Перспективы грядущих *войн за ресурсы,* в том числе в Арктике, стали постоянной темой для обсуждений не только в средствах массовой информации, рассчитанных на непритязательную публику, но и в претендующей на респектабельность академической литературе. Много написано о том, что *эпицентр* мировой политики переместился из Европы на Ближний и Средний Восток. Действительно, лидеры развитых стран нервно вздрагивают при падении очередного арабского диктатора, столкновении племен в Йемене и каждом выступлении Ахмадинежада. Причина тому, прежде всего, в уникальном положение этих регионов как источника углеводородов глобального масштаба. Выводы, основанные на экстраполяции существующих трендов, например, результаты расчетов экспертов *BP*, предполагают сохранение или возрастание доли Ближнего Востока в мировом производстве углеводородов и энергии в целом.

Таблица 3. **Доля Ближнего и Среднего Востока в мировой энергетике (%, прогноз *BP*)[23]**

	1990	2010	2030
Нефть	26,8	30,3	36,5
Природный газ	5,1	14,4	19,0
Мировое производство энергии	11,5	14,7	14,9

Похоже, однако, что эти и многие другие оценки и прогнозы не учитывают несколько факторов, способных принципиально изменить расстановку сил на мировом рынке углеводородов. Речь идет не только об открытии и освоении новых месторождений конвенциональной нефти в Судане и Восточной Африке в целом, Гвинейском заливе и так далее, но, что намного важнее, о введении в мировой энергетический баланс сланцевых газа и нефти.

Технически извлекаемые ресурсы сланцевого газа в мире, по сугубо предварительным и, видимо, заниженным оценкам, составляют около 185 трлн м^3, то есть примерно 40% аналогичных традиционных ресурсов природного газа.

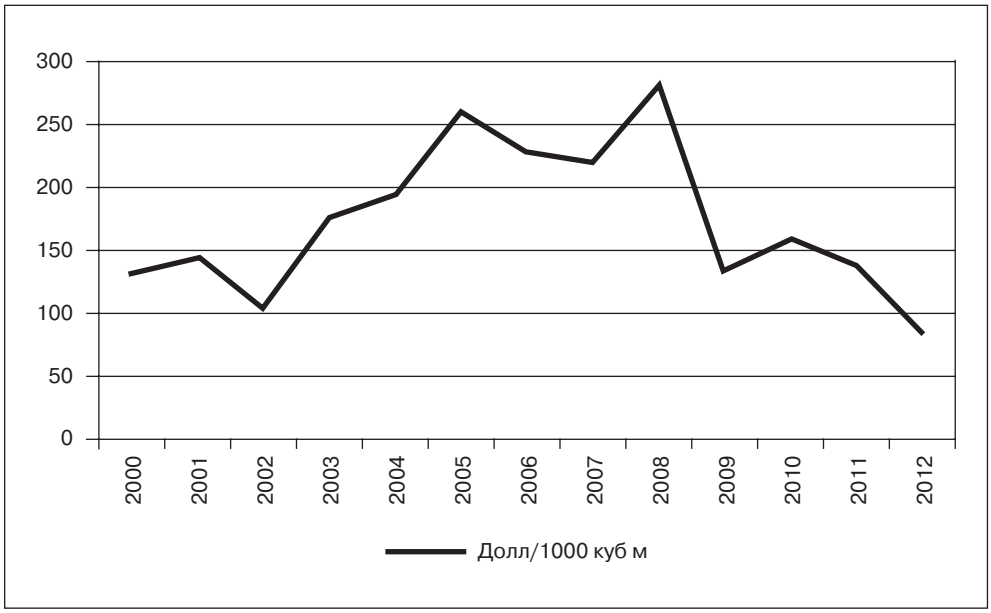
Таблица 4. **Технически извлекаемые ресурсы сланцевого газа (трлн м^3)[24]**

Северная Америка	35,4
Центральная и Южная Америка	53,9
Европа	17,1
Азия	50,5
Африка	29,5

Наиболее крупные из известных сегодня его месторождений находятся в Китае, США, Аргентине и Мексике. Сколько-нибудь обоснованные обобщающие оценки его запасов, разработка которых с использованием нынешних технологий коммерчески рентабельна, пока неизвестны.

Сланцевая революция, то есть добыча сланцевого газа в промышленных масштабах, началась в США в первой половине 2000-х гг. в результате внедрения двух новых технологий — горизонтального бурения и гидроразрыва пластов. В значимых количествах сланцевый газ появился на рынке в 2008 г. и с тех пор его производство быстро растет. По данным американского правительственного Агентства энергетической информации, в 2010 г. в Соединенных Штатах было произведено около 140 млрд м^3 сланцевого газа, что составило примерно 23% общей добычи газа в стране[25]. По оценкам крупнейшей частной консалтинговой фирмы *IHS Global Insight*, доля сланцевого газа в 2010 г. достигла 27% производства природного газа в США, а в 2011 г. она возросла до 34%, то есть до 220 млрд м^3.[26]

Рис. 3. **Цена природного газа в США «на выходе из скважины» (wellhead price)** [27]



В итоге его ежегодное производство в США в 2008–2011 гг. выросло более чем на 100 млрд м^3. Произошло падение цен на газ и сокращение его импорта, в том числе из нестабильных районов мира. Примерно в два раза, по сравнению с серединой 2000-х гг., вырос экспорт. Правительственные эксперты и аналитики *IHS Global Insight* расходятся в прогнозах относительно конкретной доли сланцевого газа в энергетическом балансе США в ближайшие 10–20 лет, но согласны с тем, что она будет расти.

В сочетании с массовым внедрением технологий сжижения газа и его транспортировки в сжиженном виде, относительно низкие издержки добычи газа в США — как конвенционального, так и сланцевого, делают крупномасштабный экспорт газа из США коммерчески эффективным. Оптовые цены на природный газ в Европе колеблются около 350 долл. за тысячу м^3, а в Азии — достигают 450 долл. за тысячу м^3.

Не менее важную роль в мировой экономике и, следовательно, политике сыграет освоение месторождений так называемой сланцевой нефти — смолы (керогена), близкой по составу к нефти, составляющей обычно от 10 до 30% окаменевшей глины, известной под названием сланцы. В настоящее время сланцевая нефть добывается в небольших количествах в Китае (около 375 тыс. т в год), Бразилии (200 тыс. т в год), а также в Эстонии (355 тыс. т в год), что полностью избавило эту страну от импорта нефти. Как правило, сланцы добывают в шахтах или в открытых карьерах и затем извлекают из них кероген, но в последние годы для его получения были разработаны технологии, сходные с теми, что применяются при добыче сланцевого газа.

По последним оценкам мировые ресурсы технически извлекаемой сланцевой нефти весьма велики — около 4,8 трлн баррелей, что эквивалентно почти 690 млрд т. Это в 4,5 раза больше, чем известные запасы нефти, добыча которой сегодня оправдана с экономической точки зрения. Основные известные сегодня месторождения сланцевой нефти находятся в США.

Таблица 5. **Мировые ресурсы сланцевой нефти[28]**

Регион	Млрд баррелей	Млрд тонн
Африка	159,3	23,2
Северная Америка	3 722,0	536,9
Центральная и Южная Америка	82,4	11,8
Азия	384,3	51,9
Европа	368,2	52,8
Ближний Восток	38,2	5,8
Австралия и Новая Зеландия	31,7	4,5

Перспективы освоения сланцевых нефти и газа и, соответственно, перспективы глубокой перестройки мирового энергетического рынка определяются тремя группами факторов: наличием технологий их добычи себестоимостью добычи, а также геополитическими и стратегическими соображениями. Необходимые технологии созданы и совершенствуются. Стратегические факторы также очевидны. Сильная зависимость мировой энергетики от ограниченного числа крупнейших источников углеводородов, находящихся в политически нестабильных районах, порождает напряженность рынка, постоянные всплески и падения цен, чревата экономическими катастрофами в случае длительного перерыва поставок.

По большинству оценок, производство сланцевой нефти становится рентабельным при оптовых ценах, начиная с 60 долл. за баррель. Это намного выше, чем себестоимость добычи нефти из давно разрабатываемых месторождений и ее транспортировки к районам переработки и потребления. Так, в 2010 г. себестоимость добычи нефти у российских и ряда крупнейших западных компаний находилась между 4 и 10 долл. за баррель[29]. Однако ситуация принципиально меняется, когда речь идет об освоении новых источников конвенциональной нефти, например, глубоководных морских месторождений. Себестоимость добычи в этих случаях сопоставима с себестоимостью производства сланцевой нефти.

Таблица 6. **Стоимость приращения производства нефти (затраты на производство каждого последующего барреля из-за изменений условий добычи), долл. за баррель[30]**

Страна	Способ приращения производства нефти	Затраты на добычу каждого последующего барреля нефти (incremental oil cost), долл. за баррель
Бразилия	Глубоководные месторождения	60–80
США	Месторождения на шельфе	70–80
Казахстан	Месторождения на шельфе	70–80
Казахстан	Сухопутные месторождения	50–70
Ангола	Глубоководные месторождения	70–80
ОАЕ	Реконструкция месторождений	50–70

Перспектива глубоких изменений в энергобалансе США, а в дальнейшем — в глобальных масштабах, связанных с освоением сланцевых газа и нефти, затрагивает весьма чувствительные политические и экономические интересы энергетических компаний и государств, экспортирующих и импортирующих углеводороды. Это,

естественно, приводит к острой дискуссии относительно самой возможности *сланцевой революции* и ее последствий. В частности, появление на американском рынке больших дополнительных объемов газа повысило предложение и, соответственно, снизило внутренние цены на него до минимума — примерно 90–100 долл. за тысячу м^3 в начале 2012 года. Этим моментально воспользовались противники освоения сланцевых месторождений, утверждавшие, что компании, добывающие сланцевый газ, искажают отчетность и находятся на грани банкротства, поскольку себестоимость его производства достигает 260–280 долларов за м^3.[31] Насколько обоснованны такого рода расчеты, сказать трудно. Цены на газ в США колеблются в широком диапазоне значений, определяясь сложной комбинацией факторов. Сторонники *сланцевой революции* подчеркивают, в свою очередь, что рентабельность производства сланцевого газа обусловлена высокой рыночной стоимостью его жидких фракций, которые составляют примерно 17% общей добычи, но приносят 40% выручки[32]. Но главное в другом — на момент написания этого обзора не было каких-либо свидетельств того, что компании, добывающие сланцевый газ, находятся в скверном финансовом положении.

Разумеется, масштабы производства сланцевых нефти и газа (а также других неконвенциональных углеводородов — газа из плотных коллекторов, канадских нефтеносных песков, газогидратов, угольного метана и так далее) зависят не только от наличия технологий и себестоимости добычи, но также от экологического фактора, общественного мнения, политической и военно-политической обстановки в основных зонах добычи, темпов роста мировой экономики и многих других обстоятельств. В итоге прогнозирование конкретных сроков ввода в действие тех или иных месторождений и объемов производства сланцевых нефти и газа практически невозможно. Но базовый тренд определился достаточно ясно — добыча этих углеводородов будет расти, стоимость их производства и транспортировки будет играть растущую роль в формировании цен на нефть и газ, а структура мирового энергетического рынка претерпит (возможно, уже в течение ближайших 10–12 лет) серьезные изменения.

Геополитические и стратегические последствия этих изменений будут более чем заметными. *Во-первых*, серьезно снизятся вклады стран Персидского залива и России в производство углеводородов. Соответственно, сократится значение зоны Персидского залива и Ближнего Востока в целом в мировой политике. Россия потеряет ключевой, возможно, единственный практически значимый инструмент влияния на события в Европе и в более широком международном контексте.

Во-вторых, США не только достигнут самообеспечения по нефти и газу, но превратятся в их экспортера мирового уровня. В сочетании с высоким потенциалом научно-технического развития, огромной экономической и военной мощью это еще более укрепит роль США в мировой системе. Последняя приобретет все более четкие *однополярные* очертания.

В-третьих, снизится зависимость Европейских государств, Японии и Китая от импорта нефти и газа, и, следовательно, их нынешний чрезмерный интерес к развитию событий на Ближнем Востоке. В Китае в сочетании с нерешенными экономическими и социальными проблемами это будет содействовать концентрации внимания и усилий на внутренних проблемах и сокращению внешнеполитической активности, одним из главных мотивов которой является стремление гарантировать бесперебойные поставки нефти и газа и безопасность путей их транспортировки.

В-четвертых, будет окончательно дискредитирована популярная, но наивная концепция войн за ресурсы. Сократится, возможно, до минимального уровня интерес к дорогостоящим и крайне трудным в техническом отношении проектам добычи углеводородов в Арктике. (По данным внутрикорпоративного учебного курса компании *Роснефть* себестоимость добычи одной тонны нефти составляет на разрабатываемых сегодня месторождениях Российской Федерации — 30–60 долл.; а на арктическом шельфе — 200–300 долл.[33]). Эта тенденция уже проявилась в замораживании освоения Штокмановского месторождения. Замедлится развитие ядерной энергетики.

ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Немало стереотипов сформировалось относительно России. В частности, в российских оппозиционных кругах широкое распространение получила концепция, согласно которой третье президентство Путина стало началом конца нынешнего режима, ибо власть окаменела, окончательно потеряв способность адаптации к меняющимся условиям внутри и вне страны. «Никому и никогда не перехитрить логику агонии, коль скоро она началась», — пишет Лилия Шевцова, пожалуй, самый проницательный из российских экспертов-политологов[34]. На Западе тем временем все больше утверждается мнение, что российская власть лишь имитирует антизападную направленность внешней политики, играя на реваншистских настроениях традиционно настроенной части населения, с тем чтобы укрепить свои позиции внутри страны. В совокупности эти представления приводят к недооценке роли России на мировой арене и, прежде всего, в Европе. Кроме того и та, и другая точка зрения не отражают всю сложность и неоднозначность процессов, протекающих в российском обществе.

Ожидание скорого крушения режима отражает не столько политические и экономические реальности России, сколько негативное отношение к правящей верхушке. Оно всегда было характерно для российского образованного класса, да и для значительной части общества в целом. Но эмоциональное неприятие режима часто мешает трезвому анализу его сильных и слабых сторон.

Демонстрации протеста зимой 2012 г., насчитывавшие десятки тысяч человек, породили своего рода эйфорию. Казалось, еще немного и режим рухнет, подобно тому, как это произошло в СССР в 1991, в Грузии — в 2003, в Украине — в 2004, в Египте и Тунисе — в 2011 г. Многие надеялись, что новые информационные технологии и социальные сети могут заменить строительство политических организаций, выработку более или менее внятных программных установок, выдвижение популярных лидеров. Возник миф о *твиттер-революции*, в которой все эти проблемы решаются автоматически. Но ничего автоматического в политике не происходит.

В перспективе 10–15 лет или даже далее судьба России оптимизма не вызывает. Деградация научно-технического потенциала, растущая зависимость экономики от экспорта углеводородов, неспособность и нежелание модернизировать институты и экономику, всепроникающая коррупция и другие пороки нынешней России хорошо известны. Социологи отмечают растущее раздражение и недовольство властью. Нынешний режим не способен удовлетворить растущие запросы на справедливость и нормальную правовую систему, создать эффективное здравоохранение и образование. Для этого нужно сменить не только принципы функционирования власти, но и значительную часть чиновничества, полицейского аппарата и армейского генералитета персонально. Любая попытка такого рода чревата государственным переворотом. Российская бюрократия хорошо усвоила, что потеря должности может обернуться потерей свободы.

Но это не означает агонии режима, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Имеются глубокие различия между ситуацией, возникшей в России на рубеже 2011–2012 гг., и в странах, где произошли успешные смены режимов. В России не было раскола элиты, являющегося важным, возможно, необходимым условием относительно безболезненной смены режима. В большинстве своем правящая верхушка, состоящая из нескольких тысяч человек, контролирующих бюрократический аппарат, армию, правоохранительные и специальные службы, а также основные экономические ресурсы, поддержала Путина. По-видимому, они связывают с Путиным и его ближайшим окружением сохранение статус-кво, в котором эти группы заинтересованы больше, чем в модернизации, повышении эффективности управления и решении обостряющихся экономических и социальных проблем страны.

В отличие от Египта и Туниса, где после первых же вспышек массового протеста на политическую арену вышло армейское командовние, воспользовавшееся ситуацией, чтобы сбросить надоевшие им правящие клики, в России генералитет

лоялен Кремлю, по крайней мере, до тех пор, пока последний наращивает военные расходы. Отставка Кудрина стала следствием ослабления позиций псевдолиберального крыла в руководстве страны и, соответственно, усиления силовиков. В целом к маю 2012 г. высшие слои бюрократии стали более однородными с точки зрения ключевых политических установок и взглядов.

Далее, верхушка оппозиции оказалась политическим банкротом. Ключевые вопросы, встающие при любой смене режима, остались открытыми: кто вместо Путина? что будет после честных выборов? какую политическую и экономическую стратегию будет проводить новая власть? Лидеры оппозиции не дали и не могли дать ответа на них, в том числе и потому, что само протестное движение состоит из самых разных по своей политической ориентации групп — коммунистов, анархистов и иных *новых левых*, националистов, в том числе фашистского толка, либералов и так далее. Единственное, что их объединяло, — согласие с тем, что будущая власть должна формироваться в результате выборов, в которых все будут иметь равные возможности. При этом в центре профессиональных дискуссий оказались проблемы реформирования политического механизма: какой республикой будет Россия — парламентской или президентской? нужно ли менять конституцию, и как это лучше сделать? Хотя эти вопросы очень важны, не они интересуют сегодня активную часть российского общества. Что же касается честных выборов, то повторять этот лозунг после того, как выборы кончились, просто бессмысленно.

И, наконец, в бывшем СССР и новых независимых государствах во главе оппозиции стояли динамичные харизматические лидеры — Борис Ельцин в Москве в 1991 г., Юлия Тимошенко в 2004 г. на Украине и Михаил Саакашвили в 2003 г. в Грузии, — не боявшиеся риска и жестких решений. На них надеялись и им доверяли массы. Еще важнее, что они опирались на сети сторонников в бюрократическом аппарате и правоохранительных ведомствах. В ряде случаев их личная популярность заменяла более или менее развернутую программу. Но сегодня в оппозиции (впрочем, во власти тоже), нет ни одного политического деятеля, сопоставимого по личному потенциалу с Ельциным, Тимошенко или Саакашвили. Одни вожди оппозиции боятся, что массовый протест выйдет из-под контроля. Другие, наоборот, провоцируют столкновения, следуя формуле Некрасова «Умрешь недаром, дело прочно, когда под ним струится кровь». Третьи надеются на то, что Кремль рано или поздно пойдет на подлинные политические реформы. Но никто из них не пользуется реальным доверием масс.

Иными словами, можно ожидать, что нынешний режим сохранится у власти, как минимум, еще несколько лет. А это ставит вопрос — каковы его внешнеполитические ориентиры и установки? В частности, насколько справедливо распространенное на Западе представление об имитационном характере антизападного тренда в российской внешней политике? Происходящая с середины 2011 г. консолидация элиты включает в себя выталкивание из высших слоев бюрократического аппарата фигур, понимающих опасность конфронтации России и Запада. На ключевых постах появляются фигуры, известные своей антизападной направленностью. При этом российская внешняя политика, похоже, все более формируется не в МИДе или Кремле, а в Министерстве обороны. Об этом свидетельствует, в частности, прошедшая в начале мая 2012 г. в Москве конференция с тяжеловесным названием «Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности», организованная Министерством обороны специально для того, как утверждали его представители, чтобы детально и доходчиво изложить взгляды и оценки военных экспертов.

Не секрет, что под давлением военного командования принятие США и НАТО российских ультимативных требований относительно противоракетной обороны в Европе стало главным элементом российской внешнеполитической линии в отношениях со странами Запада. Если этого не произойдет, говорят в Москве, Россия предпримет военные контрмеры, в том числе развернет тактические ракеты *Искандер*, способные нести ядерные боеголовки, в Калининграде и некие ударные комплексы на юге страны, нацеленные на румынскую авиабазу Девеселу, где будут развернуты американские противоракеты *SM-3*.

Официально, майская конференция в Москве была организована для того, чтобы убедить западных военных и дипломатов в обоснованности российских озабоченностей и плодотворности сотрудничества с Россией. Похоже, однако, что российское военное командование имело в виду совсем другие цели.

Доказать профессионалам, что европейская система ПРО способна перехватывать российские стратегические ракеты, можно только приводя конкретные цифры и расчеты, основанные на более или менее правдоподобных тактико-технических данных как российских баллистических ракет, так и элементов ПРО, которые будут развернуты в Европе. В первую очередь, должны были бы предметно обсуждаться такие параметры как время между стартом российской ракеты и ее обнаружением средствами американской ПРО; время подготовки к старту противоракеты; время достижения максимальных скоростей как ракетой, так и противоракетой; величина этих скоростей; высота полета ракеты над зоной потенциального перехвата и предельная боевая высота противоракеты и некоторые другие. Только на основе этих данных можно более или менее объективно ответить на вопрос: может развернутая в Европе ПРО сбить российскую МБР или нет.

Именно такой подход был продемонстрирован в статье российских специалистов, генералов-ракетчиков В.И. Есина и Е.В. Савостьянова «ЕвроПРО без мифов и политики», опубликованной 13 апреля 2012 г. в *Независимом военном обозрении*. Проведя детальный анализ, авторы пришли к выводу: «Можно утверждать, что в запланированном к 2020 г. облике ЕвроПРО не способна оказать сколько-нибудь значимое влияние на снижение потенциала РВСН»[35]. Комментарии излишни.

В свою очередь, выступая на упомянутой конференции выскопоставленные российские военные старательно избегали называть какие-либо цифры, ссылаясь на некие проведенные в недрах российского военного ведомства исследования. В результате подготовленная ими на основе компьютерного моделирования презентация была не более убедительной, чем невысокого уровня детские мультфильмы о войне звездных империй. Еще слабее была аргументация в пользу сотрудничества России и НАТО. Утверждалось, что если на юге России будут развернуты комплексы ПРО, обладающие характеристиками, сходными с американскими противоракетными системами, то эффективность такой объединенной системы была бы много выше, чем та, которая будет свойственна системе ПРО, предполагаемой к развертыванию в Европе. Пикантность ситуации в том, что у России нет и в обозримое время не будет противоракет, сопоставимых по ключевым характеристикам, прежде всего высоте перехвата, с американскими *SM-3 Block I* и тем более *SM-3 Block II*. Иными словами, российское Министерство обороны предлагало США развернуть свою ПРО или ее элементы на юге России.

Перечислять слабые места российской аргументации по проблеме ПРО можно долго. Напрашивается вопрос: зачем Министерству обороны России потребовалось собирать весьма представительную конференцию за две недели до саммита НАТО, на котором будут приняты новые решения относительно ПРО в Европе, если заранее было ясно, что какого-либо позитивного результата достичь будет невозможно? Ответ, по-видимому, в том, что эта конференция задумывалась как подходящий случай для того, чтобы сделать очередной шаг в эскалации противостояния с НАТО и США.

Выступая на ней, начальник Генерального штаба генерал Н.Е. Макаров заявил: «Размещение новых ударных вооружений на юге и северо-западе России для огневого поражения компонентов ПРО, включая развертывание ракетного комплекса *Искандер* в Калининградской области, представляет собой один из возможных вариантов разрушения инфраструктуры ПРО в Европе». И далее: с учетом «дестабилизирующего характера системы ПРО, а именно — создание иллюзии нанесения безнаказанного разоружающего удара — принятие решения об упреждающем применении имеющихся средств поражения будет приниматься в период обострения обстановки»[36].

Иными словами, в любой момент, когда российским военным померещится, что США готовятся к военному столкновению с Россией, Москва может нанести удар, скорее всего ядерный, по целям в Европе. Это не просто очередное проявление мышления и логики холодной войны, а хорошо продуманная открытая военная угроза, провоцирующая новое обострение отношений между Россией и Западом.

САММИТ НАТО

Саммит Североатлантического альянса, состоявшийся в мае 2012 г. в Чикаго, вряд ли относится к эпохальным событиям, меняющим ход истории. Но преуменьшать его значение неверно. Далеко идущие последствия для военно-политической ситуации в евро-атлантическом пространстве и Центральной Азии имеет, в частности, подтвержденное в Чикаго решение всех входящих в Альянс государств о прекращении к 31 декабря 2014 г. операции в Афганистане. Разумеется, в документах саммита много говорится о том, что после вывода войск страны — члены НАТО будут оказывать «надежную и долгосрочную политическую и практическую поддержку» правительству Афганистана, что будет учреждена новая миссия в Афганистане и тому подобное. Будут эти обещания выполнены или нет, вопрос открытый, но далеко не самый существенный.

Важнее другое. После вывода войск из Афганистана высвободятся около 100 млрд долл., которые сегодня тратятся Соединенными Штатами на операции в этой стране. С гораздо большей пользой эти средства могут быть использованы для сокращения бюджетного дефицита США либо для создания и приобретения новых современных вооружений. Уход из Афганистана позволит США и НАТО уделять гораздо большее внимание проблемам, возникающим в более стратегически значимых районах. Среди них, в частности, зона Персидского залива, средиземноморский регион, бассейны Черного и Балтийского морей, Украина и Южный Кавказ. Заметно обострится ситуация в Центральной Азии. Перспектива того, что после вывода войск международной коалиции к власти в Афганистане придут талибы, практически не ставится под сомнение. В итоге, Исламское движение Узбекистана, Хизб-ут Тахрир и другие экстремистские организации получат надежный тыл и активизируют действия в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Если это совпадет со сменой высшего руководства в Ташкенте и Астане, что весьма вероятно, то обстановка в этих странах накалится до предела. Интересы Европы и, особенно, США это практически не затронет. Но Москве и Пекину волей-неволей придется заниматься умиротворением в Центральной Азии, что, естественно, отвлечет их ресурсы от других регионов.

Решение об уходе из Афганистана позволяет НАТО сосредоточится на других важных проблемах. Среди них на первом месте находится укрепление боеспособности и повышение эффективности вооруженных сил стран-членов Альянса в условиях неразрешенного финансового кризиса. Ни США, ни европейские государства не могут в ближайшие годы увеличивать расходы на оборону. Между тем, поддержание обороноспособности становится все дороже. Уже сегодня многие европейские страны не могут обеспечить свою безопасность собственными силами. Это предопределило самое главное решение, одобренное саммитом НАТО — о так называемой *умной обороне*.

Речь идет о дальнейшем развитии и углублении военной интеграции стран-членов Альянса на основе специализации и кооперации. В документах саммита подчеркнуто: «В связи с тем, что технология становится все более дорогостоящей, а на оборонные бюджеты налагаются ограничения, многие страны НАТО могут обеспечить наличие ряда потенциалов только путем совместной работы над их созданием и приобретением. И поэтому мы приветствуем решения стран НАТО по осуществлению конкретных многонациональных проектов, в том числе для улучшения защиты наших сил, совершенствования наблюдения и учебной подготовки. Эти проекты будут способствовать повышению оперативной эффективности, экономии на масштабах и более тесной сопряженности наших сил. Благода-

ря им будет приобретен опыт, необходимый для осуществления дополнительных проектов *умной обороны* в будущем»[37].

Разумеется, такую цель намного легче провозгласить, чем реализовать. Главное препятствие — естественное стремление любого государства, особенно относительно крупного, сохранить максимум независимости в вопросах обеспечения внешней безопасности. Другого выхода у европейских государств просто нет. При этом углубление военной интеграции будет идти шаг за шагом, постепенно формируя организационные формы и многосторонние институты, способные координировать усилия в области обороны. Наконец, идея *умной обороны* опирается на уже накопленный опыт, в том числе связанный с реализацией европейской ПРО, многосторонних программ использования беспилотных летательных аппаратов для наблюдения за земной поверхностью, самолетов АВАКС и переброс войск по воздуху. В настоящее время определены еще несколько многосторонних проектов. Среди них — создание общих для всего Альянса запасов высокоточных боеприпасов; общего парка авиации морской патрульной авиации; единого центра подготовки пилотов; единой системы разведки, наблюдения и целеуказания и некоторых других. Рассматриваются двусторонние проекты. Например, Бельгия и Голландия собираются совеместными услилими осуществлять воздушное патрулирование в воздушном пространстве Бенилюкса.

В принятых чикагским саммитом документах ясно просматривается настороженное и критическое отношение к России. Это неудивительно, поскольку раздающиеся из Москвы в последние несколько лет воинственные заявления вызывают раздраженную реакцию на Западе. В документах саммита НАТО, разумеется, содержатся дежурные фразы относительно желательности сотрудничества с Москвой. Но, одновременно, многократно повторен тезис о коллективной обороне как одной из ключевых задач Альянса. Имеется в виду оборона от реальных или потенциальных военных угроз, исходящих от России. Других источников военной опасности для всех стран-членов НАТО просто нет. В этом контексте весьма многозначительно выглядит тезис о ядерном оружии как «центральной составляющей общих сил и средств сдерживания и обороны НАТО»[38]. Лидеры Североатлантического альянса намерены в рамках Совета России-НАТО поднять «вопрос об озабоченности стран НАТО в связи с заявленными намерениями России в отношении военных развертываний вблизи границ Североатлантического союза»[39]. Судя по всему имеются в виду угрозы развернуть новые ракеты *Искандер* в Калининградской области и некие ударные средства на юге России, предназначенные для ударов по румынской авиабазе Девеселу. В целом же, тональность относящихся к России разделов принятых в Чикаго документов и набор затронутых в них проблем являются своего рода сигналом, посланным Москве. Его скрытый смысл заключается в следующем: если нынешняя жесткая антизападная позиция не будет пересмотрена, то НАТО будет принимать адекватные ответные меры.

Российские средства массовой информации и официальные лица предпочли не заметить эти моментов. Фактически, реакция Москвы свелась к жалобной констатации того, что лидеры стран-членов НАТО не учли российские озабоченности относительно ЕвроПРО и не дали юридически обязывающих гарантий ее ненаправленности против России. Официальный представитель МИД России А. К. Лукашевич посетовал также, что «в НАТО так и не сделали принципиальных выводов из трагических событий августа 2008 г.»[40] Судя по всему, он имел в виду, что НАТО отказывается признать так называемую независимость Абхазии и Южной Осетии, поддержали территориальную целостность и суверенитет Грузии в пределах ее международно-признанных границ, приветствовали обязательство Грузии не применять силу и призвали Россию пойти на такой же шаг[41]. Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К. К. Долгов серьезно обеспокоился «повальными агрессивными арестами мирных демонстрантов в Чикаго» (было арестовано около 50 человек) в контексте «реализации демократических прав и свобод выражения мнения, собраний и ассоциаций, которые гарантируются основополагающими международными договорами и соглашениями»[42].

В ПЕРСПЕКТИВЕ — НОВАЯ ОДНОПОЛЯРНОСТЬ

События последнего времени дают все больше оснований сомневаться в нескольких аксиомах политического мышления, сложившихся в первое десятилетие XXI в. Не повторяя всего, что было написано, общий вывод может быть следующим: представления о том, что центр тяжести мировой политики перемещается на юг и восток, а роль США в ней сокращается, требуют серьезной коррекции. Скорее, в ближайшие годы появится и будет набирать силу иной тренд — формирование *новой однополярности*. И в самом деле. Главный кандидат на роль глобального геополитического противовеса США — Китай вряд ли сможет сыграть эту роль. Его научно-технический, а следовательно, и военный потенциал останется несопоставимым с американским. Кроме того, Пекину предстоит искать выход из сложнейшего комплекса проблем, связанных с выходом из *ловушки дохода среднего уровня*, и нет уверенности в том, что такой выход будет найден. Самообеспечение по нефти и газу и превращение в экспортера углеводородов еще более укрепит позиции и свободу действий США на мировой арене. Антиамериканские настроения в Европе, скорее всего, сохранятся. Но прагматичные европейцы постараются предоставить США возможность решать общие для евро-атлантического сообщества международные проблемы, с тем чтобы самим сосредоточиться на европейских сюжетах. Россия в ближайшие годы окончательно превратится в дестабилизирующий фактор мировой политики, но ее влияние будет ограничено районами, расположенными вблизи российских границ.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЗУБЫ ДРАКОНА, ИЛИ ВСХОДЫ ДЕМОКРАТИИ

События последних трех–четырех месяцев, а по сути, всего последнего года, наглядно показали всем, кто готов беспристрастно взглянуть на развитие современных международных отношений, что политика и впрямь является продолжением экономики, а геополитика — продолжением геоэкономики. Это не делает краткосрочные маневры различных государств вокруг тактических проблем военно-политического плана менее интересными, но только если не забывать о тех глубинных процессах, которые они скрывают. В конечном счете, тактическая победа имеет смысл только там и тогда, когда она вписывается в некий глобальный план. В противном случае плоды победы будут быстро утрачены, уйдут, как песок сквозь пальцы, подобно тому, как ушла сквозь пальцы победа в конфликте с Грузией, которая — победа — трансформировалась в пару слабеньких фильмов, снятых явно для распила бюджета, да в воспоминание *об огнях — пожарищах* и не случившемся *марше на Тбилиси*.

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Современные международные отношения напоминают ситуацию, когда хозяева лавки с фарфоровыми и хрустальными изделиями, запершись внутри, смотрят за топчущимся у дверей слоном и думают: *вломится или не вломится?* То есть посуда уже потихоньку бьется, осколками засыпан пол, но остается надежда, что самого страшного удастся избежать. Причем, хозяева лавки уже не очень представляют себе, сколько целой посуды у них в действительности осталось. Но им очень хочется думать, что много, даже если это и не соответствует действительности.

Более всего забавны наши европейские друзья: только что, вытянув из преддефолтного состояния Грецию и с содроганием приглядываясь к Испании, они во всеуслышание объявляют о преодолении глобального экономического кризиса, который, по расчетам американцев, еще не начался. И это на фоне прямого прово-

цирования самими европейцами кризиса на топливном рынке, который, конечно, не *экономическое харакири*, как утверждают некоторые руководители российских госкомпаний, но все же весьма и весьма неприятная вещь.

Это явление можно рассматривать как проявление глубокой наивности и попытки *заговорить* кризис, если бы не одно *но* — европейские политические и экономические игроки являются скопищем всех возможных пороков, но только не наивности. А посему нельзя исключать, что крупные европейские игроки, и прежде всего, британская и французская финансово-олигархические элиты (которые, несмотря на все противоречия, обиды прошлого и взаимные оскорбления, за последние 40 лет срослись почти намертво), уже поняли, что из сегодняшнего стратегического тупика им не выбраться. А игра *вторым номером* по американским правилам забрала и остатки возможностей на стратегическое выживание. Если так пойдет и дальше, то *Объединенной Европе* в будущей системе международных экономических отношений придется играть даже не *вторым номером*, а *третьей скрипкой*, особенно если германский локомотив откажется тащить массу социальных обязательств и дальше. Кстати, больше, чем любые экономико-статистические выкладки, о новом статусе Европы говорит общая реакция на волевое решение президента Аргентины Кристины Киршнер о национализации нефтяной компании *YPF*, которая вообще-то принадлежит испанскому гиганту *Repsol*. Национализация, проведенная под лозунгом *а потому, что надо,* была воспринята всеми, в том числе и испанцами, не то чтобы без истерик, но и вообще с ощущением полной неизбежности и безнадежности — *ну надо, так надо.* Главное, что интересовало *потерпевших,* так это то, сколько же им все-таки компенсируют деньгами. И никаких разговоров о священности частной собственности.

Так что не исключено, что в планах франко-британского альянса (который не только не пошатнется от ухода Николя Саркози, но, вероятно, даже укрепится, уж больно экзотичен был *друг Николя),* под шумок *неожиданного* глобального экономического кризиса *провести реструктуризацию*, иными словами *всех кинуть,* и оставить Германию один на один с руинами ЕС и в особенности с *молодыми демократиями Восточной Европы*, которые — судя по тому, что происходит сейчас в Румынии и Венгрии — всерьез решили, что Евросоюз будет всегда решать их проблемы за свой счет. На фоне того, что происходит в Южной Европе, поведение Польши, которая демонстрирует неожиданно вменяемую внешнюю и внутреннюю политику, выглядит верхом приличия.

Может, именно поэтому предпринимаются титанические усилия для того, чтобы если не *втолкнуть* Украину в ЕС, то, как минимум, продемонстрировать реальность этого судьбоносного события, после которого ЕС вряд ли выживет.

Главным индикатором того, что на западных границах России геополитическая обстановка может измениться кардинально, является то обстоятельство, что европейские, прежде всего, франко-британские, игроки, которые принимали активнейшее участие в том, чтобы посеять семена демократии на Ближнем Востоке, ничего не делают для того, чтобы попытаться пожать урожай. И показателем в данном случае является даже не Египет или Ливия, а Тунис. Европейские политики упорно делают вид, что ситуация на Ближнем Востоке, даже в Северной Африке, их не касается. А ведь еще три-четыре года назад только ленивый в Европе не говорил, что проблемы Средиземноморья — колыбели европейской цивилизации — это проблемы всей Европы.

В чем важность и опасность *арабской весны*, которая, несмотря на очевидно тяжелые последствия, продолжает владеть умами как в арабских обществах, так и за пределами арабского мира? Прежде всего в том, что *арабская весна* имела под собой очевидную экономическую подоплеку, помимо уличного лозунга *грабь награбленное*. Фактически, если разобраться, речь шла о том, что в регионе Средиземноморья почти одновременно пришли к коллапсу две экономические модели, которые еще двадцать лет назад преподносились как эталон: арабский националистический патернализм и южноевропейский капитализм. Причем надо быть

крайне наивным, чтобы не связать одно с другим. А они связаны, ибо последние годы арабский патернализм во многом экономически, да и политически, паразитировал на беспомощной сытости южноевропейского капитализма.

С этих позиций то, что сейчас происходит в арабских странах, можно считать попыткой создания некой салафитской экономики (возможно как продолжения исламской нефтяной модели конца 1970-х гг.). И предположить, что новая модель, подстроенная, хотя и не напрямую, под салафитскую экономику, во многом с использованием ее элементов (например, пресловутой *хавалы)* начнет формироваться и в Европе. А это означает уже не только то, что в Европе к политическим рычагам начнут прорываться силы, по сравнению с которыми косовские торговцы органами и *левыми* сигаретами — верх респектабельности. Это означает, что ситуация внутри Европы, особенно в ее средиземноморской части, может приобрести силовое измерение. Думаю, некоторые европейские политики изначально подозревали, что без *кровушки* не обойтись. Однако, поскольку масштаб возможных силовых последствий постепенно становится очевиден, начинает возникать явная нервозность. Индикатором масштаба возможных проблем стали прошлогодние бунты в Лондоне, где *зажигали* в прямом и переносном смысле не только и не столько исламисты, сколько представители самой неполитической диаспоры Великобритании — карибцев. И если уж такая спокойная часть британского общества (никакого фундаментализма — исключительно наркотики и рэкет) так *оттянулась* по не самому громкому поводу, то можно себе представить, что лондонские предместья в случае бунтов, окрашенных в зеленые цвета, будут дымить не хуже Хомса. Поэтому к тому, что сейчас может начать происходить в Европе, нужно относиться со всей серьезностью и вниманием, поскольку первые *отблески костра,* во-первых, покажут модель, по которой пойдет ситуация, а во-вторых, обозначат, насколько европейские элиты готовы пускать упомянутую выше *кровушку*.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СКУЧНАЯ ПЬЕСА ВРЕМЕН *ФЕЙСБУКА*

Состояние современных российско-американских отношений внушает уже не досаду, а грусть. Разные времена бывали в российско-американских отношениях, но никогда ранее не было случая, чтобы проблемы одного из послов решались через *facebook*. Все понятно, на дворе сплошная демократия и новые информационные технологии, но всему же должна быть мера. Мера не столько приличия, сколько эффективности. Ведь какая эффективность будет у посла, про которого вся Москва и ее рублево-новорижские окрестности будут знать, что он чуть что — пишет в *твиттер*. Какие доверительные переговоры можно в принципе вести с блогером? Новый американский посол, став публичной фигурой, создал о себе впечатление *великого и ужасного* вершителя *цветных революций*, который одновременно жалуется через *твиттер* на мелких пакостников. Даже с учетом того, что либеральная часть человечества вступила в эпоху айподизации и твиттеризации, выглядит это как-то несерьезно.

Но эта несерьезность — суть отражение несерьезности российско-американских отношений как таковых. Эта несерьезность — отражение общей узости российско-американской повестки дня. Еще никогда в послевоенной (я имею в виду Вторую мировую войну, а не войну в Ираке) истории повестка дня двусторонних отношений не была так бедна. Хотите убедиться — пожалуйста:

- В ней практически отсутствуют экономические вопросы. Такого не было со времен Герберта Гувера, а может быть, и с более ранних времен, когда молодая советская республика не была признана Вашингтоном, но тем не менее умудрялась закупать заводы и технологии *под ключ* в немалом количестве.

- В ней доминирует проблематика, связанная с третьими странами, — Ираном, Сирией, КНДР, Украиной. Не думаю, что американцев волнуют наши планы в отношении этих стран, тем более, что у нас таких планов и стратегий нет. Их волнует, чтобы мы не *гадили* им с их планами. Согласитесь — это несколько иной качественный уровень.
- Большинство возникающих вопросов используется обеими сторонами как повод для пропаганды, а значит, реальной ценности не представляют.

Рассчитывать при таком *контенте* двусторонних отношений на какой-то серьезный разговор не приходится, так что несерьезность, некая *пиарность* двусторонних отношений совершенно естественна. Раньше эта несерьезность хоть как-то скрывалась, и обе стороны делали вид, что рассматривают двусторонние отношения как приоритет. Теперь несерьезно относятся к партнеру не только в США, но и в России. Разве можно, относясь серьезно к партнеру, устраивать форменный балаган вокруг пункта снабжения контингента НАТО в Ульяновске? Если бы отношение к сегодняшнему Вашингтону в российской элите было серьезное, российские политики должны были понимать, что Россия, предоставляя право транзита и перевалочного базирования, входит в стратегически важные отношения с США, которые могут принести стране очень серьезные дивиденды. Так или иначе, разразившаяся вокруг перевалочного пункта НАТО дискуссия еще раз вскрыла то неприятное обстоятельство, что в России нет серьезного понимания, куда дальше двигаться в российско-американских отношениях, а главное — зачем двигаться. Вашингтон, его готовность к серьезному сотрудничеству с Россией — это зеркало, которое отражает состояние и потенциал нашей страны. И отражение пока не радует.

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА

Несмотря на все призывы спокойнее относиться к ситуации вокруг противоракетной обороны, этот вопрос продолжает оставаться практически центральным в современных российско-американских отношениях, да и на ситуацию в мире оказывает деструктивное влияние. Россию, выражаясь языком сегодняшней политики, *кинули*. Неужели кто-то из серьезных людей верил в то, что США говорили про *перезагрузку*?

Надо было быть предельно наивным, чтобы верить, что американцев можно будет пугать *адекватным ответом*, не продемонстрировав ничего существенного с практической точки зрения. А деятельность России в сфере военно-космической обороны в последний год если и могла привести американцев к какому-то выводу, то только к тому, что все заявления из Москвы насчет *адекватных мер* — не более, чем блеф. Этим мы, к слову, серьезно подставили администрацию Обамы, которая явственно искала любой повод для того, чтобы если не свернуть программу национальной ПРО, то хотя бы ограничить ее вменяемыми с финансовой точки зрения рамками. Россия постоянными провалами своей космической программы просто не оставила администрации Обамы шанса для этого

Если говорить о ситуации вокруг ПРО США в Европе (еще раз подчеркну — никакой европейской ПРО нет и никогда не было), то на будущее придется исходить из нескольких констант:

- *Точка возврата*, до которой можно было если не отменить решение о реализации данной программы, то, как минимум, переконфигурировать систему в менее раздражающий формат, пройдена. Вопрос теперь заключается исключительно в том, в каком масштабе будет развернута система ПРО. Главная задача российской дипломатии состоит в том, чтобы эти масштабы были минимальными.

- Технологически США если и не создали еще новое поколение систем противоракетной обороны, то находятся в шаге от его создания. Что, учитывая постоянно увеличивающееся отставание России от США в космосе, может создать реальную угрозу уверенности России в сохранении минимально приемлемого уровня стратегической стабильности.
- Россия в сегодняшнем состоянии ВПК и космической отрасли имеет крайне ограниченные возможности для нейтрализации негативного эффекта, который может при определенных условиях создать развертывание ПРО США в Европе. Поэтому попытки России убедить американцев в своей способности нейтрализовать негативный эффект ПРО не дали и не дадут в дальнейшем никаких серьезных результатов.
- Для современной американской администрации, в отличие от администрации Буша, программа ПРО не является приоритетным проектом. Однако, развиваясь в рамках традиционной для США бюрократической инерции, программа ПРО в Европе может продемонстрировать новые возможности и инструменты, которые правящая часть американской элиты, находящаяся в весьма сложном положении и внутри страны, и вне ее, просто будет обязана использовать. Причем не только и не столько в Европе, которая с геополитической точки зрения становится все менее и менее интересной для США, сколько для решения более важных геополитических задач.

Исходя из этого, можно сделать два неутешительных вывода. С одной стороны, высказывавшееся многими специалистами (в том числе и мною) мнение о том, что для США проект ПРО имеет прежде всего политическое измерение и не будет нести прямой военной угрозы для России, к сожалению оказывается неверным. Система ПРО США может через 4–5 лет при сохранении существующих тенденций, прежде всего тенденций в ВПК России и ее космической отрасли, создать реальные угрозы не только политическим интересам, но и военной безопасности России. С другой стороны, сильнейшую и деструктивную с точки зрения интересов

Евгений ***Бужинский (Россия)****, старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса — по телефону из Москвы*: Российско-американские отношения летом 2012 г. вряд ли окажутся неожиданными и непредсказуемыми. Решение основных разногласий между сторонами по вопросам ПРО, нестратегическому ядерному оружию, ситуации в Сирии и Иране предполагает нахождение компромиссов, к которым ни Россия, ни США в силу внутриполитических причин не готовы. После президентских выборов в США перспективы поиска таких компромиссов будут зависеть от партийной принадлежности их победителя. Победа республиканцев будет означать ухудшение взаимопонимания между Москвой и Вашингтоном. Реализация планов создания европейского сегмента ПРО будет продолжена в полном объеме. Более того, возможна реанимация плана развертывания перехватчиков шахтного базирования в Польше и РЛС в Чехии. Если победит Барак Обама, думаю, что диалог может быть продолжен. Россия могла бы смягчить свою позицию по юридически обязывающим гарантиям и согласиться на принятие документа о сотрудничестве в области ПРО по типу Римской декларации Россия–НАТО. США, в свою очередь, отказались бы от размещения элементов ПРО в Польше и Балтийском море.

России инерцию в сфере ПРО порождают прежде всего внешние обстоятельства, главным из которых продолжает оставаться высокий общественно-политический статус проблемы, к чему Россия приложила свою руку.

Если признать, что данные выводы реалистичны, то у Москвы остается только один сценарий противодействия — восстановление военно-промышленного потенциала страны, прежде всего, в ракетно-космической отрасли. А до того момента, когда Россия сможет предъявить США что-то конкретное из числа средств противодействия противоракетной обороне, надо забыть думать о каких-либо громких заявлениях и обещаниях.

В действительности нужно не так уж и много: принципиально новая ракета, которая будет надежна, будет производиться в России и из российских компонентов, а главное, будет технологичной и относительно дешевой. Она должна подтвердить высокий уровень инженерно-технической мысли России. Американцы считались не только и не столько с советскими ракетами. Они считались с тем, что в Советском Союзе были гениальные технологическое решения и технологии, которых у США не было. Так что этой новой ракетой должна быть не вымученная *Булава,* и не *Ярс*, которые являются развитием технологий 1970-х гг., а нечто принципиально новое. И второе: США должны потерять абсолютное господство в космосе. Эта задача — на 10 лет. Решение подобной задачи потребует нового качества российской государственности. И вот потом можно будет формулировать политические предложения и *вступать в диалог*. А на сегодняшний день предмет и почва для диалога отсутствуют в принципе.

СИРИЙСКАЯ ОСЕНЬ ДЛЯ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Ситуация в Сирии явно развивается не совсем так, как это предполагали авторы *арабской весны*. Сирия создала прецедент, важность которого не в том, что Башару Асаду удалось в течение более чем года удерживать власть в условиях почти полной изоляции в регионе и в мире, и даже не в том, что целый ряд арабских режимов, которые раньше рассматривались как *солидные*, оказались в одной упряжке уже не только с Вашингтоном, но и с Тель-Авивом. Выяснилось, что *цветная революция* работает только и исключительно при поддержке извне, причем, желательно, поддержке силовой. Как только масштабы этой поддержки оказываются естественным или искусственным образом ограничены, то цветная революция довольно быстро перерастает в обычные бунты с элементами терроризма — некая региональная специфика — а затем очевидно выдыхается. Это к вопросу о народных массах как носителях демократической идеи.

Нельзя, однако, просто так отмахнуться от трогательного для всех сторонников толерантности и демократии союза Тель-Авива и Эр-Рияда. Конечно, с точки зрения морали *джихадистов* (по сути — саудитских салафитов) алавиты и шииты — еретики внутри ислама — куда более неприятны и даже опасны, нежели евреи и сионисты. Но вот как саудовцы и катарцы (а у последних земля начинает потихоньку гореть под ногами) будут в случае чего объяснять этот альянс своей *улице* — это очень интересно.

Важность сирийского прецедента в том, что всему миру было наглядно показано, что лекарство от цветной революции есть:

- Жесткое противостояние попыткам создать *двоевластие* и интернационализировать конфликт. В Сирии хватило того, что некий альтернативный орган власти был создан не в завязке вооруженной фазы конфликта, а с существенным запозданием в полгода.
- Опора на значимые общественные силы. Не на партию, не на армию, не на преторианцев, которые известны тем, что всегда и всех сдавали, а именно на общество или его значимые сегменты.

- Быстрые реформы с позиции силы. И главным здесь является именно то, что реформы проводятся властью, по сценарию власти, в интересах сохранения власти, но затрагивают в позитивном ключе жизнь молчаливого большинства, которое, как это произошло в Сирии и не произошло в Египте, перестает быть молчаливым.

По сути, провал *арабской весны* в Сирии, в конечном счете, был связан с тем, что сирийское общество, поглядев в телевизор, выбрало в целом именно вариант реформирования сверху, тем более что сравнивать его пришлось с вариантом *хаоса снизу.* Но главное, у сирийского общества было время и возможность подумать, а не нестись сломя голову туда, куда укажет *Facebook*.

В завершение стоит задать один не совсем связанный в Сирией вопрос: не кажется ли читателям, что хаотические метания израильского руководства, которое вопреки логике собственных интересов не просто оказалось втянутым в фактический союз с салафитами, являются проявлением плохо скрываемой и явно неслучайной боязни попадания в изоляцию и неуверенности в поддержке со стороны Вашингтона? Если этот диагноз верен, то, вероятно, стоит ждать от израильского руководства повышенной агрессивности. Более того, стоит ждать действий, которые могут спровоцировать крупный конфликт в регионе. Пока что США в ходе розыгрыша *арабской весны* удалось не дать повязать себя кровью и сохранить максимальную свободу рук. Действия спецназа в Ливии — не в счет. Однако удаче рано или поздно приходит конец, и, боюсь, первую американскую кровь в ближневосточном конфликте нам осталось ждать очень недолго. Это будет в интересах Израиля, который сможет действовать дальше, без опасений потерять статус главного американского партнера в регионе.

Абдулазиз ***Сагер (Саудовская Аравия)****, председатель Исследовательского центра Залива — по электронной почте из Дубаи*: Регион Залива по-прежнему находится под властью негативных тенденций развития. Кризис политического управления в Сирии, Египте, Ливии, Йемене скатил уровень региональной безопасности к наихудшему показателю. Ядерная программа Ирана — перманентная проблема, угрожающая целостности всего Ближнего Востока. Израиль недвусмысленно заявил, что готов к нанесению ударов по иранским ядерным объектам. Последнее слово — за США, которые в период президентской предвыборной кампании явно стремятся отсрочить военный сценарий в Иране. Пока неизвестно, будут ли возобновлены переговоры между *шестеркой* международных посредников и Тегераном по его ядерной программе, или же переговоры так и останутся упущенной возможностью решения проблемы.

Гражданская война в Сирии заметно повысила геополитическую значимость государства в регионе. В сирийской проблеме необходим диалог между всеми политическими силами в стране. Здесь важную роль призваны сыграть региональные организации. Например, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) за время конфликтов, имевших место с начала *арабской весны,* сыграл весьма конструктивную роль как в государствах Залива, так и в государствах, входящих в Лигу арабских государств. Благодаря деятельности ССАГПЗ удалось посредством консенсуса принять общие подходы для разрешения многих региональных проблем.

ТУРЦИЯ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Для того чтобы понять истоки современной геополитики Анкары, которая кажется порой противоречивой, надо четко представлять, что такое современная Турция.

- За последние 10 лет Турция добилась (несмотря на банковский кризис 2001 г. и на мировой экономический кризис 2008–2009 гг.) общего увеличения своего ВВП более чем на 50%, что для страны, во многом зависящей от экспорта, более того, экспорта в такие проблемные регионы, как ЕС и Россия, — очень и очень неплохо.
- Несмотря на рост населения по ближневосточной модели, страна смогла удержать безработицу во вполне приемлемых рамках 11–12%.
- Турция превратилась из *текстильно-кожаного рая* во вполне приличный машиностроительный *сборочный цех*, который уже начал играть с собственными брендами.
- Турция создала финансовую сферу, которая вполне конкурентоспособна на европейском уровне и уже существенно более устойчива с точки зрения последствий мирового финансового кризиса.
- Создала вполне боеспособные вооруженные силы, которые постоянно поддерживают свой тонус в борьбе с курдскими боевиками.

Этот колоссальный потенциал развития остановился перед бутылочным горлышком под названием *вступление в Европейский союз*, причем остановился исключительно по политическим причинам. С учетом тяжелых для европейской экономики последствий мирового экономического кризиса, про данный проект стоит в принципе забыть. Вся энергия экономического и социального прогресса (как позитивная, так и негативная), которую Турция по логике могла выплеснуть на подернувшихся жирком европейцев, осталась на Анатолийском нагорье и в Передней Азии. И именно в тот момент, когда последнему дехканину стало понятно, что членства в ЕС не будет, в Турции волной начали нарастать внутриполитические проблемы, про которые все уже успели забыть.

Не менее печально и то, что вся система международных связей Турции и ее внутренняя политика была выстроена в расчете на сравнительно быструю интеграцию в ЕС как экономически, так и социально (про политику умолчим — вероятно, у Анкары всегда имелась *фига в кармане*). Этими понятными всем приоритетами и легитимизировалось то, что исламистская и по форме, и по сути Партия справедливости и развития, которая, напомню, правит в Турции уже 10 лет, почти не занималась реализацией своего главного приоритета — возвращения ислама в политическую жизнь страны. Фактически, Партия им пожертвовала ради движения в Европу.

Естественно, что когда выяснилось, что все эти жертвы оказались напрасными, возникли два традиционных не только для России вопроса: кто виноват, и что делать. Надо отдать должное правящей турецкой элите — выход был найден быстро. Это, если отбросить все тонкости, — создание собственной сферы влияния.

Надо отметить, что Турция не в первый раз идет по этому пути. Первый опыт был в 1990-е гг., когда реализовывалась попытка создания *Туранского полумесяца*, которая была полностью провалена не только из-за ограниченности ресурсов тогдашней Анкары, но и из-за внутреннего кризиса самой турецкой государственности. Теперь ситуация совершенно изменилась. И главным фактором, усиливающим позиции Анкары, в данном случае являются даже не ее финансовые ресурсы, несравнимые с тем, что она имела в начале 1990-х гг., а ориентация элиты на умеренный, хотя и вполне традиционный ислам, который делает куда более осмысленной идеологическую платформу геополитической экспансии. Однако надо иметь в виду три важных обстоятельства:

Халил ***Каравели (Турция)****, руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма*: Безопасность в мире не улучшилась, но и не ухудшилась. Скорее, она замерла в ожидании глобальных и региональных изменений. Начнется ли война против Ирана? Выйдет ли ситуация в Сирии из-под контроля и следует ли ожидать начала иностранной интервенции против режима в Дамаске? Ответы на эти вопросы будут получены в ближайшие месяцы. Но даже если напряженность спадет, не следует делать скоропалительных выводов. Вероятность войн против Ирана и Сирии останется высокой. Негативно на сирийский кризис воздействует ухудшение отношений между Турцией и Ираном. Геополитическое противостояние между этими странами может стать спусковым механизмом для военного вторжения в Сирию. В случае начала военной интервенции в Сирию, Турция будет вовлечена в нее одной из первых, так как власти в Сирии могут разыграть *курдскую карту* против Турции в отместку за поддержку правительством Реджепа Эрдогана сирийских повстанцев. Наиболее реалистичный сценарий для курдов, противостоящих режиму Башара Асада, — это создание в Сирии автономного курдского региона. Турции жизненно необходимо предотвратить подобный сценарий, так как впоследствии это может угрожать целостности страны. Президент Турции Аддулла Гюль считает план Кофи Аннана по мирному урегулированию ситуации в Сирии последним шансом для нормализации ситуации в регионе.

Состоявшаяся в Стамбуле конференция по иранской ядерной программе между *шестеркой* международных посредников и Исламской Республикой — неожиданное, но позитивное событие. На этой встрече не было достигнуто прорывных решений, но сам факт начавшегося диалога внушает определенный оптимизм. В конце мая в Багдаде состоится очередная встреча по ядерной программе Ирана. Для мирового сообщества она станет испытанием на прочность. Конструктивность и результативность решений могут снизить конфронтацию и риск начала военной кампании против ИРИ.

- В складывающихся условиях турецкая экспансия может осуществиться только за счет сокращения *иранского клина*. И в этом плане Турция — объективный союзник арабских неосалафитских государств и примкнувших к ним США.
- С учетом общей ситуации, экспансия может распространяться не только на Восток и Юго-Восток, но и на Запад и Северо-Запад, то есть в такие регионы как Косово, Босния, Аджария, Абхазия, Македония и, возможно, даже Болгария и Грузия.
- Рано или поздно политика *Великой Турции* приведет не только к усилению исламского влияния в стране (что уже вряд ли кого-то удивит — достаточно посмотреть на то, как быстро и сравнительно легко правящие исламисты придушили в 2009–2010 гг. в зародыше попытку бунта проамериканских ататюркистов), но и войдет в противоречие с интересами США. Правда, до этого момента еще далеко — четыре-пять лет.

Таким образом, Турция сделала вторую заявку на статус если не великой державы, то державы, приближающейся к великой. Данный процесс, вероятно, может стать самым захватывающим и интересным в международных отношениях в ближайшие годы.

АФРИКА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕМЕН

Понятен весь тот скептицизм, который за последние 15 лет сформировался вокруг темы развития Африки. Вероятно, правы те, кто говорит, что этот континент не созрел к самостоятельному экономическому развитию, прежде всего не созрели люди. Достаточно посмотреть на всех фигурантов последних многочисленных удачных и не очень военных переворотов в африканских странах. Они представляют по сути все те же социальные группы и политические группировки, которые циркулируют на африканской политической сцене с конца 1980-х гг., с тех пор, как закат Советского Союза лишил смысла пресловутую *социалистическую ориентацию*. Для того чтобы на африканском континенте начались действительно глобальные процессы обновления, должны появиться принципиально новые люди, представляющие новые социально-экономические и идеологические парадигмы — подобно тому, как новые люди конца 1950-х гг. породили *освобождение Африки* начала и первой половины 1960-х.

Динамизм, которым с недавних пор характеризуется развитие ситуации в Африке, в особенности Западной и Юго-Западной Африке, не случаен. Он отражает не только и не столько изменение баланса сил в элитах определенных стран, сколько резко возросшую за последние год-полтора, а возможно, и того меньше, степень интернационализации внутренних процессов, то есть втягивания во внутриполитические игры в африканских странах внешних игроков, действующих исходя из интересов, которые к судьбам народов региона имеют весьма незначительное касательство. Конечно, можно *списать* все происходящее на чрезмерную агрессивность китайцев, которые завоевывали себе в конце нулевых место под африканским солнцем, и столь же чрезмерно жесткую реакцию французов и американцев, которые китайцев с завоеванных ими позиций постепенно выковыривали. Однако это будет не совсем верно. Имеет смысл обратить внимание на несколько важных особенностей сегодняшнего развития ситуации вокруг Африканского континента:

- В качестве ключевого фактора динамизма (или дестабилизации — это уже по желанию) выступает ислам. Именно отношение к исламу, причем исламу в достаточно жесткой трактовке, становится главным факторов современной политики размежевания в Африке как на востоке, так и на северо-западе. Нельзя исключать, что происходит глобализация салафизма, то есть надежды на сохранение анклавов умеренных локальных вариантов ислама становятся все более призрачными.
- В значительной мере нестабильность концентрируется вокруг природных ресурсов Африки, а существенная доля напряженности естественным образом пришлась на бассейн Гвинейского залива и прилегающие к нему окрестности. Обеспокоенность США ситуацией в этом регионе понятна: если в Персидском заливе худо-бедно можно опираться на каких-то региональных союзников в противостоянии Ирану, то бороться с китайцами, положившими руку на *гвинейский нефтяной кран*, будет очень сложно. Здесь посылкой пары авианосцев не отделаешься.
- Никаких признаков наличия у развитых стран, прежде всего, США и стран ЕС (в первую очередь Франции и Великобритании), планов экономической модернизации Африки не заметно. Равно как нет и денег для осуществления такой программы. В то же время о щедрости китайцев можно уже сейчас слагать легенды. Поэтому в ближайшем будущем взаимоотношения с Африкой будут продолжать ограничиваться выкачиванием природных ресурсов и точечной инфраструктурной модернизацией, которая, как показывает история, только усиливает социальные диспропорции.

Так что, кажется, процессы в современной Африке все же достойны того, чтобы на них обратить некоторое внимание, даже при понимании того, что они лежат даже не на периферии внимания российской политики, а существенно дальше ее горизонта.

СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ КОСМИЧЕСКИЙ РЫВОК, ИЛИ ИГРЫ НА НЕРВАХ ПРОГРЕССИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Попытка запуска корейской космической ракеты, кажется, вызвала в мировой политике шум, не вполне соответствующий статусу события. В конечном счете,показательно, что мировое сообщество как-то удивительно скромно отреагировало на куда более значимое событие в ракетно-ядерной истории человечества: запуск Индией полноценной межконтинентальной баллистической ракеты.

А что, собственно, развитые страны имеют против корейской космической ракеты? Космическая ракета в данном случае являет миру возникновение у еще недавно списываемой со счетов страны стратегического ракетного (уж не ракетно-ядерного ли?) потенциала. Но, тем не менее, КНДР всего лишь запускает спутник, то есть делает то, что с гордостью и с некоторой наглостью СССР сделал в октябре 1957 г. И вряд ли запуск космической ракеты сделает КНДР более агрессивной. Более уверенной в переговорах с *международными посредниками* — безусловно, но насчет агрессивности — сомнительно. В конечном счете, за последние 20 лет за крайне редким исключением, вызванным специфическими обстоятельствами, которые спровоцировал далеко не Пхеньян, КНДР вела себя гораздо мягче и умнее, чем прогнозировали западные и примкнувшие к ним японо-южнокорейские аналитики.

Думается, больше всего в случае с неслучившимся пока северокорейским спутником *мировое сообщество* смущает то обстоятельство, что вообще-то запуск ракеты собственного изготовления в космос — хлопотное, сложное и недешевое дело. На подобное за более чем 50 лет, прошедших с момента запуска первого спутника, пошел всего десяток стран. Конечно, некоторым неприятно видеть в этом элитарном клубе *тоталитарную* и кажущуюся доиндустриальной Северную Корею, как, впрочем, неприятно было получить осенью 1957 г. удар от лапотной России. Просто так запустить ракету в космос невозможно, для этого как минимум нужно иметь серьезную технологическую базу. Быть может, испуг стал следствием того, что *прогрессивное человечество* неожиданно догадалось, что у КНДР *в загашнике* есть еще что-то? И заявление о ядерном испытании легко подтвердило наличие этого *кое-чего.*

А может быть, дело в том, что все вдруг поняли, что космический прорыв КНДР делает династию Кимов и лично Ким Чен Ына куда более устойчивыми, нежели раньше? И возможности игры с Пхеньяном вокруг недостаточной легитимности молодого Первого секретаря ЦК, на которые, судя по всему, рассчитывали и продолжают рассчитывать очень многие на Западе и на Востоке, если не исчезнут, то существенно сократятся. После неудачи с запуском ракеты возникают новые возможности дипломатической и политической игры вокруг нового северокорейского лидера и его семьи, которые, конечно, могут привести к дополнительной нестабильности внутри КНДР и вокруг нее, но, вероятно, будут захватывающими и поучительными.

Если разобраться, попытка запуска спутника и последующая попытка ядерного испытания была со стороны КНДР требованием невмешательства. И они вызвали бурное неприятие *прогрессивного человечества* и России в придачу. А запуск новой баллистической ракеты Индией был мощной заявкой на новый статус и никакого неприятия не вызвал. Получается, что не вмешиваться в мутные и запутанные дела чучхеистской монархии мировое сообщество не готово, скорее наоборот, а признать за Индией принципиально новый геополитический статус оно уже готово. Интересная, однако, картина получается, поучительная.

Что же касается России, то на ум пока приходит только одно: пора перестать смотреть на КНДР глазами Сеула. А заодно и Пекина, который явно не все сообщает своим *стратегическим партнерам*, а главное, — явно не все знает о том, что в действительности происходит в самой закрытой стране мира. Может, наладив свой *канал коммуникаций,* мы сможем более четко представлять себе логику поведения северокорейского руководства и перестанем повторять банальности о том, что КНДР вот-вот погрузится в пучину хаоса, а народ свергнет династию Кимов и пойдет в направлении сияющего на холме храма демократии. Тем более что, как выяснилось, храма там и нет.

АФГАНИСТАН: КОНЕЦ ИСТОРИИ

Наконец-то появился повод написать о ситуации в Афганистане. Да, конечно, события там происходят постоянно, но уж как-то все привычно и не дает никакого повода для каких-либо серьезных политических обобщений. Теперь, когда планы США по выводу контингента из Афганистана становятся осязаемой логистической реальностью, появился новый горизонт, который дает возможность по-новому оценить складывающуюся ситуацию. Нельзя сказать, что в Афганистане за последние три-четыре месяца произошли какие-то кардинальные сдвиги, однако теперь хотя бы понятно, чем в недалеком будущем должна закончиться эта эпопея, которой вообще-то уже более десяти лет. Конечно, жаль, что не удалось продержать американцев в Афганистане еще пару-тройку лет, чтобы их вооруженные силы окончательно пропитались героиновым духом. Не удалось дождаться времен, когда с России были бы сняты задачи по обеспечению устойчивости местных *великих сердаров,* которых, вероятно, к тому времени уже сменили бы *технократы*, изучавшие демократию в американских колледжах. А перед этой публикой Россия уже точно не несла бы никаких обязательств и наблюдала бы за их трагической судьбой *из партера*. Однако понятно, что возможности американского общества наблюдать афганское непотребство, а американского государства — это непотребство финансировать были практически исчерпаны еще в середине 2011 г. Кстати, не стоит недооценивать финансовый фактор, который стал одним из важнейших стимулов для США к свертыванию присутствия в Афганистане. Рискнем предположить, что ограниченность ресурсов и в дальнейшем будет оказывать все более серьезное влияние на военные возможности Вашингтона.

С другой стороны, попытка талибов атаковать комплекс правительственных зданий в Кабуле в середине апреля только подтверждает то, что уже было и так известно: да, у них есть ресурсы, чтобы присутствовать на политической сцене и мешать американцам и их союзникам. Но нет и, вероятно, никогда уже не будет ресурсов для того, чтобы вернуть себе власть. Талибы никогда не представляли большинства афганского общества, они не смогли преодолеть раскол афганцев по этническому принципу. Более того, несмотря на попытки обозначить себя как наднациональную силу, во многом они этот раскол углубили. Наконец, талибы, конечно, получали поддержку извне, однако она была достаточна только для того, чтобы сравнительно успешно сопротивляться многонациональным силам, но никак не для того, чтобы эти многонациональные силы с территории Афганистана реально изгнать. Подспудная идея о втором пришествии талибов все-таки витала в головах очень многих, в том числе и в Вашингтоне. Теперь ясно, что этого уже не произойдет никогда.

Главное, что не удалось сделать талибам, — создать реальную альтернативу власти в Кабуле. Несмотря на все их тактические успехи и выдавливание американцев и их союзников из целых провинций, в Афганистане нулевых и десятых не возникло какого-то центра, откуда исходила бы альтернативная *повестка дня*. В результате, все, что удавалось сделать талибам, — это всячески осложнять жизнь американцам и демонстрировать относительную нужность правительства Карзая, которое при любом другом раскладе американцы бы уже давно сдали в утиль. Правительство Карзая выглядело как вороватый, но вполне полезный союзник, который не спо-

собен себя защитить, но вполне способен наладить контакты с многочисленными и не вполне понятными фракциями афганского общества. Кстати, эта же вынужденная опора на Карзая лишила американцев всякой возможности проводить в Афганистане вменяемую стратегию социально-экономической реконструкции страны.

Надо признать, что при имеющихся ресурсах талибы добились почти максимума возможного. Они заставили американцев, еще в начале 2007 г. напрочь отвергавших саму возможность легализации талибов, согласиться с тем, что они должны быть в той или иной степени представлены в афганском правительстве после ухода МНС. И это при том, что лидеров талибов до сих пор разыскивают как международных преступников, а само движение рассматривается как безусловно террористическое.

Почему американцы решились на объявление о выводе сил именно сейчас? Самым простым объяснением было бы стремление *зачистить хвосты* перед операцией против Ирана, которая будет неизбежно иметь серьезные последствия и подстегнет антиамериканские настроения, во всяком случае, в зоне *шиитского клина*. Однако это слишком просто и очевидно, а главное — не отражает существующие реалии. Прежде всего, если вывод действительно будет происходить в 2013–2014 гг., как об этом заявляется сейчас, то все немедленные последствия операции против Ирана будут, вероятно, уже позади. Гораздо более важно для Обамы начать уже сейчас снимать недовольство общественного мнения, которое могло бы дорого обойтись ему в ходе предвыборной кампании. Представьте, что было бы, если бы кто-то из оппонентов Обамы рискнул разыгрывать карту *решительной победы* в Афганистане. Пришлось бы давать крайне невнятные и путанные объяснения, почему это невозможно.

В условиях, когда США решились на серьезную дестабилизацию всего Ближнего и Среднего Востока (а корни этого подхода надо искать в незаслуженно забытой концепции *Большого Ближнего Востока*, которая была сформулирована еще в начале первого срока президента Буша-младшего), контингент в Афганистане, тем более рассеянный по нескольким провинциям, — это не ресурс. Это уже пассив, надавливая на который региональные игроки — те же саудовцы, и в данном случае преувеличивать степень их лояльности Вашингтону не стоит, — смогут добиваться от американцев слишком многого. Поэтому самое время показать и партнерам, и противникам, что эта фигура с шахматной доски снимается.

Что в данных условиях должно в наибольшей степени интересовать Россию? Прежде всего то, что за видимым расширением спектра возможностей и на Среднем Востоке, и в Центральной Азии возникает нешуточный вызов. Этот вывод, прежде всего, связан с тем, что просто восстановить статус *первого союзника* и сохранить режимы среднеазиатских государств уже, вероятно, невозможно. С точки зрения американцев, большинство этих режимов *точку невозврата* в своем саморазрушении прошли, и даже серьезные финансовые вливания не остановят их скатывание в нестабильность. Насколько Россия способна провести системное и умное обновление элит, не доведя дело до прямой дестабилизации, которая будет воспринята всеми радикалами в освободившемся от американцев регионе как приглашение к участию в политической жизни, большой вопрос. Перед тем, как поднимать выпавший из рук США флаг главного регионального миротворца и тем более вырывать этот флаг у них из пока еще крепких рук, нужно очень тщательно подумать.

ДИЛЕММЫ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ И ГЕОЭКОНОМИКИ

Либеральные экономисты в России надеются на то, что, зацепившись за экономический подъем не столько в США, сколько в Европе, Россия сможет обеспечить себе благоприятные экономические условия, на базе которых будет восстановлена потрепанная легитимность российских властей. Однако, во-первых, выяснилось, что экономического подъема в Европе нет и в ближайшие годы не предвидится. Более того, для серьезного экономического роста в Европе нет ни экономической, ни технологической базы. Во-вторых, даже до самых упертых либералов стало

доходить, что потенциала европейского рынка недостаточно для того, чтобы обеспечить России минимально приемлемый экономический рост и, тем более, промышленную модернизацию. Оказывается, нужно *что-то еще*.

Было бы крайне наивно полагать, что разворот российской экономики в сторону от европейского рынка сразу же даст какие-то фантастические результаты. Напротив, игра на новых операционных полях, продвижение на новые рынки потребуют очень больших организационных усилий и затрат. Это потребует, фактически, новой экономической элиты, которая сможет мыслить в более динамичных и жестких категориях, нежели полностью утратившие ориентиры олигархи первой волны или никогда их не имевшие руководители госкомпаний. Разворот России в АТР и в южноазиатский регион, где, как теперь уже окончательно ясно всем, и будут развиваться наиболее динамичные процессы экономического роста, потребует финансовых затрат на создание необходимой инфраструктуры. И только когда и если у нас будет и элита, и инфраструктура, и базовые позиции по ключевым рынкам (пусть даже сырьевым), мы сможем рассчитывать на серьезный экономический эффект.

Нам нужна будет и военная сила, чтобы свои позиции в регионе поддерживать. Уж больно народ там *непростой* собрался. На Востоке, в Южной Азии, да и в Африке куда более лояльно относятся к партнеру, если он способен в подтверждение своих мыслей выставить весомые силовые аргументы. Тем более что общая военно-политическая ситуация в Азии весьма напряженная, и дело тут не только в КНДР. Еще никогда в истории серьезное перераспределение экономических сфер влияния не проходило без военно-политической напряженности.

Беда заключается в том, что уже давно видна главная проблема российской геоэкономики, которая оказывает на развитие страны почти такое же угнетающее, катастрофическое влияние, как и неспособность российских имперских властей разрешить земельный вопрос в начале XX в. Это неспособность — нет, не слезть с нефтяной иглы, это как раз не обязательно, вернее, это можно сделать позднее. Это — неспособность сократить зависимость экономики страны от европейского рынка. Ведь уже сейчас очевидно, что значение этого рынка, его емкость и его платежеспособность будут в дальнейшем только сокращаться. Но в России предпочитают этого не замечать и действовать в русле инерции даже не 2000-х, а 1980-х гг. И понятно почему: игра на европейском поле хотя и не дает уже тех экономических и политических дивидендов, как в 1990-е и 2000-е, но и не требует каких-либо особенных усилий. Разве что приходится убеждать европейцев, что строительство трубопроводов в обход ветшающей трубопроводной системы Украины — в их же интересах. За другие рынки надо бороться, бороться жестко и умно, а все еще определяющие *мейнстрим* российские олигархи *первой волны* уже давно не производят впечатление людей, которые в принципе готовы за что-то бороться.

При этом все внешние условия для того, чтобы подобная программа стала реальностью, есть: экономический кризис в Европе очевиден, спрос на нефть в Восточной Азии будет расти, спасибо США, продавившим сокращение закупок иранской нефти. Поможет и нестабильность в Ормузском проливе и в районе Суэца и Аравийского моря, которая будет только увеличиваться. Самое время начать думать об альтернативах в экономической стратегии и об альтернативной российской внешней политике.

Другой вопрос, что, как это всегда случается, временной зазор получается относительно небольшим. Фактически на подобный разворот у России имеется не больше двух-трех лет, а после, вероятно, обновленная американская элита начнет новый раунд геополитической игры, который, вероятно, будет связан с дезавуированием глобальных амбиций Китая. И не факт, что условия для начального проникновения в регион станут лучше, скорее, наоборот.

Что до *нефтяной иглы*, то в период глобального экономического кризиса, который, вероятно, не только не закончился, вопреки уверениям европейских политиков и экономистов, но пока даже не начался в полную силу, соскакивание с нее проис-

Нандан ***Унникришнан (Индия)*** *— директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда Obsever — по телефону из Дели:* Начавшиеся переговоры между Индией и Пакистаном оказали позитивное влияние на климат безопасности в Южной Азии. В ходе переговоров наметились некоторые точки соприкосновения по многим проблемам двусторонних отношений. Если в среднесрочной перспективе между странами будет открыта торговля, это позитивно повлияет на всю южноазиатскую торговлю. Испытание Индией новой межконтинентальной баллистической ракеты не привело к ухудшению отношений ни с Пакистаном, ни с Китаем, и не стало началом новой гонки вооружений в этом регионе. Пожалуй, Индия — одна из немногих стран, у которой практически отсутствуют внешние враги. Главные угрозы безопасности для страны связаны с проблемами внутреннего развития. Отсутствие новых законов — основная проблема, препятствующая развитию. Существующая в Индии законодательная база была сформирована более тридцати лет назад и не соответствует реалиям времени, что является следствием отсутствия консенсуса между парламентариями по принятию новых законов.

Негативно на безопасность в регионе влияет эскалация напряженности между Китаем и Филиппинами из-за территориальной принадлежности рифа Скарборо в Южно-Китайском море, а также Китаем и Вьетнамом из-за острова Спратли. Этот район богат нефтяными ресурсами, и каждый раз, когда филиппинцы или вьетнамцы заключают соглашения с третьими странами на добычу нефти, это вызывает негативную реакцию со стороны Китая.

ходит хотя и болезненно, но быстро. Тут главное — готовность элиты к изменениям и готовность к лидерству в этих изменениях.

Главная проблема новой старой российской власти заключается в том, что по всем признакам она собралась *царствовать*, то есть реализовывать, конечно, с некоторыми поправками на новое состояние общества, концепцию *умиротворения и стабильности*, попиливая бюджет и остатки государственной собственности. И внешние, и внутренние факторы будут неизбежно заставлять российскую власть и сопряженную с ней часть элиты *править*, то есть принимать серьезные решения, связанные даже не с развитием страны, а с переконфигурированием ее внешней и внутренней политики. И очень большой вопрос, насколько нынешняя власть в принципе способна вырабатывать, принимать и осуществлять подобные действия, даже если будет видеть, что по-иному нельзя. Я, конечно, не знаю насчет *низы не хотят*, но то, что *верхи уже не могут* — это точно.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

[1] Талеб Насим Николас. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Москва, Аттикус. 2009. С. 14.

[2] Классическим примером могут служить усилия *Газпрома* и связанных с ним исследовательских центров, пытающихся убедить общественное мнение и элиты в бесперспективности разработки месторождений сланцевого газа. Последнее, естественно, ставит под сомнение роль *Газпрома* как крупнейшего поставщика газа в Европу.

[3] Пересчеты китайских экономических показателей по ППС вызывают серьезные возражения. Сопоставления по ППС в основе своей пригодны для стран с примерно одинаковой структурой экономики и схожими качественными характеристиками потребления. Расчеты по ППС не учитывают, в частности, что примерно 50% населения Китая живет в деревне, и в большинстве случаев качество потребляемых там товаров и услуг, включая социальные услуги и жилье, имеет для населения развитых стран нулевую цену.

[4] International Monetary Fund. China: Report for Selected Sujects, http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/weorept.aspx?sy=1980&ey= 2011& scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=23&pr1.y=5&c=924&s=NGDP_RPCH%2CNGDPD%2CPPPGDP%2CPPPSH&grp=0&a= (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[5] Minxin Pei. China's Governance Crisis. *Foreign Affairs*. 2002. September/October, http://www.foreignaffairs.com/articles/58248/minxin-pei/chinas-governance-crisis# (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[6] Income gap and poor people in China, http://factsanddetails.com/china.php?itemid=155&catid=11&subcatid=70 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[7] Fu Jing. Urban-rural income gap widest since reform. *China Daily*. 2010, March 2, http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-03/02/content_9521611.htm (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[8] China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank. 2012. Washington D. C. P. 301.

[9] Расчитано по China NBS Statistical data. National Bureau of Statistics of China, http://www.stats.gov.cn/english (последнее посещение — 8 мая 2012 г.). I группа — крупнейшие мегаполисы Шанхай, Пекин, Тяньцзинь. II группа — Цзянсу, Чжэцзян, Внутренняя Монголия. III группа — Шандун, Фуцзянь, Ляопин, Гуандун. IV группа — Чунцин, Хубей, Хэбей, Шанси, Хэйлуцзян, Цзилинь. V группа — Нинся, Шэнси, Синьцзян, Хунань, Хэнань, Цинхай, Сычуань, Цзянси, Аньхой, Гуанси. VI группа — Тибет, Ганьсу, Юннань, Гуйчжоу.

[10] Китаю угрожает кризис. Презентация на семинаре ИМЭМО РАН 1 февраля 2012 года, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/01022012/Presentation_01022012_01.pdf (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[11] Ланьков Андрей. Модернизация в Восточной Азии, 1945–2010. Лекция, прочитанная 4 февраля 2010 года в Политехническом музее, Москва, http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/(последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[12] China's Hidden Debt Risks 2012 Crisis, Northwestern's Shih Says. *Bloomberg News*. 2010, March 2, http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aN94MF7BDx_A (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[13] Gordon Chang. China's Looming Debt Disaster. 2011, August 23, http://www.thedailybeast.com/articles/2011/08/23/why-china-s-debt-problems-are-worse-than-america-s.html (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[14] Китаю угрожает кризис, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/01022012/Presentation_01022012_01.pdf (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[15] Там же.

[16] China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank. 2012.

[17] Там же. С. 12.

[18] Там же.

[19] 2012 Global R&D funding forecast. Battelle. 2011, December. Pp. 28–29.

[20] Gupta Anil K. and Wang Haiyan. Chinese Innovation Is a Paper Tiger. *The Wall Street Journal*. 2011, July 28, http://online.wsj.com/article/SB10001424053111904800304576472034085730262. html

[21] Appendix table 6–45. SPTO patent grants, by region/country/economy. In: 1995–2010 Science and Engineering Indicators 2012. US National Science Board. 2012, January. P. 667, http://www.nsf.gov/statistics/seind12/pdf/at.pdf (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[22] Global high-value patents, by selected region/country: 2000–08, http://www.nsf.gov/statistics/seind12/slides.htm (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[23] Рассчитано по: Energy production. Summary Tables. BP Energy Outlook 2030. BP. London. 2012, January.

[24] World Shale Gas Resources: An Initial Assessment of 14 Regions Outside the United States. U. S. Energy Information Administration. 2011, April. P. 4.

[25] Annual Energy Outlook 2012. Early Release Overview. U. S. Energy Information Administration. P. 1.

[26] The Economic and Employment Contributions of Shale Gas in the United States. IHS Global Insight. 2011, December. P. 9.

[27] US Regional Natural Gas Prices. In: Natural Gas. Short-term energy outlook. Energy Information Administration. 2012, May 8, www.eia.gov/forecats/steo/tables/?tableNumber=16#startcode=2000 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[28] 2010 Survey of Energy Resources. World Energy Council. London. 2010. Pp. 101–102.

[29] Корытина Евгения. Нефть по 3 доллара. *РБК Daily*. 2010, 1 ноября 2010, http://www.rbcdaily.ru/2010/11/01/tek/523807 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[30] Skrebowski Chris. A brief economic explanation of Peak Oil. ODAC Newsletter. 2011, September 16, http://www.odac-info.org/newsletter/2011/09/16 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[31] Dizard John. The true cost of shale gas production. *The Financial Times*. 2010, March 7, http://www.ft.com/cms/s/0/e34f5282-2899-11df-a0b100144feabdc0.html#axzz1uZpCa3YS (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[32] Иванов Николай. Труба тревоги нашей. *Новая газета*. 2012, 4 мая.

[33] Крылов Тимофей. Освоение российского арктического шельфа неизбежно. И требуются новые технологии, чтобы сделать добычу рентабельной. *Oil and Gas Eurasia*. N4. 2011, Апрель, http://www.oilandgaseurasia.ru/articles/p/139/article/1480/(последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[34] Шевцова Лилия. Притворная модернизация. Медведевская Россия потратила впустую четыре года жизни. *Газета*. 2012, 3 мая, http://www.gazeta.ru/comments/2012/05/03_x_4570813.shtml (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[35] Есин Виктор, Савостьянов Евгений. ЕвроПРО без мифов и политики. *Независимое военное обозрение*. 2012, 13 апреля, http://nvo.ng.ru/armament/2012-04-13/1_pro.html?mpril (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[36] Генштаб не исключает возможность нанести упреждающий удар по ЕвроПРО. *РИА Новости*. 2012, 3 мая, http://www.ria.ru/defense_safety/20120503/640042925.html (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

[37] Summit Declaration on Defense Capabilities: Toward NATO Forces 2020. 2012, May 20. Para 7, http://www.nato.int/cps/en/SID-C0B0AF89-025CFF31/natolive/official_ texts_ 87594.htm (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).

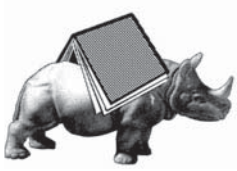
[38] Deterrence and Defence Posture Review. 2012. May 20. Para 8, http://www.nato.int/cps/en/SID-24FD44DB-B45FEFC0/natolive/official_texts_87597.htm (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).

[39] Chicago Summit Declaration. 2012, May 20. Para 37, http://www.nato.int/cps/en/SID-5F68F907-766D7A6C/natolive/official_texts_87593.htm (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).

[40] Chicago Summit Declaration. Para 30.

[41] К решениям саммита НАТО в Чикаго. Брифинг официального представителя МИД России А.К. Лукашевича. 2012, 24 мая, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D6B281F503870BD844257A08004520F7 (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).

[42] Ответ Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К.К. Долгова на вопрос агентства «РИА Новости» в связи с действиями полиции по разгону манифестаций в Чикаго и Монреале. 2012, 21 мая, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6F6C23EDA55F39F444257A05005C43A2 (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).



Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы. Под ред. Н.И. Калининой. М., ИМЭМО РАН, 2010. 284 стр.

Рецензия — Вадим Козюлин

За последнее десятилетие российское медийное пространство приучило общество верить, что сфера военно-технического сотрудничества России — это серия ожидаемых и неожиданных успехов. Российские экспортеры вооружений гордятся государственной монополией на экспорт оружия и строгой президентской вертикалью управления ВТС (жесткий государственный контроль позволяет эффективно бороться с контрабандой и избегать ненужной конкуренции между российскими предприятиями на внешних рынках). Российская оборонка со всей очевидностью должна сделать низкий поклон *гениям ВТС*, ибо только их стараниями российский ОПК сегодня остается здравствующим наследником советского ВПК. Объемы военного экспорта, равно как и его география, перманентно расширяются, а портфель перспективных заказов уже ставит в трудное положение отечественные оборонные предприятия — для их выполнения порой трудно найти свободные мощности.

Довольно гладко на бумаге выглядит структурная реформа оборонной промышленности: слияниями и поглощениями формируется новый облик будущей российской военной индустрии. Планы руководства страны по перевооружению Вооруженных сил за счет резкого увеличения расходов на закупку военной техники уже обрадовали оборонщиков.

МИРОВОЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ И ВОЕННО-ЭКСПОРТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Коллективная монография «*Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы*» под редакцией профессора ИМЭМО Наталии Калининой предлагает читателю по-научному скрупулезный анализ реального положения дел в сфере военно-технического сотрудничества и российском оборонно-промышленном комплексе. При внимательном рассмотрении читателю предстает иная, значительно более сложная и в целом безрадостная картина, которую скорее можно охарактеризовать *упадок*.

Авторы рассматривают торговлю обычными вооружениями с точки зрения международной безопасности. Они отмечают, что в разных ситуациях с позиций сохранения и упрочения международной стабильности экспорт вооружений приводит к прямо противоположным результатам, когда существующая дилемма между производством вооружений и поставками оружия на внутренний и внешние рынки, определяемая интересами национальной безопасности, с одной стороны,

и контролем над вооружениями, с другой стороны, не имеет путей решения. Преобладающая сегодня оценка роли и места мирового оборота оружия в обеспечении международной безопасности, как правило, имеет больше статистически-количественное измерение, чем прогнозно-аналитическое, требующее оценок новых рисков и угроз и принятия адекватных международных мер.

Очевидно, что рынок оружия непрерывно развивается, подстраиваясь под те военно-политические задачи, которые ставят перед собой страны-экспортеры и страны-импортеры продукции военного назначения (ПВН). Именно взаимоотношения участников сделок и определяют состояние мирового рынка вооружений и динамику его изменения. При этом в конкурентной борьбе за ниши на мировом рынке вооружения используется весь арсенал политических, экономических, а также других не всегда законных методов.

Для России торговля оружием (его финальными образцами, технологиями и материалами военного и двойного назначения), стала одной из чувствительных и достаточно закрытых сфер ее деятельности, затрагивающей вопросы национальной безопасности, конкурентоспособности на мировом рынке вооружений, обороноспособности, лидерства по военному потенциалу и влиянию на баланс сил в мире. Уже в течение ряда лет Россия занимает одно из лидирующих мест в мировом объеме оружейного экспорта (держит второе место после США). Однако следует задаться вопросом: что дает России торговля оружием, каковы ее долгосрочные военно-экономические и военно-политические перспективы в этой области, как влияет торговля оружием на поддержание национальной безопасности и международной стабильности.

Для ответа на эти вопросы авторы исследования проследили динамику развития оружейного бизнеса в России, провели многостороннюю оценку его сегодняшнего состояния, включая комплексный анализ концептуальных положений военно-технического сотрудничества России с зарубежными странам, проблемных вопросов, отражающихся на эффективности военно-технического сотрудничества и позициях России на мировых рынках оружия, а также сделали прогнозный анализ на ближайшую перспективу.

Следует отметить, что в ходе работы исследователи изучили и переработали значительный объем текущей и аналитической информации, а также законодательных документов: данные специализированных международных и российских аналитических центров (СИПРИ, ACDA, Центр АСТ, ЦАМТО и др.); данные Регистра ООН по обычным вооружениям и другие документы СБ ООН; данные Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству, ФГУП *Рособоронэкспорт* и ГК *Ростехнологии*; данные специализированных зарубежных и российских изданий, а также данные российских и зарубежных печатных и электронных СМИ, сообщения ведущих российских и мировых информационных агентств, а также пресс-релизы оборонных компаний.

В первой главе этого труда дается анализ национальных основ военно-экспортной политики России, включая такие разделы, как хронология становления российской системы военно-технического сотрудничества (ВТС) и ее современное состояние, а также определены базовые принципы законодательного и нормативного правового регулирования этой сферы деятельности государства. В этой же главе приведены некоторые сопоставительные характеристики и отличительные особенности законодательства России и зарубежных стран, лежащие в основе государственного управления торговлей вооружением и военной техникой.

За постсоветский период российская система ВТС не просто претерпела череду реформ, она была и находится в перманентном состоянии реформирования. При

этом и сегодня ее нельзя признать устоявшейся и достаточно эффективной. Так на протяжении многих лет выносился на обсуждение на самом высоком уровне, но так и не нашел решения вопрос об избавлении России от высокой импортной зависимости от поставщиков из стран СНГ.

С 1999 г. предусматривалось издание ряда нормативных актов правительства, большинство из которых не подготовлены и поныне. Например, не установлены правила бюджетного финансирования экспорта ПВН, осуществляемого во исполнение международных обязательств; не приняты положения о порядке государственного контроля за поступлением и использование доходов от экспорта ПВН; об установлении размера комиссионного вознаграждения государственных посредников и многие другие.

Современный этап реформирования системы ВТС, сохранивший право поставлять *финальную* ПВН за единственным субъектом ВТС — ОАО *Рособоронэкспорт* — по мнению некоторых экспертов заменяет принцип государственной монополии на деятельность в области ВТС на абсолютную монополию единственного государственного посредника в этой сфере деятельности государства. Введение ограничений на поставку *финальных* образцов вооружений и военной техники (ВиВТ) также нарушает и другой принцип Закона о ВТС, которым декларируется «обеспечение равных условий участия в осуществлении военно-технического сотрудничества для субъектов ВТС».

Поправки к Закону о ВТС исключили палаты Федерального Собрания из процесса законодательного регулирования международных соглашений в области ВТС, фактически отменяя необходимость ратификации этих договоров. Выбранный Россией президентский тип государственного управления ВТС привел к отсутствию действенного контроля за военно-экспортной политикой со стороны государственной власти. Исключительные полномочия президента по созданию нормативной основы в области экспорта военной продукции стали предпосылкой ее неустойчивости и постоянных преобразований, отражающих борьбу различных сил внутри страны за влияние в сфере военно-экспортной политики.

Нынешние реформы сферы ВТС, связанные с созданием интегрированных структур в ОПК, создают проблему утечки чувствительной военно-технической информации через участие иностранного капитала в таких объединениях. По мнению аналитиков, эта проблема на сегодня не имеет правового решения.

Неоднозначную оценку специалистов получила проходящая сегодня коренная ломка и глобальная перестройка управления ВТС, связанная с созданием Государственной корпорации *Ростехнологии*. Очевидно, что создание этой корпорации связано с критическим положением России на мировом рынке высоких технологий и поиском путей выхода из него. Ряд экспертов полагает, что новой структуре в ее нынешнем формате не удастся наладить функционирование всей технологической цепочки производства ПВН, поскольку общий кризис в сфере ВТС и состояние ОПК намного глубже и тяжелее, чем его пытаются представить.

В ближайшее время следует ожидать очередную серию административно-регулирующих решений, направленных на уточнение полномочий федеральных структур в связи с созданием ГК *Ростехнологии*. Авторы исследования считают целесообразным в ходе дальнейших преобразований этой системы учитывать мировой опыт и подходы других стран, которые проиллюстрированы в монографии на примере США, Франции, Германии, Великобритании, Италии и других стран Европы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЖИМЫ КОНТРОЛЯ НАД ТОРГОВЛЕЙ ОРУЖИЕМ

Во второй главе всесторонне рассматриваются международные режимы контроля за торговлей оружием, которые призваны ограничивать реальные и потенциальные негативные последствия поставок вооружения и военной техники для региональной и международной стабильности. В частности, в этой главе на основе большого фактологического материала сделаны выводы: о низкой эффективности основного международного механизма контроля за оборотом оружия — Регистра ООН по обычным вооружениям (в среднем по экспорту в течение многих лет систематически отчитывается лишь порядка 25–30 государств, а по импорту — до 40; при этом число отчетов по импорту и экспорту не совпадает, а показатель участия государств в Регистре постепенно уменьшается); об отсутствии надежных механизмов контроля за распространением стрелкового оружия и легких вооружений (категория ЛСО даже отсутствует в Регистре ООН по обычным вооружениям); о недостаточной надежности режимов санкций СБ ООН для предотвращения или прекращения военных конфликтов, вызванных дестабилизирующими накоплениями вооружений (в работе приведены примеры систематических нарушений эмбарго ООН). Основную причину неэффективности международных санкций авторы видят в отсутствии признанного на международном уровне определения понятия *дестабилизирующее накопление вооружений* и критериев, которые могли бы использоваться для оценки дестабилизации.

Кроме того, в этой главе представлен анализ хода работы и перспектив принятия нового Международного договора о торговле оружием, включая позицию России по этому вопросу.

Авторы делают вывод о том, что военные конфликты останутся неизбежным явлением в первой половине XXI в., поскольку глубинными источниками военной опасности являются экономическое стимулирование гонки вооружений и заинтересованность в ней военно-промышленных сил, приводящие к увеличению объемов торговли оружием. Распространение оружия без достаточных ограничений на международном и национальном уровнях становится опасной силой в процессе мирового развития.

В третьей главе проведены оценки места России на мировых рынках торговли оружием, показана динамика и тенденции экспорта ВиВТ, включая анализ объемных и количественных параметров. При этом авторы подчеркивают, что количественный рост экспорта в деньгах не является прямым отражением роста поставок и возрастанием престижа России. Более того, рейтинг основных производителей оружия в России является невысоким, а перспективы укрепления позиций России на мировых рынках оружия остаются неясными.

Российский рынок военной продукции остается довольно непрозрачным. Продолжающаяся перестройка ОПК затрудняет оценку объемов военного производства. Однако на основе имеющихся зарубежных и отечественных данных (рейтинг американского еженедельника Defense News, оценки мирового рейтинга конкурентоспособности, рассчитываемого Всемирным экономическим форумом и результатах конкурса «Лучшие российские экспортеры 2009 г.») авторы делают вывод о низкой конкурентоспособности предприятий ОПК, поставляющих свою продукцию на внешние рынки. При этом авторы признают, что, несмотря на критическую оценку состояния дел в России в области ВТС и низкие рейтинги оборонных предприятий, интерес к российскому оружию в мире еще не пропал, а с учетом взятого руководством страны стратегического курса на модернизацию оборонной промышленности может и возрасти.

Монография содержит анализ глобальных рынков вооружений и перспектив российских оружейников на них, предлагает количественные прогнозы мировых

закупок различных видов вооружений. Авторы отмечают рост поставок вооружений в горячие точки — Афганистан, Грузию, Израиль, Пакистан и Шри-Ланку, и прогнозируют появление новых крупных поставщиков вооружений, которые приблизятся к первой десятке: Финляндия, Южная Корея, Китай, Украина, Польша, Австрия и Австралия.

По мнению исследователей, в будущем будут созданы принципиально новые виды оружия (высокоточное оружие, магнитогидродинамическое взрывное оружие, кинетическое оружие космического базирования) и введены ограничения на их продажу — только союзникам. При этом будет широко применяться совместное производство новых вооружений и пропорциональное вкладу оснащение национальных армий новым оружием. Доминирующее положение на мировом рынке оружия останется за США. Россия потеряет свои лидирующие позиции и со второго-третьего места откатится на шестое-восьмое, и то лишь при условии сохранения спроса на средства ПВО и авиатехнику. Поставки в объеме 8–9 млрд долл. в год сохранятся лишь на ближайшие три-четыре года. Далее для российского военного экспорта наступит *провал*, поскольку большинство продаваемых сегодня вооружений окончательно потеряет конкурентоспособность. Будут нарастать импортные закупки.

В этих условиях для России является крайне важным: провести уточнение стратегических целей ВТС на современном этапе; принять принципиальное решение об опережающем оснащении Вооруженных сил России современными видами вооружений в сопоставлении с экспортными заказами; осуществлять системный анализ последствий уже совершенных и планируемых поставок ВиВТ для национальной безопасности и международной стабильности.

В четвертой главе рассмотрены региональные аспекты экспорта России и представлены данные о текущем состоянии и перспективах дальнейшего развития сотрудничества в области военной торговли с основными покупателями российского оружия, благодаря которым России удается сохранять за собой второе (после США) место по объему экспорта. В частности, проанализированы взаимоотношения и обозначены проблемы с такими странами, как: Индия, Китай, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Алжир, Иран и Венесуэла.

Наибольший интерес в этом перечне представляет анализ ВТС России с ведущими покупателями российского оружия — Китаем, Индией и Вьетнамом.

Диверсификация Индией закупок ВиВТ набирает обороты, Соединенные Штаты (а следом, возможно — Израиль), в ближайшие годы, вероятно, выйдут в лидеры на индийском рынке вооружений, где России становится все труднее сохранять свои позиции.

Китай из крупнейшего заказчика российской оборонной продукции превращается в главного конкурента российских оборонщиков на внешних рынках. Его военная промышленность получает все большее признание на международном уровне. Ее главное преимущество перед российской оборонкой — низкие цены и льготные условия расчетов. Российские руководители в сфере ВТС уже готовы изучать феномен китайского успеха и извлекать из него уроки.

Вьетнамом через несколько лет может выйти на второе после Индии место по объемам закупок вооружений в России. Сотрудничество с Вьетнамом развивается не только в сфере ВТС: обсуждаются вопросы военного сотрудничества (совместные учения, подготовка военных в российских ВУЗах, строительство во Вьетнаме ремонтного завода ВМФ России). Есть планы восстановления в какой-то форме российской военной базы в Камрани.

В целом авторы заключают, что положение России на этих рынках не столь устойчивое, как это обычно преподносится в СМИ. Исследование показывает имеющиеся существенные трудности во взаимоотношениях с каждым покупателем. На ряде рынков Россия постепенно утрачивает свои лидирующие позиции, что особенно заметно в отношении Китая. Все труднее России удается сохранение своего приоритета в закупочной политике Индии, близки к исчерпанию сферы расширения сотрудничества с Алжиром и Венесуэлой, полностью заблокировано сотрудничество с Ираном, и лишь в отношении Вьетнама наблюдается некое оживление.

РОССИЯ И СОСЕДИ

В пятой главе представлен анализ состояния и особенностей военно-технического сотрудничества России со странами СНГ, а также показана трансформация военно-экспортной политики некоторых стран СНГ, которая направлена на снижение зависимости оснащения своих вооруженных сил от поставок вооружения и военной техники из России.

Бывшая военная инфраструктура СССР и его оборонные материальные ресурсы долгие годы позволяли государствам СНГ обеспечивать свою безопасность. Но сегодня, когда советское наследие уже почти растрачено, и объем рынка вооружений стран СНГ составляет около 30 млрд долл., Россия, похоже, не имеет серьезных позиций для его освоения. Многие страны (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан) пытаются диверсифицировать свои военные закупки, а другие (Украина, Белоруссия) имеют оборонный потенциал, который позволяет им конкурировать с Россией как на постсоветском пространстве, так и в других региональных *зонах интересов* России. ВТС могло бы стать одним из эффективных инструментов политики, ставящей целью объединение усилий по совместному производству наиболее современных образцов ВиВТ и последующему их экспорту в третьи страны. Такая политика могла бы способствовать и более быстрому формированию коллективных сил безопасности в рамках ОДКБ.

Отдельной главой (глава 6) выделены вопросы, относящиеся к сотрудничеству России и НАТО по широкому кругу проблем, относящихся к контролю над обычными вооружениями. При этом показано, что, несмотря на все имеющиеся противоречия и разногласия политического плана, возможности для сохранения и даже расширения сотрудничества по военно-техническим программам имеются. В главе также даны некоторые рекомендации по развитию ряда перспективных направлений военно-технического сотрудничества с НАТО.

Авторы монографии считают, что для России сейчас важно не упустить появившиеся возможности и перспективы для строительства новой системы безопасности в Европе и для всего комплекса отношений на континенте.

Возможными практическими и достаточно перспективными направлениями сотрудничества России-НАТО в сфере ВТС могли бы стать: создание на территории России совместных конструкторских бюро и предприятий по производству перспективных образцов ВиВТ, что приведет не только к притоку инвестиций и возрастанию занятости в ОПК, но главное — к интеграции российских ВиВТ в европейские рынки и повышению конкурентоспособности российского оружия; создание совместных предприятий по обеспечению послепродажного сервисного и технического обслуживания поставляемых Россией ВиВТ с использованием ряда комплектующих изделий из стран НАТО; совместное участие в тендерах по выбору перспективных образцов ВиВТ для национальных вооруженных сил третьих стран; модернизация ВиВТ российского (советского) производства под

стандарты НАТО; урегулирование лицензионных правоотношений со странами Центральной и Восточной Европы на производство ВиВТ советского периода и возобновление производства модернизированных образцов по российским технологиям; разработка совместных программ в области утилизации ВиВТ российского (советского) и европейского производства, выводимого из состава вооруженных сил этих стран; объединение усилий России и стран НАТО в вопросе выработки согласованных действий по принципам торговли обычными вооружениями и сокращению нелегальной торговли оружием, которая приобретает все более угрожающий характер; установление сотрудничества между НАТО и ОДКБ.

Предлагаемые меры по расширению сотрудничества России со странами НАТО в сфере ВТС, безусловно, носят дискуссионный характер, однако обозначают во многом привлекательный вектор развития не только для отечественного ОПК, но и для внешней политики России в целом.

Наконец, в седьмой главе проанализированы проблемные вопросы ВТС, включающие в себя: кризисное состояние оборонно-промышленного комплекса России; рост импортной зависимости производства вооружений и военной техники, который обусловлен необходимостью закупок комплектующих изделий в странах СНГ и других зарубежных государствах; рост закупок готовых образцов военной техники в некоторых иностранных государствах в интересах Вооруженных сил Российской Федерации и в связи с неспособностью отечественной оборонной промышленности к их производству.

Представленные данные показывают, что в течение многих лет национальные закупки вооружений были существенно ниже, чем производство ВиВТ на экспорт, т. е. российский ОПК фактически работал на иностранные армии. Отсутствие должной координации целей ВТС, государственного оборонного заказа и государственной программы вооружений привели к деформации ОПК под задачи оснащения иностранных армий. Такая ситуация представляет угрозу национальной безопасности и требует переключения работы ОПК на цели обеспечения нужд Вооруженных сил России. Вялотекущие процессы реформирования ОПК делают слабо реалистичным не только увеличение экспортных возможностей, но и выполнение заявленного правительством плана по увеличению в 2020 г. доли современных ВиВТ в российских войсках до 70–80%.

Завершает Главу 7 раздел, в котором рассматриваются авторские оригинальные предложения по оценке эффективности ВТС.

В заключении представлен сформированный по результатам исследований комплекс рекомендаций, направленных на укрепление образа России как ответственной мировой державы в условиях формирования многополярного мира.

В частности, авторы еще раз обращают внимание на то, что Федеральное Собрание выпало из действующей российской системы ВТС. Они считают целесообразным внести поправки в Закон о ВТС для того, чтобы вернуть парламентский контроль над экспортом вооружений, как это заведено в законодательствах всех крупных мировых экспортеров ПВН. Также предлагается разработать Федеральный закон «О государственной программе вооружений», в котором рекомендуется предусмотреть приоритетность исполнения заказов Вооруженных сил РФ для ОПК; внести изменения в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» с целью применения более гибкой системы ценообразования и стимулирования модернизации отечественной промышленности.

Для повышения роли России в международных режимах контроля за оборотом оружия руководству страны рекомендовано представлять в Регистр ООН по обычным вооружениям более детальную информацию о торговых операциях,

Более подробная информация о военной отрасли России доступна на сайте ПИР-Центра в рамках проекта «Реформирование вооруженных сил России» по адресу http://military-reform.pircenter.org

а также занять более активную позицию в отношения Международного договора о торговле оружием, обсуждение которого в настоящее время активно ведется в ООН.

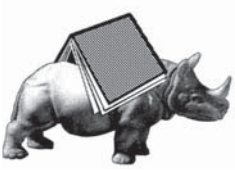
Также в докладе предложен целый ряд мер для совершенствования военно-экспортной и военно-технической политики, совершенствования системы ВТС и реформирования ОПК.

Реализация этих рекомендаций в совокупности позволит, по убеждению авторов работы, повысить результативность деятельности государства в области военно-технического сотрудничества.

***

Несмотря на то, что монография рисует в целом критическую, почти тупиковую картину нынешнего состояния сферы ВТС и указывает на глубокий кризис в отечественном ОПК, исследователи находят в себе внутренние ресурсы для того, чтобы предложить способы исправления сложившейся ситуации.

Авторы исследования признают, что не все их критические оценки и предложения могут быть приняты *априори*, однако полагают, что развитие профессиональной дискуссии по поднятым вопросам представляется одним из возможных путей коррекции и повышения эффективности военно-экспортной политики государства.



ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ?!

Nuclear Tipping Point. Ben Goddard (dir.). 2010.

В 2011 г. ПИР-Центр провел конкурс на лучшую рецензию на фильм «Nuclear Tipping Point» («Ядерное оружие — переломный момент»)[1]. Студенты и молодые специалисты в своих работах обратились к вопросам, которые вызывает идея безъядерного мира, и представили свое видение перспектив отказа от ядерного оружия. Предлагаем вниманию читателей работы победителей конкурса, которые публикуются в сокращении, однако без редакционного вмешательства в тексты.

Рецензия — Александр Чебан

Документальный фильм «Ядерное оружие: переломный момент» посвящен проблемам ядерной безопасности в мире. Четыре выдающихся практика и теоретика внешней политики США (Генри Киссинджер, Сэм Нанн, Уильям Перри и Джордж Шульц) рассуждают о проблемах, связанных с ядерным оружием. Также в фильме выступили такие известные политики, как Колин Пауэлл, Барак Обама и Арнольд Шварценеггер. Все выступающие едины в одном: *ядерное оружие представляет огромную опасность для мира и в перспективе должно быть уничтожено*.

В пользу справедливости этой идеи в фильме были приведены достаточно веские аргументы. Фильм выстроен таким образом, чтобы привести зрителя к нескольким выводам.

Вывод первый: существует реальная угроза применения ядерного оружия террористами. Возможности террористов резко возросли, и сегодня у них может оказаться даже больше шансов приобрести ядерное оружие, чем у многих государств. Конечно, террористы не могут обогащать уран или использовать реакторы для получения необходимых для производства ядерной бомбы делящихся материалов. Но зато они могут украсть эти материалы из стран, где они есть в большом количестве и где безопасность их хранения низкая. При этом террористов, в отличие от государств, невозможно сдерживать от применения ядерной бомбы: у них нет территории, по которой можно нанести ответный удар, и вообще, возмездие меньше всего беспокоит террористов-смертников.

Вывод второй: существует угроза начала ядерной войны из-за ошибки, вызванной сбоем систем предупреждения о ядерном ударе. Чтобы выяснить, является ли сигнал о ядерной атаке ложным или нет, нужно время. В истории уже были случаи (причем даже после окончания холодной войны), когда ядерная война едва не началась из-за таких сбоев в системах предупреждения.

Александр Колодько, студент Московского государственного университета управления Правительства Москвы (Москва, Россия): Возможна ли ликвидация ядерного оружия в принципе? Мой ответ — нет. Мир еще к этому не готов. Представить себе мир без ядерного оружия, конечно, можно, но он абсолютно не будет устраивать ни Россию, ни Китай, ни прочие ядерные державы. Поэтому лучше выходить на арену политических схваток, прикрываясь ядерным щитом. Тем более что для некоторых стран ядерное оружие — это единственное средство защиты, на котором базируется национальная концепция безопасности.

Вывод третий: есть также угроза дальнейшего распространения ядерного оружия из-за нежелания ядерных держав предпринять решительные шаги для ликвидации своих ядерных арсеналов. Ядерное превосходство одних государств побуждает другие нивелировать его путем приобретения ядерного оружия.

Вывод четвертый: решить эти проблемы поможет ликвидация ядерного оружия. Если уничтожить все запасы ядерного оружия и сырья для его производства — оружейного плутония и высокообогащенного урана, то террористы не смогут украсть ядерную бомбу или материалы для ее изготовления. Естественно, что отпадет также угроза обмена ядерными ударами по ошибке или другим причинам.

Последний и главный вывод заключается в том, что ядерный ноль — не утопия. Четверка выдающихся американцев признает, что ликвидировать ядерное оружие очень трудно, но она и не предлагает делать это немедленно. Реализовывать эту идею предполагается постепенно и поэтапно. Суть предлагаемых четверкой действий — свести на нет способность государств производить ядерное оружие. Для этого нужно сначала запретить производство необходимых для изготовления ядерного оружия ВОУ и оружейного плутония, затем уничтожить все их запасы; добиться того, чтобы государства не могли иметь замкнутый топливный цикл и обогащать уран на своей территории и таким образом лишить их всякой возможности производить сырье для атомной бомбы. Таким образом, будут созданы значительные трудности для производства нового ЯО, и на фоне неуклонного сокращения уже имеющегося это неминуемо приведет к достижению *ядерного ноля*. Четверка выражает уверенность, что если эти процессы охватят весь мир, то, в конце концов, в отдаленной перспективе Иран, КНДР и другие потенциальные ядерные государства под давлением международного сообщества будут вынуждены подчиниться общим разоруженческим тенденциям[2].

Итак, основной вывод четверки: *ядерный ноль* является очень желательной и вполне реализуемой целью.

Однако необходимо определиться, под какими лозунгами нужно решать текущие проблемы ядерной безопасности: предпринимать ли действия, исходя из того, что их конечной целью является полная ликвидация ядерного оружия, или действовать, руководствуясь убеждением, что без ядерного оружия мир станет опаснее?

Аргументы в пользу *ядерного ноля* были приведены в фильме и кратко перечислены выше, поэтому сейчас стоит сосредоточиться на аргументах в пользу второй теории, суть которой в том, что ядерное оружие нужно сохранить для поддержания стабильности системы международных отношений.

Предположение о том, что США выступают за *ядерный ноль*, поскольку после этого они станут самым мощным в военном плане государством, так как обладают превосходством в обычных вооружениях, представляется недостаточно убедительным. В современном мире военная мощь сама по себе дает не так много

дивидендов. Военные кампании в Ираке и Афганистане убедительно показали незначительный эффект подавляющего военного превосходства США, которое американцы так и не смогли конвертировать в политическое. Поэтому вряд ли в случае достижения *ядерного ноля* ситуация в мире всерьез дестабилизируется из-за отсутствия сдерживающего фактора ядерного оружия или из-за военного преимущества США. Локальные войны будут продолжаться, как и в современном ядерном мире, а войны между крупными игроками так же будут маловероятными.

Сейчас военному столкновению между ведущими мировыми державами мешает даже не страх перед ядерной войной, а экономическая составляющая. В глобализирующемся мире ведущие в экономическом плане государства крайне взаимосвязаны, и деловые круги в них не заинтересованы в большой войне, хотя еще не так давно ситуация была совсем другой. Не прошло еще и столетия с тех пор, как в Западной Европе прошли две крупнейшие войны, а сейчас интеграция сделала повторение таких событий невозможным даже в случае исчезновения ядерных государств. Таким же невероятным представляется и военное столкновение США и Китая в ситуации *ядерного ноля*. Экономики двух стран стали самыми взаимосвязанными в мире, что исключает для них возможность острой конфронтации. В мире без ядерного оружия ведущие государства будет удерживать от войны страх перед *экономическим взаимным гарантированным уничтожением*.

Началу крупной войны в безъядерном мире будут мешать также современные особенности ведения боевых действий. Если малоэффективными оказываются боевые действия против таких довольно слабых в военном отношении государств, как Ирак или Афганистан, то тем более малоэффективным будет ведение войны против крупного государства на его территории или в другом месте.

Таким образом, экономическая взаимозависимость и специфические особенности современного ведения войны и довольно долгий опыт мирного сосуществования между крупными государствами позволит им так же эффективно избегать крупных столкновений и поддерживать относительную стабильность после отказа от ядерного оружия, как это они делают сейчас.

Итак, аргументы в пользу сохранения ядерного оружия представляются не совсем убедительными. Однако есть один трудноразрешимый вопрос, который полностью меняет картину: *что делать, если в безъядерном мире какое-то государство начнет программу по производству ядерного оружия?* Можно уничтожить все запасы ядерного оружия и сырья для его производства, но благодаря ядерным технологиям, которые никуда не денутся, многие государства смогут начать военные ядерные программы почти с нуля, даже если у этих государств не будет полного топливного цикла. Пример современного Ирана доказывает, что, стремясь получить стратегическое преимущество, практически любое государство может преодолеть все трудности, связанные с созданием необходимой для производства ядерного оружия инфраструктуры. И при этом остановить такое государство практически невозможно.

Единственной возможностью для других государств обезопасить себя от ядерных угроз в такой ситуации станет производство собственного ядерного оружия. В таком случае гонка ядерных вооружений приобретет многосторонний и неконтролируемый характер. Ситуация в итоге окажется более нестабильной, чем сейчас.

Таким образом, идея *ядерного ноля* может оказаться эффективной только тогда, когда будет ясно, как не допустить в безъядерном мире продвижение государства к созданию ядерного оружия. Пока не будет дан четкий ответ на этот вопрос, о *ядерном ноле* говорить рано.

Если сама по себе предложенная в фильме идея *ядерного ноля* довольно спорна, то необходимость улучшения ядерной безопасности доказана убедительно.

Определенную настороженность вызывает предложение четверки полностью уничтожить нестратегическое ядерное оружие (НСЯО). Это предложение можно считать прямым выпадом против России, у которой намного больше НСЯО, чем у США.

Итак, в целом в фильме были приведены веские аргументы в пользу желательности и реальности достижения *ядерного ноля*. Однако фильм не дал ответа на вопрос: что делать, если в безъядерном мире какое-то государство вдруг возьмет курс на приобретение ядерного оружия? Как представляется, ядерное оружие нужно для того, чтобы, по крайней мере, сдержать новые ядерные государства. Приобретение ядерного оружия может быть обусловлено стремлением обезопаситься от обычных вооружений других государств или же стремлением повысить свою роль в международных отношениях. В ситуации *ядерного ноля* возможность повышения своего статуса за счет приобретения ядерного оружия станет особенно соблазнительной. Таким образом, риски распространения ЯО после достижения *ядерного ноля* не снизятся, а скорее повысятся.

Впрочем, четверка американцев не питает иллюзий, в частности, Генри Киссинджер не исключил того, что идею *ядерного ноля* так и не удастся реализовать. Тем не менее, он призвал осуществлять все усилия для достижения этой цели, считая, что сам процесс продвижения к *ядерному нолю* окажет позитивное влияние на международную безопасность.

Ядерное оружие нужно сохранить не для его применения, а для стабилизации международной обстановки. А о продвижении к *ядерному нолю*, скорее всего, пока рано говорить. Впрочем, нельзя исключать, что в случае доработки концепции *ядерного ноля* уже в ближайшем будущем эта идея действительно станет желательной и осуществимой.

Рецензия — Андрей Баклицкий

Ни один фильм, ставящий целью приблизить мир к *ядерному нолю*, не обходится без съемок Хиросимы и Нагасаки или отсылок к ним, не стал исключением и «Ядерное оружие: переломный момент». Разрушительная сила ядерного оружия, слепая и беспощадная, показана здесь настолько ярко, что зритель просто обязан прийти к выводу, что сам факт существования ядерного оружия и планов по его использованию граничит с безумием. Впрочем, если зрителю эти проблемы покажутся слишком абстрактными, создатели фильма готовы предложить несколько других, абсолютно реальных поводов для беспокойства.

В первую очередь это, конечно же, терроризм и пресловутая *Аль-Каида*, пытающаяся овладеть ядерным оружием. Действительно, нет сомнения, что окажись у террористической группировки атомная бомба, она бы не преминула ей воспользоваться. Во-вторых, это вооруженные ядерным оружием *страны-изгои* (стоящие в логическом ряду недалеко от террористов), которые могут применить этот новый *последний довод королей* в абсолютно непредсказуемый момент. Очень серьезную проблему представляет собой процесс распространения, в результате которого ядерное оружие может попасть в руки вышеуказанных диктаторских режимов или даже террористов. Наконец, ракеты пяти официальных ядерных государств, нацеленные друг на друга (в первую очередь ракеты США и России), оставляют опасность нанесения удара по ошибке.

Очевидным решением всех этих проблем (*вершиной горы*, *на которую нужно подняться*, по словам Генри Киссинджера), является сокращение ядерного оружия в мире до ноля. Казалось бы, ответ, адекватный вызовам.

Впрочем, учитывая, что ядерное оружие все еще существует, очевидно, что есть ряд причин, мешающих достижению *ядерного ноля*.

Фергуза Ёдгорова, студентка Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан): Ядерное оружие может утратить свою актуальность только в двух случаях: (1) социальная сущность человека начинает превалировать над его биологической сущностью; (2) взамен ядерному оружию приходит новое супероружие. Второй вариант, конечно, более реален. Получается, позиция некоторых государств, которые утверждают, что ядерное оружие является необходимым, законным и неограниченным по времени гарантом их собственной безопасности и безопасности их союзников, совершенно оправдана.

Обратится к рекомендациям четверки. По мнению создателей фильма, необходимо предпринять следующие шаги:

- обеспечить наивысший уровень защиты ядерного оружия и ядерных материалов;
- отказаться от повышенной боевой готовности в ядерных силах США и России с целью уменьшения опасности случайного или несанкционированного пуска;
- значительно сократить количество ядерного оружия у всех стран, которые им обладают;
- уничтожить тактическое ядерное оружие;
- остановить производство плутония и высокообогащенного урана для производства ядерного оружия в мировом масштабе;
- ввести в силу Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ);
- повысить качество инспекций ядерных объектов и усилить механизмы проведения решений;
- удвоить усилия по разрешению региональных конфликтов.

Некоторые из предложенных мер — весьма абстрактны, как, например, обеспечить наивысший уровень защиты, повысить качество инспекций или удвоить усилия по разрешению региональных конфликтов (последним и так занимаются все, кто только может, начиная с бывшего президента США Билла Клинтона и заканчивая строящим на этом свою внешнюю политику Катаром). Для некоторых мер абсолютно непонятны механизмы реализации (каким образом планируется значительно сократить количество ядерного оружия у всех стран, которые им обладают?).

Из всех заявленных угроз предложенные шаги реально могут решить только проблему доставшегося в наследство от холодной войны ядерного противостояния между США и Россией. Это, безусловно, благое начинание, и сотни направленных друг на друга ракет, готовых к старту, действительно не способствуют диалогу, но настолько ли реальна сейчас возможность обмена ядерными ударами между США и Россией, чтобы принятие этого решения что-то серьезно изменило в мире?

Еще во вступлении бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов Колин Пауэлл четко обозначил, что главная угроза применения ядерного оружия исходит не от государств, которых сдерживает опасение ответного удара, а от террористических групп, с которыми сдерживание не имеет смысла. То же другими словами неоднократно повторяют четверо рассказчиков. В пражской речи Барака Обамы, отрывки из которой приведены в фильме, ядерный терроризм назван самой страшной угрозой. Казалось бы, после этого основной упор фильма

Валерия Молчанкина, студентка Московского государственного университета управления Правительства Москвы (Москва, Россия): Разрушительные последствия ядерных ударов во много раз превосходят действие других видов оружия массового уничтожения — химического и биологического. ОМУ характеризуется большой территорией действия и огромной разрушительной способностью. Помимо поражающих факторов мгновенного действия — ударной волны, электромагнитного импульса, световой вспышки, искусственных цунами или землетрясения — такое оружие обладает также характерными долговременными поражающими факторами, как, например, химическое загрязнение, загрязнение местности продуктами ядерного взрыва или резкое повышение радиационного фона. Возникает закономерный вопрос: почему применение какого-то оружия, относящегося к категории оружия массового поражения, все еще легально, в то время как использование другого давно запрещено? Все дело — в стратегии сдерживания.

должен делаться именно на разработку концепции борьбы с ядерным терроризмом. Но этот важнейший вопрос остается без ответа. В дальнейшем, фактически, в расчет берутся только государства.

Кроме того, в глаза бросаются явные несоответствия между заявленными целями и реальными последствиями их достижения. Так, например, утверждение о том, что ликвидация ядерного оружия пятеркой официальных его обладателей приведет к тому, что так называемые *страны-изгои* прекратят разработку собственных военных ядерных программ, явно является ложной посылкой.

С одной стороны, *ядерное табу* настолько сильно в мире (и особенно в единственной стране, которая использовала атомную бомбу в военных целях), что ни один американский президент не отдаст приказ о ядерном ударе без более чем веской на то причины (ядерное нападение на территорию США или союзников, широкое применение бактериологического и другого оружия массового уничтожения). Все вышеперечисленное очень маловероятно. И как бы то ни было, лучшим средством обезопасить себя от ядерного удара является как раз отсутствие собственного оружия массового уничтожения.

С другой стороны, обычные вооружения Соединенных Штатов достаточны для проведения практически любых операций в странах третьего мира (а к ним относятся все *государства-изгои*), что было продемонстрировано в Афганистане, Ираке и Ливии. Специально разработанные управляемые авиабомбы (например, *GBU-28*) способны поражать цели, прикрытые 30 метрами земли или шестью метрами бетона[3], что сопоставимо по силе с ядерным оружием.

Таким образом, именно угроза использования обычного (неядерного) оружия для свержения правящих режимов *государств-изгоев* является основной причиной создания военных ядерных программ. Возможность нанесения неприемлемого ущерба союзникам США или высадившимся американским войскам является в данном случае классическим сдерживающим механизмом перед лицом военной мощи США и Запада. Другой, менее важной причиной может быть стремление к установлению лидерства в регионе (случай Ирана). Ни первая, ни вторая причины не устраняются отказом США от ядерного оружия.

Более того, отказ от ядерных сил в США неминуемо будет компенсирован усилением в области обычных вооружений. Чтобы провести подобное решение через Конгресс, нужно будет доказать конгрессменам (а в конечном счете и избира-

телям, включая консерваторов и алармистов), что обороноспособность страны не пострадала, и Соединенные Штаты сохраняют все возможности, которые давало ядерное оружие. Потребуются новые образцы сверхмощного и высокоточного оружия (те же межконтинентальные баллистические ракеты в неядерном оснащении). Это в свою очередь только увеличит опасения диктаторских режимов по всему миру, поскольку порог применения обычных вооружений в разы ниже, чем для ядерного оружия.

С другой стороны, престиж обладания ядерным оружием, после того как его больше не будет в США или странах Запада, вряд ли уменьшится. Ореол, окружающий сегодня ядерную бомбу как защитника исламской революции или идей Чучхе, никуда не исчезнет. Зато титул единственной в мире ядерной страны для ряда государств может показаться более чем заманчивым.

Могут ли не понимать этого люди, занимавшие высшие посты в американской военной и государственной иерархии? Ответ: однозначно нет. Ни Генри Киссинджер, ни Джордж Шульц никогда не отличались идеализмом во внешней политике. Так же сложно упрекнуть кого-либо из четверки в непрофессионализме. Так в чем же причина этой кажущейся нелогичности? Нелогичности, которую понимают сами рассказчики и вынуждены объяснять историями о том, что нужно сосредотачиваться не на том, что есть, а на том, что должно быть, и о том, что *вершина горы* не видна и не достижима в обозримом будущем.

В первую очередь нужно понимать, что ядерное оружие для современных Соединенных Штатов превратилось по большому счету в пережиток прошлого. Его военное применение настолько маловероятно, а положительный эффект от обладания им настолько невысок, что, откажись США от своего ядерного арсенала, их обороноспособность едва ли бы значительно пострадала. С другой стороны, подобный отказ, конечно, не решает ни проблему ядерного терроризма, ни распространения ядерного оружия, ни секретных ядерных программ в *странах-изгоях*. Зато он может решить другую (не самую насущную) проблему: ядерного противостояния между США, Россией и до определенной степени Китаем и другими ядерными государствами.

Нужно помнить, что молодость всех рассказчиков пришлась на время холодной войны и ядерного противостояния. Тогда же достигли пика карьеры Генри Киссинджера, Джорджа Шульца и Сэма Нанна, они и сами называют себя *бойцами холодной войны* (*cold warriors*). Для этих людей ядерная угроза было ежедневной реальностью, а обмен ядерными ударами с Советским Союзом — одним из возможных рабочих моментов. В стремлении этих четырех человек избавить мир от ядерного оружия видно очень много личного. Обходя одни моменты и подробно освещая другие, рассказчики стараются напугать зрителя и тут же предложить ему ряд спасительных шагов. И не важно, что по-настоящему реальными среди них будут те, что направлены на окончательное уничтожение системы взаимного ядерного сдерживания между США и Россией. Бывшие *бойцы холодной войны* несколько лукавят, но делают это с благородной целью. Они помнят страх жизни под прицелами ядерных ракет и хотят окончательно добиться невозможности его повторения.

Другой важный факт, который нужно иметь в виду, оценивая «Nuclear Tipping Point», заключается в том, что фильм предназначен в первую очередь для внутреннего потребления, он снят американцами и для американцев. И присутствие в кадре экс-президента СССР не должно вводить в заблуждение. Два бывших государственных секретаря, бывший министр обороны и бывший сенатор по очереди рассказывают захватывающую историю о всемирной борьбе с распространением и самим существованием ядерного оружия, но заканчивается фильм призывом обращаться к своим сенаторам и конгрессменам и действовать через них. Ведь именно Конгресс США тормозит ратификацию ДВЗЯИ, подписанного страной в 1996 г. Именно Конгресс (особенно представители республиканской партии) стоял на пути ратификации нового договора о Стратегических наступательных вооружениях между США и Россией, подписанного в апреле 2010 г. И фильм снят

Екатерина Сизикова, студентка Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия): До сих пор ни один проект не привел мир к ядерному разоружению, но я считаю, что добиться *ядерного ноля* возможно. Не нужно строить иллюзий — процесс не будет быстрым. Ни одна страна не должна играть роль лидера в решении данной проблемы — должны учитываться интересы всех государств, поэтому достижение прогресса возможно только через многосторонний диалог. Крайне важно в этой ситуации прислушиваться к мнению молодых разработчиков и ученых, так как их идеи зачастую являются инновационными и перспективными. К тому же не стоит забывать о том, что завтра нынешнее молодое поколение будет поддерживать режим ядерного нераспространения, на их плечи ляжет и борьба с террористами.

в первую очередь для оказания влияния на политический истеблишмент Соединенных Штатов либо напрямую, либо через избирателей.

Именно для этого Генри Киссинджер и Уильям Перри вводят апокалипсический сценарий с сотнями тысяч погибших после ядерного взрыва на Манхэттене (игнорируя тот факт, что предлагаемые ими шаги направлены в первую очередь не против терроризма). И именно для этого специально разъясняются последствия подобного взрыва для государственной власти США вне зависимости от ее партийной принадлежности, цитируя Киссинджера: «Люди скажут: если это не могло быть предотвращено, в чем польза от любого правительства?».

Создатели фильма неоднократно подчеркивают двухпартийную поддержку своей программы, из четырех рассказчиков двое демократов (Нанн и Перри) и двое республиканцев (Киссинджер и Шульц). В дальнейшем выступления демократа Обамы поддерживаются речами республиканцев: сенатора Джона Маккейна и губернатора Арнольда Шварценеггера. Складывается ощущение, что одной из целей фильма было поставить вопрос ядерного разоружения выше межпартийной борьбы, которая в поляризованном американском обществе зачастую не позволяет представителям одной партии голосовать за предложения другой.

Генералы всегда готовятся к прошлой войне. Не смотря на то, что железный занавес рухнул двадцать лет назад, Америка по-прежнему живет под прицелом российского ядерного оружия, а это означает, что персональная битва Генри Киссинджера, Джорджа Шульца, Сэма Нанна и Уильяма Перри еще не закончилась. Глядя на кадры архивных записей с выступлениями президентов Кеннеди и Рейгана, понимаешь, насколько верна эта фраза для четверых мужчин, объединившихся с целью попытаться закончить то, что они не могли сделать, находясь у власти. И даже если это не искоренит возможность ядерного терроризма и не решит проблему ядерного оружия *стран-изгоев*, их цель не становится от этого менее благородной и достойной уважения.

Примечания

[1] Благодарим фонд Nuclear Threat Initiative (NTI) за поддержку проведения данного конкурса.

[2] Джордж Шульц, Уильям Перри, Генри Киссинджер, Сэм Нанн. Мир без ядерного оружия. *The Wall Sreet Journal*. 2007, 7 января.

[3] Guided Bomb Unit-28 (GBU-28) BLU-113 Penetrator, http://www.fas.org/man/dod-101/sys/smart/gbu-28.htm (последнее посещение — 25 апреля 2012 г.).

Andrei Zagorski. Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control. Hamburg, Institut fur Friedensforschung und Sicherheitspolitik. 2011.

Успешное завершение российско-американских переговоров и ратификация нового СНВ вывели на первый план вопрос о том, что стоит следующим пунктом на разоруженческой повестке дня. Существует российско-китайская инициатива по невыведению в космос оружия, есть предложение об универсализации договора РСМД. Также к процессу ядерного разоружения необходимо привлекать и *отстающих* — оставшиеся три официальные ядерные державы плюс Индия, Пакистан, Израиль и КНДР. Данные вопросы потенциально могут (и должны) быть на повестке дня будущих международных переговоров по ядерному разоружению. Однако существуют и крайне болезненные темы, которые сегодня стороны обсуждают с определенной осторожностью. Одной из таких тем является тактическое ядерное оружие (ТЯО). На сегодняшний день ТЯО не охватывается ни одним из действующих соглашений, а также является единственным типом ядерных вооружений, по которому Россия количественно превосходит США. Кроме того, не существует общепринятого определения того, что считается ТЯО.

В феврале 2011 г. Институт по исследованию проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете опубликовал работу члена Совета ПИР-Центра, профессора Андрея Загорского *Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control*. Работа состоит из четырех частей, в которых прослеживается эволюция взглядов официальной Москвы на роль ТЯО в обеспечении национальной безопасности, изменения ядерных доктрин России, анализируются условия, при которых Россия готова на начало переговоров по ТЯО. Автор отдельно оговаривает, что под ТЯО он понимает все типы ядерного оружия, не подпадающие под действие договоров СНВ и РСМД.

Первая часть работы А.В. Загорского посвящена инвентаризации российского ТЯО. При этом автор отмечает, что использует материалы открытых источников, сравнивая данные СИПРИ, Центра исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Шведского агентства оборонных исследований и др. Автор приводит количественные показатели по типам ТЯО и их предполагаемым местам хранения на территории России.

Москва никогда не выступала против идеи о сокращении ТЯО, однако со временем потенциальное начало переговоров обросло рядом условий. Автор подчеркивает, что первоначально именно Москва настаивала на включении ТЯО в переговоры о сокращении вооружений, поднимая этот вопрос с начала 1970-х гг. В дальнейшем Россия и США поменялись ролями.

Российская официальная позиция заключается в том, что любые переговоры по ТЯО должны быть частью более широкого и комплексного переговорного процесса по разоружению. Пока Сенат вынуждает американского президента принять соглашение по ТЯО, которое бы ликвидировало российское преимущество, российская Дума призывает США вернуть все ТЯО на национальную территорию, а также ликвидировать созданную для его развертывания инфраструктуру в Европе. По мнению автора, с которым сегодня нельзя не согласиться, Россия пойдет на переговоры по ТЯО только после того, как США выведут свое ТЯО с территории Европы.

Автор анализирует новую роль, которую ТЯО играет в современном мире для России. По мнению г-на Загорского, для России ядерное оружие сегодня — это не только превентивная мера по отношению к возможной атаке на страну с помощью ядерного удара, но и мера против преимущества Запада по конвенциональным вооружениям. Снижение роли ядерного оружия для России возможно только после того, как российская армия получит новое вооружение и новые технологии, исправив диспаритет по обычным вооружениям с вооруженными силами стран НАТО.

А.В. Загорский указывает на то, что среди стран НАТО нет консенсуса по вопросу будущего ТЯО. Одним из ключевых выводов автора является мысль о том, что США и Россия должны начать переговоры по ТЯО на двусторонней основе, без привлечения третьих стран (по крайней мере, на начальном этапе).

Автор не идеализирует сложившуюся ситуацию — несмотря на ратификацию нового СНВ, нет никаких гарантий, что следующий раунд российско-американских переговоров по ядерному разоружению начнется в ближайшем будущем. Данная работа ориентирована на западного читателя, преимущественно европейского, и ставит своей целью разъяснение позиции России по различным вопросам, связанным с ТЯО.

Иван Трушкин

Ядерное нераспространение: Учебное пособие. Под ред. Л.В. Дериглазовой. Томск, Иван Федоров, 2010.

Новое учебное пособие по нераспространению ядерного оружия (де-факто вышедшее в свет летом 2011 г.), подготовленное совместными усилиями специалистов из Томска, Новосибирска, Тюмени и Екатеринбурга, объединенных под эгидой Сибирского межуниверситетского центра изучения проблем безопасности и ядерного нераспространения, конечно же не могло не вызвать сравнений с учебником, изданным ПИР-Центром 10 лет назад[1].

За наполнение нового пособия взялись молодые ученые университетов Урала и Сибири.

Условием *sine qua non* для томского пособия было обновление фактической стороны развития режима нераспространения. С 2002 г., когда вышло

последнее на момент написания рецензии издание пособия ПИР-Центра, мир стал свидетелем северокорейских ядерных испытаний 2006 и 2009 гг., признания наличия ядерной программы Ливией, двух очередных обзорных конференций по рассмотрению действия ДНЯО, подписания и ратификации нового договора СНВ. И вот уже достаточно материала на несколько монографий по ядерному нераспространению. Все эти события были скрупулезно проанализированы в главах 9 «Взаимодействие США и России по вопросам ядерного нераспространения и разоружения» (Нина Рожановская) и 10 «Режим ядерного нераспространения на современном этапе» (Татьяна Никонова). Остальные восемь глав охватывают уже привычный набор тем: история создания ядерного оружия, режим ядерного нераспространения, ядерные технологии, международный контроль и гарантии, атомная энергетика, ядерные испытания, безъядерные зоны и экспортный контроль. Ввиду ограниченного объема пособия, ряд аспектов был объединен в рамках одной главы (например, экспортный контроль оказался в одном разделе с ядерным терроризмом).

Томское пособие максимально приближено к настольной книге преподавателя: после каждой главы предусмотрены вопросы для обсуждения на семинарах и примерные темы рефератов и курсовых работ. Кроме традиционного списка литературы, главы снабжены списком рекомендуемых сайтов и весьма полезным для студентов списком источников и литературы для написания научных работ по теме. Для большей наглядности в тексте широко используются рисунки и схемы.

Таким образом, пособие, подготовленное силами урало-сибирских исследователей, уверенно заняло свою нишу в преподавании ядерного нераспространения в высших учебных заведениях, достойно продолжив линию, начатую в России в 2000 г. ПИР-Центром. Продолжать сравнение двух учебников можно долго, анализируя смещение акцентов, изменение оценки угроз и эволюцию взглядов, но очевидно, что к этой теме придется вернуться довольно скоро.

В настоящее время ПИР-Центр готовит к выходу новый учебник по ядерному нераспространению, так что выход новой рецензии не за горами.

Андрей Баклицкий

Синовец П.А. Новая архитектура Европейской системы ПРО в планах Соединенных Штатов Америки: глобальные стратегические последствия и значение для Украины. Одесса, 2011.

Аналитическая записка П.А. Синовец для Национального института стратегических исследований Украины представляет практическую ценность не только для экспертов, узко специализирующихся в области контроля над вооружениями. Этот научный труд может быть полезен и для более широкого круга международников, изучающих проблемы российско-американских отношений, внешней политики Украины и России, а также региональной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе. В работе можно найти ясное объяснение, понятное даже неспециалистам в области ПРО, причин сохранения напряженности в российско-американских отношениях в вопросах развития оборонных противоракетных систем. В работе также даются конкретные рекомендации для преодоления существующих проблем.

Автор является одним из ведущих украинских экспертов в области проблем ядерного распространения и разоружения (и, кстати, выпускником Образовательной программы ПИР-Центра). Тот факт, что исследование написано украинским автором и предназначено в первую очередь для правительства Украины, придает ему дополнительную ценность, так как позволяет оценить, как рассматриваются некоторые проблемы российско-американских отношений в третьей стране и какие последствия для этой страны могут иметь дальнейшие сценарии развития ситуации вокруг ПРО. Позиция Украины по этому вопросу представляет особый интерес, поскольку от этой позиции может зависеть характер развития российско-украинских отношений, которые были и остаются одним из приоритетов внешней политики обеих стран.

Структура работы отражает основные аспекты проблемы ПРО в российско-американских отношениях, а также ее влияние на Украину. В девяти разделах отражены исторический аспект проблемы, ее современное состояние, возможные варианты решения проблемы и развития ситуации вокруг ПРО в будущем. Научно обоснованный прогноз, который представлен в виде анализа нескольких вероятных сценариев развития событий, является одной из сильных сторон работы. Также рассматриваются позиция Украины по ситуации вокруг ПРО и возможные последствия для этого государства, к которым может привести каждый из рассмотренных сценариев развития событий.

В работе П. А. Синовец сделан интересный вывод: разрабатываемая администрацией Обамы новая конфигурация ПРО в Европе в своем финальном виде может по некоторым характеристикам даже превзойти систему ПРО, которую планировала создать предыдущая администрация Дж. Буша. На поздних этапах развертывания системы ПРО в Европе к активному участию, кроме Румынии, могут быть привлечены Польша, Чехия и Словакия, а в дополнение к нестратегическим элементам ПРО к 2020 г. в европейских странах планируется разместить также противоракеты *SM-3IIB*, способные поражать российские МБР.

В работе представлен прогноз развития ситуации вокруг ПРО, которая, по мнению П. Синовец, может развиваться по одному с трех сценариев: конфронтационный, кооперационный или сценарий ограниченного диалога. Для того чтобы события развивались по наиболее благоприятному кооперационному сценарию или хотя бы сценарию ограниченного диалога, П. Синовец предлагает осуществить следующие шаги: *Во-первых*, создание Совместных центров обмена информацией в Москве и Брюсселе. *Во-вторых*, согласование российско-натовских протоколов, регламентирующих каждый конкретный случай, в котором принимается решение на использование перехватчиков Россией или НАТО (в случае создания секторальной ПРО). *В-третьих*, на случай, если России и НАТО не удастся создать совместную ПРО с российским и натовским секторами ответственности за применение противоракет, П. Синовец предлагает ограничить скорость перехватчиков будущей системы ПРО на уровне 3,5 км/с (как уже предлагала Москва), что не позволит использовать их против российских стратегических ракет.

Как отмечает автор, возрастание напряженности ситуации вокруг ПРО вредит национальным интересам Украины. В то же время Украина может извлечь выгоду из этой ситуации в случае умелого балансирования между Россией и НАТО. Например, для сдерживания территориальных претензий Румынии Киев может аргументом о возможности размещения российских тактических ракет на территории Украины вдоль границ НАТО. Такой вариант в случае согласия украинской стороны вполне возможен, поскольку Россия уже выразила намерение разместить вблизи НАТО свои ракеты *Искандер*. Поэтому

члены блока, в том числе Румыния, вынуждены будут проводить осторожную и взвешенную политику по отношению к Украине, чтобы не спровоцировать ее на согласие разместить российские ракеты на своей территории.

В работе, однако, не рассмотрен сценарий, при котором развитие напряженности вокруг ПРО может подтолкнуть Украину к сближению с НАТО. Этот недостаток обусловлен тем, что автор исходит из внутриполитического курса Украины, который явно не предусматривает вступления государства в Североатлантический альянс. Однако в то же время необходимо учитывать динамичный характер развития ситуации в стране в последние годы, вследствие чего нельзя исключать резкую перемену внешнеполитического курса Киева. Поэтому целесообразно было бы рассмотреть сценарий украинско-натовского сближения в случае обострения ситуации вокруг ПРО и возможных последствий такого сближения для России.

В целом работа П. Синовец способствует лучшему осознанию проблемных аспектов ПРО, и в этом контексте особенно ценно то, что автору удалось избежать эмоциональных оценок или национальной предвзятости и построить свое исследование на объективном анализе.

Александр Чебан

Дьяченко А.А. Опаленные в борьбе при создании ядерного щита Родины. М., Ветеран-принт, 2009.

Монография охватывает ту часть советской истории, которая долгое время хранилась в архивах под грифом *секретно*. В ней приведены очерки и воспоминания ветеранов советской атомной отрасли, разведки и подразделений особого риска. Сквозь призму воспоминаний участников создания ядерного щита СССР автор конкретизирует и анализирует наиболее важные и опасные эпизоды деятельности специалистов в трудных условиях создания ядерного оружия.

Слова *зарождение* и *начало*, пожалуй, наилучшим образом отражают суть содержания книги: зарождение атомной отрасли, начало ядерных испытаний, первая ядерная бомба. Автор уделяет внимание тем фактам и событиям советской истории, которые лежат в основе ядерного щита нашей страны. В шести главах, на которые структурно разделена монография, читатель проникает в тайны создания первой атомной бомбы, становления ядерной отрасли на примере комбината *Маяк*. Книга включает воспоминания и очерки о ядерных испытаниях, имевших место на Семипалатинском полигоне и Новой Земле, позволяя взглянуть на ядерный взрыв глазами участников тех событий. Например, своими воспоминаниями делится доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Ю. П. Дорофеев. Он в мельчайших деталях рассказывает о процессе подготовки ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, описывает ядерный взрыв и события, имевшие место сразу после него. Отдельная глава посвящена становлению атомного подводного флота. Здесь автор знакомит нас с трудностями эксплуатации атомных кораблей и приводит примеры ликвидации катастроф на атомных подводных лодках. Особенно ярким моментом здесь является история о капитане первого атомного подводного ракетоносца *К-19* Н. В. Затееве, история, потрясшая даже высшее американское военное руководство. Шестая глава посвящена общественным организациям, отстаивающим интересы ветеранов атомной

отрасли подразделений особого риска, привлекает внимание к их нуждам и проблемам.

Данная монография интересна прежде всего тем, что демонстрирует нам процесс создания и развития ядерной отрасли Советского Союза глазами участников этого процесса. Описываются не только этапы разработки и создания ядерного щита, но и чувства, мысли и судьбы людей, их поступки и подвиги, ошибки и неудачи. Данный ход направлен на то, чтобы читатель имел более четкое представление о том, через что пришлось пройти людям, участвовавшим в процессе создания атомной отрасли Советского Союза, сыгравшей ключевую роль в истории страны во второй половине XX в. Монография рекомендуется к прочтению не только специалистам и научным сотрудникам, но и широкому кругу читателей. Она поможет читателю понять, насколько сложен и огромен механизм атомной отрасли, насколько он был и остается важным для России.

Александр Колодько

Д.В. Тренин. Post-imperium: евразийская история. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012, 326 ср.

Украинскому политику Александру Морозу принадлежит замечательное высказывание: «Тот, кто не жалеет о бывшем [Советском] Союзе, не имеет сердца; тот, кто считает, что его можно восстановить, не имеет головы». Несколько перефразированная В.В. Путиным, эта фраза стала позднее популярным афоризмом. Так или иначе, ностальгия по советскому прошлому до сих пор присуща значительной части российского общества, а его властные элиты с плохо скрываемой тоской вспоминают о былых влиянии и авторитете, которыми обладала Москва в бытность центром мощного имперского образования под названием СССР. Однако, как считает известный российский исследователь, директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, развал последнего во многом был предопределен тем, что Россия попросту устала от своего имперского статуса, утратила *имперский импульс* и впервые за 450 лет своей имперской истории захотела попробовать быть *просто Россией*. В недавно вышедшей монографии «Post-imperium: евразийская история» Тренин фактически пытается ответить на вопрос: так что же это такое — Россия за вычетом империи?

Исследованию этого вопроса подчинены множественные ветви повествования, которые проводят читателя по витиеватым ландшафтам постсоветской внешней политики России в различных ее измерениях и ипостасях. Причем этим книга не ограничивается: по сути она выходит за рамки анализа внешней политики и претендует на более целостный охват — в поле зрения автора попадают социальные, экономические, демографические, культурные, религиозные, идеологические факторы и тренды, что в совокупности позволяет воссоздать цельный образ постсоветского (а по автору, *постимперского*) бытия страны.

Постимперское состояние, или *post-imperium,* как Тренин называет особое, переходное и неопределенное состояние современного российского общества и государства, — являет собой ни много ни мало «трансформацию исторического масштаба, требующую куда больше времени, чем переход (несколько поколений, а не несколько десятилетий), и не имеющую четко определенного конечного пункта». Тренин признает, что многие черты импер-

ского периода развития России присущи стране по сей день: она объявила зоной своих *привилегированных интересов* бывшие советские республики и по сути до сих пор не относится к ним как к равным партнерам; чрезвычайно озабочена своей ролью на международной арене и стремится оставаться великой державой (но уже не гегемоном и покровителем), а во внутренней политике фактически установила *неоцарский* режим.

По мнению Тренина, однако, все это — не более чем *фантомные боли*. Главный постулат книги, который ощущается чуть ли не на каждой ее странице, — глубокая убежденность автора в том, что имперский период развития пройден Россией раз и навсегда: «возврата к империи нет и не будет». Множественные проявления этой для автора непререкаемой истины обнаруживают себя в самых разных сферах, но главным является, пожалуй, то, что в любой из них, идет ли речь о внутреннем развитии страны или ее внешней политике, отныне главенствует *обостренный прагматизм*. Весьма идеологизированное имперское мышление сменилось прагматичным великодержавным менталитетом: Москва более не стремится обременять себя излишними обязательствами на международной арене, но и старается не попасть под влияние других, более сильных игроков, сосредоточившись исключительно на себе и своих интересах (в меткой формулировке Тренина: «Советский Союз на международной арене транжирил деньги. Российская Федерация постоянно ищет возможности их сделать»). Точно так же и внутри страны властные элиты постимперской России, продвигая свои клановые интересы (маскируемые под национальные) с тупым прагматизмом ищут как можно менее затратные и более выгодные пути их реализации. Богатая ресурсами страна такие пути предоставляет.

В книге сформулирован целый ряд проблемных вопросов, которые стоят на повестке дня современной России (в формулировке автора, ее «постимперские дилеммы»). Сможет ли наша страна превратиться в национальное (полиэтническое) государство; стать подлинной федерацией; построить равноправные отношения со своими бывшими владениями — ныне независимыми государствами? Как ей построить успешный диалог с Западом (Европой, США, а также НАТО) и азиатскими соседями (прежде всего, Китаем)? Сумеет ли Россия решить свои демографические проблемы и осуществить остро необходимую социальную, экономическую и технологическую модернизацию страны? Автор не предлагает готовых ответов, но обрисовывает общую программу действий, которая, по его мнению, решению этих задач способствовала бы.

Тренин критикует избранную нынешним российским руководством стратегию, которую он характеризует как «рост без развития, капитализм без демократии, великодержавная политика без высокой репутации на международной арене». По его мнению, понимать модернизацию необходимо не технократически, а начинать ее с преодоления изъянов институтов страны и прежде всего коррупции, бюрократического и правового произвола. При этом во внешней политике для России, отмечает эксперт, особенно важно научиться использовать *мягкое влияние*, отказавшись от стратегии *мягкой гегемонии* в соседних странах и бескомпромиссно-жестких требований иллюзорного равенства с Западом.

Тренин призывает смотреть на ситуацию объективно: доля России в общемировом ВВП составляет около 2% (как и доля в населении планеты) и страна уже не может быть, как прежде, «последней в Европе и первой в Азии», рискуя оказаться на мировой периферии взамен желаемого почетного места в президиуме многополярного миропорядка. Что же остается России в этих условиях? *Во-первых*, наладить тесное сотрудничество с Западом, без чего

успешная модернизация маловероятна. А *во-вторых* — почему бы пристальнее не устремить свой взгляд на новые горизонты, как некогда сделал великий Петр, только на этот раз не в сторону Балтики, а, скажем, на Дальний Восток? Автор намекает читателю: ведь Россия — страна не столько евразийская, сколько евро-тихоокеанская! — и замечает: сочетать эти две ипостаси — европейскую и тихоокеанскую — ей будет непросто, но необходимо. Особенно важно для России найти правильный формат сотрудничества с сильным, динамичным и напористым соседом на суше — Китаем. Но надо задуматься и о решении более широкой задачи двойной интеграции: во-первых, Тихоокеанской России в состав Российской Федерации и, во-вторых, всей страны с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Это лишь ряд ключевых выкладок Тренина — более комплексную картину, безусловно, может дать только монография целиком, тем более что чтение этой книги, написанной ярким и неравнодушным языком, — чистое удовольствие. На наш взгляд, в ней немало изречений, достойных стать крылатыми. Взять хотя бы вот это: «Кремлевские лидеры хотят быть похожими на Петра, но боятся кончить, как Горбачев. В результате пока они действуют, как Брежнев». Вот она — самая суть противоречивости эпохи *post-imperium*.

Юлия Фетисова

Примечание

[1] Ядерное нераспространение. В 2 тт. Под общ. ред. В. А. Орлова. М., ПИР-Центр политических исследований, 2002.

SUMMARY

FROM THE EDITOR

7 **Oriental Express Goes Reverse** — *Irina Mironova*

Motivations of the East Asian countries for entering any integration project — the TPP or the trilateral free trade zone — are essentially the same: their internal economic systems will have to be modernized. By some it is viewed as a positive development, by others as an additional obstacle. In any case, relations between the East Asian three will remain at the center and determine the future of the economic integration mechanisms in Asia Pacific region.

Key words: *Trans-Pacific Partnership, East Asia, economic integration, Asia Pacific region.*

INTERVIEW

11 **BRICS Economies Complement Each Other and Provide a Good Basis for the Development of Multilateral Economic Cooperation** — *Vadim Lukov*

In dealing with the consequences of the 2008–2009 international economic crisis, both traditional and new formats that allow for co-ordination of economic policies and joint development approaches of reforming the international system are becoming increasingly important. We talked with Vadim Lukov, the Deputy Representative of the President of Russia in the *Group of Eight,* and the special coordinator at Russia's Ministry of Foreign Affairs for the *Group of Twenty* and BRICS Group.

Key words: *G8, G20, BRICS, reform of global financial and economic system, economic cooperation.*

17 **CTBT: Not Yet In Effect but Already Changing the World** — *Tibor Tóth*

The Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty was opened for signature on September 24, 1996. Since then it has been signed and ratified by 157 states, and an international monitoring system was set up. What are the prospects of the Treaty entering into force? What has been achieved in ensuring nuclear security? The Executive Secretary of the Preparatory Commission for the CTBTO shares his views about the present and the future of the Treaty.

Key words: *CTBT, international monitoring system, nuclear testing, nuclear security*.

23 **Responsibility for Conducting the Conference on Creating a WMD Free Zone in the Middle East Lies on the States of the Region** — *Mikhail Ulyanov*

Will there be a 2012 conference on a WMD Free Zone in the Middle East? What is the rationale behind the Russian proposal of establishing a *group of friends* of the

special coordinator? What further steps is Russia ready to take up, if a unilateral missile defense system will not be stopped? What are the results of the first session of the Preparatory Committee for the NPT Review Conference in 2015? Director of the Department of Security and Disarmament of the Russian Ministry of Foreign Affairs responded to the questions of our correspondent.

Key words: *NPT Review Conference, missile defense in Europe, WMD Free Zone in the Middle East*.

A N A L Y S I S

27 **Nuclear Energy in the Arab Gulf States: The Rationale?** — *Giacomo Luciani*

In the past five years the member states of the Gulf Cooperation Council have shown growing interest in acquiring a nuclear component to add to their power generation fleet. Scientific Director of the Master in International Energy at the Paris School of International Affairs, Sciences-Po, argues that the desire of these countries to develop nuclear power can be explained by perfectly valid economic reasons.

Key words*: nuclear power, Middle East, Persian Gulf, energy security.*

37 **China and Nuclear Disarmament: Is the Reduction of China's Strategic Nuclear Forces Possible?** — *Alexander Kolbin*

Having achieved considerable success in all spheres of society, China has given many researchers an opportunity to speak of it as the only state capable to challenge the United States in the next decade. But it is obvious that this impressive growth poses a lot of challenges to China itself. PIR Center researcher writes about the problems that Beijing's nuclear strategy will face during the period between 2012 and 2020, and answers the question whether there will be any preconditions for the reduction of China's strategic nuclear forces during this period.

Key words*: China's defense policy, China's nuclear policy, concept of no first use of nuclear weapons, strategy of nuclear deterrence.*

53 **Three East Asian States in APEC: Perspectives for Vladivostok–2012** — *Julia Kryachkina*

Russia's actions through the APEC summit are part of an overall strategy aiming at becoming a more active participant of political and economic processes in the Asia Pacific region. To what extent are the approaches of Russia in APEC related to the interests and strategies of the nearest neighbors in the region — China, Japan and the Republic of Korea? Which topics are central to APEC, and what problems can be solved through the participation of Russia in this forum? Junior researcher at the Russian Institute for Strategic Studieselaborates on the prospects of Vladivostok–2012.

Key words*: APEC, China, Japan, South Korea, Russian policy in Asia Pacific region.*

63 **East Asia and the U.S. *Nuclear Umbrella*** — *Tatiana Anichkina*

The U.S. extended nuclear deterrence, or *nuclear umbrella*, guarantees its allies and partners in Europe and Asia protection with U.S. national means of nuclear deterrence from an attack using nuclear or conventional weapons. Junior researcher of the Institute for the U.S. and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN) analyzes the features of the U.S. nuclear umbrella in East Asia.

Key words*: extended nuclear deterrence, East Asia.*

73 **Prospects for Russian-Ukrainian Nuclear Cooperation** — *Margarita Klochkova*

Nuclear energy cooperation between Russia and Ukraine is undoubtedly based on the two countries' pursuit of their best interests. The areas where those interests coincide include uranium exploration and mining, spent nuclear fuel management,

and nuclear manufacturing. The two countries can also profit from joint nuclear fuel fabrication and uranium enrichment projects. Are Russia and Ukraine making the full use of the potential for nuclear cooperation, and what are the prospects for such cooperation? — asks the consultant of *Booz Allen Hamilton Russia*.

***Key words**: Russia–Ukraine, Nuclear Fuel Cycle, energy balance, nuclear fuel fabrication.*

C O M M E N T A R Y

91 **From Fukushima and Parchin — to Helsinki and Missile Defense** — *Vladimir Orlov*

In his speech a few minutes before the end of the Vienna NPT PrepCom, the head of the Russian delegation in fact questioned the possibility of the implementation of Article VI of the NPT in the form that has been predetermined, since the United States and NATO have committed to torpedoing the relationship between offensive and defensive weapons through the formation of global missile defense system. I do not know how many people heard the signal in the hall. But at least one delegation not just heard the signal, but made a statement which also severely criticized the U.S. plans for missile defense, developing the idea of Russian colleagues. It was the Chinese delegation.

***Key words**: NPT Article VI, PrepCom 2012, nuclear renaissance, Iranian nuclear program, WMD Free Zone in Middle East.*

R O U N D T A B L E

95 **Confrontation of the United States and China in Asia: Implications for Russia**

There is intertwining of interdependence and of rivalry in US-China relations in Asia. Is this process a long term trend? Can the rivalry between the two powers provoke dangerous polarization of forces in the region? What is the reaction of regional players on the various nuances of the relations between the U.S. and China? What should Russia's strategy look like in this situation? The participants of the extended meeting of the PIR Center Advisory Board which was organized together with ASEAN Center at MGIMO have discussed these issues in detail.

***Key words**: United States, China, Russia, ASEAN, Asia-Pacific Region, South China Sea.*

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

118 ***iSi* Index in February-May 2012: Stable instability** — *Galiya Ibragimova, Irma Arguello, Evgeny Buzhinsky, Diane Jayatilleka, Sergio Duarte, Pal Dunay, Halil Karaveli, Andrei Kortunov, Sehlare Makgetlaneng, Abdulaziz Sager, Mehdi Sanai, Evgeny Satanovsky, Farhad Tolipov, Nandan Unnikrishnan, Konstantin von Eggert*

Volatility of the *iSi* index in February-May 2012 is associated with the ongoing tensions in countries of the Middle East and Africa, policy uncertainty in North Korea, an increased terrorist threat throughout the world, and the continuing economic crisis in the euro zone.

***Key words**: Africa, Middle East, Afghanistan, North Korea, strategic stability, nuclear security.*

125 **A View by a Russian Liberal: Old Stereotypes and New Trends in World Politics** — *Yury Fedorov*

It is believed that in the foreseeable future China will become on par with the U.S. in terms of economic and military power. However, the diagnosis is quite clear: China has encountered the problems typical of countries that are trapped in the

middle income level. The factors contributing to rapid economic development of the country have either been exhausted or close to it.

***Key words**: China, Middle East, Russia, world's energy, recourse wars, unconventional sources of oil and gas.*

142 **A View by a Russian Conservative: Seedlings of Democracy** — *Dmitry Evstafyev*

Over the past 10 years, Turkey has achieved an overall increase of GDP of more than 50%, evolved from a *textile-leather heaven* to a very decent engineering *assembly plant*, and also created a financial sector which is competitive at a European level and significantly more stable in terms of the global financial crisis. Turkey has created and maintained effective armed forces. This huge potential for development got stuck in the bottleneck called the *entry into the European Union*…

***Key words**: EU–Russia, Russia–US, missile defense, Arab Spring, Turkey.*

L I B R A R Y

159 **Letters From a Dead End** — *Vadim Kozyulin*

«The ongoing structural reform of the Russian defense sector looks very successful on paper; mergers and acquisitions are forming a new shape for the entire industry. The government is planning a massive increase in defense procurement spending in order to rearm the Russian armed forces. Upon closer scrutiny that real state of affairs turns out to be far more complex — and on the whole, rather pessimistic. If it had to be described in one word, that word would be *decline*», writes the Director of PIR Center's Conventional Arms Program in his review of: *Russian Military and Technical Cooperation with Foreign Countries: Basics, Problems and Prospects. Edited by N.I. Kalinina. Moscow, IMEMO RAN, 2010.*

***Key words**: conventional weapons, arms trade, defense industry reform.*

167 **Nuclear Tipping Point?!** — *Aleksanrd Cheban, Andrey Baklitsky*

PIR Center has organized a "Nuclear Tipping Point" film review contest. Students and young specialists have referred tpo the idea of nuclear-free world and have shared their image of the future world without nuclear weapons. We are glad to present the works by the winners of the contest.

***Key words**: nuclear weapons, nuclear nonproliferation, nuclear zero.*

N E W B O O K S

175 *Andrey Baklitsky, Aleksandr Cheban, Julia Fetisova, Aleksandr Kolodko, Ivan Trushkin* — PIR Center staff and interns review new additions to PIR Center library.

183 S U M M A R Y

187 A B O U T T H E A U T H O R S

191 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

195 S U S T A I N A B L E P A R T N E R S H I P W I T H R U S S I A G R O U P

196 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

Cov.III **On music**

ОБ АВТОРАХ

Аничкина Татьяна Борисовна — младший научный сотрудник Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН, научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат политических наук. Окончила Государственный университет гуманитарных наук в 2008 г. В 2009–2010 гг. обучалась в магистратуре Женевского университета (Женева, Швейцария). В 2008–2011 гг. проходила обучение в аспирантуре Института США и Канады РАН. Адрес электронной почты: *anichkinat@gmail.com*

Баклицкий Андрей Александрович — руководитель интернет-проекта, научный сотрудник ПИР-Центра. Аспирант Института востоковедения РАН. Выпускник факультета международных отношений Уральского федерального университета. Переводчик-синхронист. В 2008–2009 гг. проходил обучение в Университете Севильи (Испания). Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Стажер ПИР-Центра с мая по июль 2011 г. Участник XIII (2008) и XV (2010) Летних школ Центра международной и региональной политики (CIRP) и V Летней школы по проблемам нераспространения ядерного оружия (2010), проводимой Томским государственным университетом и Шведским управлением по радиационной безопасности. Участник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). Адрес электронной почты: *baklitsky@pircenter.org*.

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал сначала младшим научным сотрудником, а затем научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей* (КРОС), а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*.

Клочкова Маргарита Сергеевна — консультант компании *Booz Allen Hamilton.* Выпускница физико-технического факультета Томского политехнического университета по направлению «Безопасность и нераспространение ядерных мате-

риалов» (2009), выпускница магистратуры факультета политологии Центрально-Европейского университета (2010, Будапешт, Венгрия). Участница международных научных конференций и Летних школ, посвященных проблемам ядерного нераспространения и будущего атомной энергетики. Выпускница Международной Летней Школы по проблемам глобальной безопасности (2007). В 2008 г. прошла обучение на курсах по ядерному нераспространению и гарантиям Европейской ассоциации исследований и развития гарантий (Испра, Италия) и стажировку в Центре исследований проблем ядерного нераспространения при Монтерейском институте международных исследований (Монтерей, США). В 2009 г. была в составе оргкомитета Томской летней школы по ядерному нераспространению. Адрес электронной почты: *margarita.klochkova@gmail.com*

Козюлин Вадим Борисович — старший научный сотрудник ПИР-Центра, кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП *Казспецэкспорт* в России. В 2000–2002 гг. обучался во Всероссийской академии внешней торговли по программе «Менеджмент в сфере военно-технического сотрудничества». Тесно сотрудничает с компаниями — спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Защитил диссертацию по теме «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центрально-Азиатском регионе». Адрес электронной почты: *kozyulin@pircenter.org*

Колбин Александр Сергеевич — исполнительный помощник президента ПИР-Центра. В 2011 г. окончил исторический факультет кафедры новой и новейшей истории Томского государственного университета. Участник всероссийских и международных конференций по вопросам ядерного нераспространения. В 2008–2010 гг. — участник Международных летних школ по нераспространению Томского государственного университета, Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2010). Адрес электронной почты: *kolbin@pircenter.org*

Крячкина Юлия Александровна — младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований. Выпускница магистратуры факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (программа «Исследования Тихоокеанского региона»). В 2011 г. проходила стажировку в ПИР-Центре. В августе 2008 г. проходила практику в отделе политических вопросов с Японией Департамента стран Азиатско-Тихоокеанского региона МИД России. Слушатель курса лекций по противодействию ядерному терроризму (совместный проект ФМО СПбГУ с Белферским центром Гарвардского университета, 2010 г.). Участница Санкт-Петербургской конференции молодых японоведов в ноябре 2010 г.

Луков Вадим Борисович — посол по особым поручениям МИД РФ, заместитель представителя президента РФ в *Группе восьми*, координатор в МИД России по работе *Группы двадцати* и группы БРИКС, доктор исторических наук. В 1975 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1979 г. на дипломатической службе. В 1995–1997 гг. — директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России. С 1997 г. по 2000 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Южно-Африканской Республике и по совместительству в Королевстве Лесото. В 2001–2004 гг. — посол по особым поручениям МИД России. В 2004–2009 гг. — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Королевстве Бельгия.

Лучиани Джакомо — научный руководитель магистерской программы «Международная энергетика» Парижской школы международных отношений, Сьянс-По (Париж, Франция); научный сотрудник Принстонского университета (США); при-

глашенный профессор Института проблем развития и международных исследований (Женева, Швейцария). Старший советник Исследовательского центра Залива, участник Европейского проекта по природным ресурсам *Polinares*. В 2007–2010 гг. был директором Фонда исследовательского центра Залива в Женеве (Швейцария). В 1997–2010 гг. — профессор международных отношений в Болонском центре университета Джона Хопкинса. Адрес электронной почты: *gluciani@jhubc.it*

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Является основателем (1994 г.) и бессменным президентом ПИР-Центра. С 2006 г. возглавляет Европейское отделение ПИР-Центра в Женеве — Centre russe d'etudes politiques. Является членом Совета ПИР-Центра. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения. Член Редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Основатель (1993 г.), член Международного клуба *Триалог*. Ассоциированный научный сотрудник Женевского центра политики безопасности (GCSP). Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО. Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Кандидат политических наук. Под его общей редакцией был издан учебник *Ядерное нераспространение* (второе издание — 2003 г.). Автор (соавтор) более десяти книг и монографий, около 300 научных работ и публицистических статей. Адрес электронной почты: *orlov@pircenter.org*

Тот Тибор — руководитель подготовительной комиссии Организации договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ) с 2005 г. 1997–2001 гг. — постоянный представитель Венгрии при ООН. Возглавлял Совет управляющих МАГАТЭ в 1997–2001 гг. С 1994 по 1996 г. был заместителем по международным вопросам министра обороны Венгрии. 1982–1992 гг. — участник переговоров по созданию Конвенции о запрещении химического оружия. С момента основания в 1996 г. подготовительной комиссии ДВЗЯИ и до 2004 г. возглавлял Рабочую группу А, в сферу ответственности которой входит решение бюджетных и административных вопросов. В этой должности активно способствовал усилиям государств-подписантов создать бюджетную, финансовую, административную и законодательную инфраструктуру Организации. Участвовал в работе комитета *ad hoc* Конференции по разоружению ДВЗЯИ, в конференциях по созданию Конвенции о запрещении биологического оружия и Договора о нераспространении ядерного оружия в 1980, 1985, 1990, 2005 гг. Адрес электронной почты: *info@ctbto.org*

Ульянов Михаил Иванович — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. В 1980 г. окончил Московский государственный историко-архивный институт. Работал в Историко-дипломатическом управлении (1980–1986 гг.), Управлении/Департаменте международных организаций (1986–1990, 1995–1998, 2002–2004 гг.), в Постоянном представительстве СССР/России при ООН в Нью-Йорке (1990–1995 гг.) и в Постоянном представительстве России при НАТО в Брюсселе (1998–2002 гг.). С января 2004 г. — заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения. С сентября 2006 г. — руководитель российской делегации на венских переговорах по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. Адрес электронной почты: *dvbr@mid.ru*

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведую-

щий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности.* Адрес электронной почты: *fedorov.yury@yahoo.com*

Чебан Александр Яковлевич — аспирант кафедры международных отношений Одесского национального университета (ОНУ) имени И. И. Мечникова (Украина), выпускник факультета международных отношений ОНУ имени И. И. Мечникова. Участник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). В 2012 г. прошел стажировку в ПИР-Центре. Автор публикаций по тематике ядерного распространения и разоружения. Участник ряда международных конференций по проблемам ядерного разоружения и глобальной безопасности.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 15 июня 2012 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., постоянный представитель, Представительство России при международных организациях в Вене, Вена, Австрия

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель, Совет Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., проф., ведущий научный сотрудник, заведующий, Отдел европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Геннадий Михайлович, генерал-лейтенант, старший вице-президент ПИР-Центра (2009–2012), Москва, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор, Департамент стратегии коммуникаций, управление общественных связей, TNK BP, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериазданович, д. ф.-м. н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант Командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д. г.-м. н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в глобальной политике*, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, проф., Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Мясников Евгений Владимирович, директор, Центр по изучению контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., заместитель начальника, отдел оборонной политики, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

Решетников Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия

РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, МИД России, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий, отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, Постоянное представительство РФ при НАТО, Брюссель, Бельгия

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Венский Центр изучения проблем разоружения и нераспространения, Вена, Австрия

Сумский Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия

Федоров Валерий Валерьевич, к.п.н., генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин фон, политический обозреватель, радио *КоммерсантЪ FM*, Москва, Россия

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

(по состоянию на 15 июня 2012 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Ганкин Леонид Эммануилович, департамент по международным отношениям и связям с общественностью, Фонд *Сколково,* Москва, Россия

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд Макартуров, Москва, Россия

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукингса, Вашингтон, США

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Спасский Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., Чрезвычайный и Полночный Посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом,* Москва, Россия

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США

Хоффман Дэвид, внештатный редактор газеты *Вашингтон Пост*, Вашингтон, США

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Манама, Бахрейн

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 15 июня 2012 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, старший вице-президент ПИР-Центра, Москва, Россия

Джаятиллека Дайан, Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, Париж, Франция

Дуарте Сержио, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.), Рио-де-Жанейро, Бразилия

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия

Макгетланенг Сехларе, д.п.н., директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР

Поттер Уильям, проф., директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Рамальо Антонио, проф. международных отношений, Университет Бразилиа, Бразилиа, Бразилия

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский Центр Залива, президент, Sager Group Holding, Дубаи, ОАЭ

Санаи Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Толипов Фарход Фазилович, политолог, Ташкент, Узбекистан

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР

Унникришнан Нандан**,** вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия

Эггерт Константин фон, политический обозреватель, радио КоммерсантЪ-FM, Москва, Россия